

Редакционный совет серии «История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «История»

Ответственный редактор

А. В. Дмитриев д-р ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный медицинский университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

А. Н. Алексеенко д-р ист. наук, проф. (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В. П. Булдаков д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)

В. Фудзимото д-р истории, проф. (Осакский университет экономики и права, Япония)
Д. Вулф д-р истории, проф. (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)

В. Дённингхаус д-р истории, проф. (Нордост-институт при Гамбургском университете, Люнебург, Германия)

Л. В. Дериглазова д-р ист. наук, проф. (Томский государственный университет, Россия)

С. В. Кондратьев д-р ист. наук, проф. (Тюменский государственный университет, Россия)

А. С. Лавров д-р ист. наук, проф. (Университет Париж – Сорbonна, Париж, Франция)

Г. Г. Пиков д-р ист. наук, д-р культурологии, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Н. Н. Родигина д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

С. Ю. Сапрыкин д-р. ист. наук, проф. (Московский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Россия)

Д. Смил д-р истории, проф. (Школа истории колледжа королевы Марии Лондонского университета, Великобритания)

И. Халфин д-р истории, проф. (Тель-Авивский университет, Израиль)

Э. Д. Хейвуд д-р истории, проф. (Абердинский университет, Великобритания)

П. Холквист д-р истории, проф. (Пенсильванский университет, США)

В. И. Шишкин д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

А. Х. Элерт д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)

М. Юнге д-р истории (Пурский университет, Бохум, Германия)

Advisory Board of the Series “History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
B. Viola	Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)
E. E. Voytishek	Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
T. Glantz	Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
A. V. Golovnev	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
A. E. Demidchik	Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)
A. P. Derevianko	Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
J. Joubert	Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
O. D. Zhuravel	Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
G. E. Imposti	Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)
A. K. Kiklevich	Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)
S. M. Kotkin	Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)
V. A. Lamin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
Oka Hiroki	Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
H. Parzinger	Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
H. Plisson	Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
Bae Kidong	Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
P. Rutland	Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
I. V. Silantiev	Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
Tang Chung	Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
T. Higham	Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
Yu. V. Shatin	Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “History”

Executive Editor

A. V. Dmitriev Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

S. O. Egorov Candidate of Historical Sciences (Novosibirsk State Medical University, Russian Federation)

Board Members

A. N. Alekseenko Doctor of Historical Sciences, Professor (S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust Kamenogorsk, the Republic of Kazakhstan)

V. P. Vuldakov Doctor of Historical Sciences (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

W. Fujimoto Doctor in History, Professor (Osaka University of Economics and Law, Japan)

D. Wolff Doctor in History, Professor (Hokkaido University, Sapporo, Japan)

V. Dönnighaus Doctor in History, Professor (North-East Institute of University of Hamburg, Lüneburg, Germany)

L. V. Deriglazova Doctor of Historical Sciences, Professor (Tomsk State University, Russian Federation)

S. V. Kondratyev Doctor of Historical Sciences, Professor (Tyumen State University, Russian Federation)

A. S. Lavrov Doctor of Historical Sciences, Professor (Paris-Sorbonne University, Paris, France)

G. G. Pikov Doctor of Historical Sciences, Doctor of Culture Science, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

N. N. Rodigina Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)

S. Yu. Saprykin Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow State University, Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

J. Smale Doctor in History, Professor (Queen Mary's college of London University, United Kingdom)

I. Halfin Doctor in History, Professor (Tel Aviv University, Israel)

A. J. Heywood Doctor in History, Professor (University of Aberdeen, United Kingdom)

P. Holquist Doctor in History, Professor (University of Pennsylvania, Philadelphia, United States)

V. I. Shishkin Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

A. Kh. Elert Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

M. Junge Doctor in History (Ruhr University, Bochum, Germany)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2019. Том 18, № 8: История

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

Берзон Е. М. Вавилонский царский список эпохи эллинизма: некоторые заметки	9
Шкитин Д. И. Проблема источников и достоверности знаний: операция «Наследие» и передача власти в Индии	18
Белкина П. Ю. Антимиграционная политика стран Вишеградской группы	29

Российская история

Безотосный В. М. Генералы российской армии польского происхождения в 1812 году	39
Абсемиров С. А. Колонизация Степного края в практической деятельности представителей казахской интеллигенции второй половины XIX – начала XX века	48
Лысенко Ю. А., Ян Цуйхун. Обзор миссионерской деятельности Пекинской духовной миссии (вторая половина XIX – начало XX века)	59
Невмержицкая Е. А., Рабинович В. Ю. Цензурная практика в отношении сибирской периодической печати последней трети XIX – начала XX века	74
Фомин А. Ю. Военная печать в борьбе за реформы: газета «Военный голос» и ее сотрудники (1906 год)	89
Конев А. Ю. Инеродческий дискурс в словаре власти и науки в период революции и социалистических преобразований в Сибири (1917–1930-е годы)	102
Морозова Т. И. «О частичном делатышизации Алтгубкома»: кадровая политика областного партийного руководства Сибири в отношении Алтайского губернского комитета РКП(б) (март – июнь 1924 года)	112
Матханова Н. П., Титова Л. В., Юдин А. А. Переписка В. И. Малышева и М. Н. Тихомирова о сохранении памятников письменности	126

Документальные страницы

Курукин И. В. «Везде по-прежнему усмирило»: будни «Низового корпуса» в Иране после похода Петра I	138
---	-----

Рецензии

Гурьянова Н. С. Рец. на кн.: Историческая память России и декабристы. 1825–2015.

Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.) / Сост., отв. ред. П. В. Ильин. СПб.; Иркутск: Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов, 2019. 472 с.

144

Список сокращений

149

Информация для авторов

150

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2019, vol. 18, no. 8: History

CONTENTS

World History

Berzon E. M. Some Notes about Babylonian King List of the Hellenistic Period	9
Shkitin D. I. The Problem of Sources and Proved Knowledge in History: Operation “Legacy” and Transfer of Power in India	18
Belkina P. Yu. Antimigrant Policy of Visegrad Group Countries	29

Russian History

Bezotosny V. M. Russian Army Generals of Polish Ancestry in 1812	39
Abselemov S. A. Colonization of the Steppe in the Activities of Representatives of the Kazakh Intelligentsia in the 2 nd Half of the 19 th – the Beginning of the 20 th Centuries	48
Lysenko Yu. A., Cuihong Y. Review of the Pastoral Activity of the Russian Orthodox Mission in Beijing (The 2 nd Half of the 19 th – Early 20 th Century)	59
Nevmerzhitskaya E. A., Rabinovich V. Yu. Materials of Siberian Periodicals in the Late 19 th – Early 20 th Centuries: Censorship Practice	74
Fomin A. Yu. Military Press in Struggle for Reforms: Newspaper “Voennyi Golos” and its Personnel (1906)	89
Konev A. Yu. Aliens’ Discourse in the Vocabulary of Authority and Science during the Period of Revolution and Socialist Transformations in Siberia (1917–1930s)	102
Morozova T. I. “On Partial Delatvization of Altgubcom”: the Personnel Policy of the Regional Party Leadership of Siberia towards the Altai Provincial Committee of the RCP(b) (March – June 1924)	112
Matkhanova N. P., Titova L. V., Yudin A. A. The Correspondence between V. I. Malyshev and M. N. Tikhomirov about the Preservation of Manuscripts	126

Documents

Kurukin I. V. “It’s Still Pacified Everywhere”: “Lower Corps” Weekdays in Iran after Campaign of Peter the Great	138
--	-----

Reviews

Guryanova N. S. Review on the book: Historical Memory of Russia and the Decembrists. 1825–2015. Proceedings of the International Scientific Conference (St. Petersburg, December 14–16, 2015). Comp., ed. P. V. Ilyin. St. Petersburg, Irkutsk, Irkutsk Regional Historical and Memorial Muzeum of Decembrists, 2019, 472 p.

144

List of Abbreviations

149

Instructions to Contributors

150

УДК 94 (354)
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-9-17

Вавилонский царский список эпохи эллинизма: некоторые заметки

Е. М. Берзон

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация

Одним из важнейших клинописных источников по истории династии Селевкидов является Вавилонский царский список эпохи эллинизма. Вопросы хронологии не раз становились предметом глубокого научного анализа, чего нельзя сказать о терминологической части этого источника. Исследование последней и является задачей данной работы. В результате было выявлено, что различие формул воцарения зависело преимущественно от длины строки таблички, но не от вкладываемого в фразу особого смысла. Употребление глагола GAZ не является констатацией факта убийства правителя как такового; он используется только случаях гибели царя в военном походе за пределами своих владений. Термин *aplu* (основное значение «сын») в селевкидское время нередко используется и в более широком значении – «наследник». Наиболее характерным является употребление его применительно именно к представителям династии.

Ключевые слова

Селевкиды, эллинизм, древняя Месопотамия, клинопись, Вавилонский царский список

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта РНФ 19-18-00549 «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках»

Для цитирования

Берзон Е. М. Вавилонский царский список эпохи эллинизма: некоторые заметки // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 9–17. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-9-17

Some Notes about Babylonian King List of the Hellenistic Period

Е. М. Berzon

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract

This article attempts to comment on some issues related to the reading and interpretation of Babylonian King List of the Hellenistic Period (also known as BKLHP or “King List 6”), one of the most important cuneiform sources from Seleucid Babylonia. The author examines all titles used for the representatives of the Seleucid dynasty in the Babylonian King List, as well as the wording of the accession to the throne and death of one or another king. E. M. Berzon believes that the difference in the formulas for accession to the throne on the obverse and reverse of the King List was determined not so much by its sense as by the length of the line on cuneiform tablet. As for the statement of death, the use of the verb GAZ in the text did not depend on the very fact of the killing of the ruler. It is used only in cases when the king was killed as a result of a certain incident during a military expedition outside his possessions. Also the author has shown that the word *aplu*, often translated in texts as “son”, in the Seleucid time acquires a more general meaning – “heir”, which in this case was not necessarily a son. And it is precisely in this way that this sign should be translated in the Babylonian King List of the Hellenistic Period which in turn explains its use in the 10th line of the reverse of the tablet. In general, the Babylonian royal list of the Hellenistic time is an extremely important source, which

makes it possible to clarify many issues with the chronology and dating of the Seleucid rule, which the “classical” narrative tradition often cannot provide.

Keywords

Seleucids, Hellenism, Cuneiform, Ancient Mesopotamia, King List

Acknowledgements

The work is published under the RSF grant 19-18-00549 “State Power Discourse in Ancient Societies and Reception of its Elements in Global and Russian Socio-Political Practices”

For citation

Berzon E. M. Some Notes about Babylonian King List of the Hellenistic Period. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 9–17. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-9-17

Вавилонский царский список эллинистического времени – один из важнейших источников по хронологии Селевкидов. В отличие от своего «побратима», царского списка из Урука, он содержит более пространные сведения о правлениях царей и в целом привязан именно к эпохе эллинизма: начинается он царствованием Александра III, а заканчивается, по всей видимости, Митридатом I Парфянским и, таким образом, охватывает период с 323 по примерно 145 г. до н. э. Для сравнения: в Урукском царском списке выборочно приводятся царствования царей от Ашшурбанипала и Кандалану до Селевка II, что в общей сложности составляет временной промежуток сроком почти в 450 лет¹. Составлен рассматриваемый текст был предположительно в Вавилоне, *terminus post quem* 145 г. до н. э., доступен в единственном экземпляре, который сейчас находится в Британском музее (BM 35603)².

Сам документ представляет собой глиняную табличку размером примерно 80 на 60 мм, текст разбит по 15 строк на обверсе и реверсе, несколько строк расположены также на верхнем и левом краях таблички. Впервые он был опубликован в 1954 г. А. Саксом и Д. Вайсманом в журнале «Ирак», где вместе с автографией таблички издатели приводят перевод царского списка и некоторые комментарии к нему [Sachs, Wiseman, 1954]. Правда, сами исследователи во введении к своей статье сделали оговорку, что это издание является предварительным. И действительно, несмотря на то, что публикация Сакса и Вайсмана до сих пор является базовой, многие аспекты этого по-своему уникального источника нуждаются в переосмыслении. Надо сказать, что за последние десятилетия интерес к нему значительно возрос: так, Вавилонскому царскому списку посвящен целый ряд работ выдающихсяassyriologov [Grayson, 1980. P. 98–100; Grzybek, 1992; Del Monte, 1997. P. 208–211; Glassner, 2005. P. 134–135; Boiy, 2011]³. И тем не менее, несмотря на такое внимание к источнику со стороны исследователей, Вавилонский царский список таит в себе еще немало загадок. Поэтому цель нашей работы – выделить некоторые из них, прокомментировать их, а также, по мере возможности, постараться дать им какое-то разъяснение.

Текст Вавилонского царского списка эпохи эллинизма начертан селевкидской клинописью и содержит немало идеограмм. Показательные примеры: глагол *erēši* (в форме претерита – *īriš*, в данном контексте переводится как «царствовал»), переданный знаками IN.AG, что представляет собой глагольную форму, образованную из шумерского языка⁴. Очевидно, что авторы нашего памятника стремились подчеркнуть следование традициям Шумерского царского списка. Еще один характерный пример – существительное *šīmātu* (NAM)^{meš}, словно «судьбы» (мн. ч.), традиционно понимаемое как «умер», что, конечно, не вполне точно. По всей видимости, в полном варианте эта фраза должна звучать как *ana šīmti ittallak* «к судьбе он ушел», т. е. скончался – довольно распространенное для вавилонской традиции выражение, означающее смерть человека.

¹ Об Урукском царском списке см.: <https://www.livius.org/sources/content/uruk-king-list/>.

² https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?partid=1&assetid=432693001&objectid=327186.

³ А также: https://www.livius.org/k/kinglist/babylonian_hellenistic.html.

⁴ I – префикс пространственной ориентации, N – показатель одушевленного 3 лица единственного числа, AG – корень глагола *erēši*.

Даже при беглом обзоре бросается в глаза, что царский список, составленный в эпоху эллинизма, по своему содержанию не отличается особой оригинальностью и в целом повторяет композицию древних царских списков, следуя традиционной схеме: указывается имя царя, даты его вступления на престол и смерти, а также число лет его правления. В данной работе мы не будем затрагивать проблемы датировок, поскольку этот вопрос требует отдельного рассмотрения; кроме того, именно этому посвящены многие работы зарубежных специалистов [Sachs, Wiseman, 1954. Р. 204–210; Grzybek, 1992. S. 191–197; Assar, 2007; Boiy, 2011]. Для сопоставления см. также ранние работы более общего характера: [Olmstead, 1937; Parker, Dubberstein, 1956. Р. 21–24]. Нам хотелось бы остановиться на других аспектах: прояснить особенности употребления в царском списке формул воцарения и смерти тех или иных представителей династии Селевкидов, а также терминологию их титулатуры в контексте исторических реалий и обстоятельств правления конкретного монарха.

Прежде всего обратимся к разным вариантам царской титулатуры и формулам вступления на престол (см. таблицу). На первый взгляд может показаться, что здесь нет ничего примечательного. Действительно, цари носят традиционный титул *šarru* (LUGAL), сама констатация царствования, как уже отмечалось, передается знаками IN.AG, а факт смерти отмечается как «путешествие к судьбе». Тем не менее при ближайшем рассмотрении нельзя не обратить внимания на то, что из всех Селевкидов только два царя, Антиох I и Антиох II, носят титул *šarru* (LUGAL) *rabû* (GAL)⁵, «великий царь». Чем могла быть вызвана такая избирательность, особенно с учетом того, что, например, Антиох III, в греческих источниках часто именуемый как βασιλεὺς μέγας и даже вошедший под этим титулом в историю, во всех известных клинописных текстах, в том числе и в Вавилонском царском списке, скромно именуется *šarru*?

Р. ван дер Спек высказал предположение, что в царском списке Антиох I именуется «великим царем» по отношению к его сыновьям-соправителям Селевку и Антиоху II, которые, будучи соправителями, также носили царский титул⁶. Тем не менее это объяснение не выглядит убедительным, поскольку контекст источника не предполагает необходимость такой эмфазы, а кроме того, в иных аналогичных случаях и царь, и его соправитель носят титул *šarru* (LUGAL) [Boiy, 2002. S. 242–243; Берзон, 2014. С. 105–118]. Более того, согласно транслитерации нидерландского исследователя, 13-я строка обверса выглядит так: [*vac.*] *im-ta* ^m*An A šá ^m*An LUGAL GAL-ú ^m*NAM!*^[mes] («говорят, Антиох (П), наследник великого царя Антиоха (I) умер»)⁷. При этом сам Р. ван дер Спек по какой-то причине никоим образом не объясняет, на каком основании он без всяких оговорок вставил в текст фразу *A šá* ^m*An* и таким образом «лишил» Антиоха II титула «великий царь». Ведь в доступной нам автографии царского списка это место в строке сохранилось прекрасно (наше прочтение этой строки: *im-ta* ^m*An LUGAL GAL [NAM^{mes}]*), и поэтому нет никаких оснований полагать, что писец в данном месте допустил ошибку.**

Полагаем, что особенности употребления титула *šarru rabû* в царском списке применительно лишь к первым двум Антиохам могут объясняться следующими причинами. Прежде всего, именно при этих царях государство Селевкидов достигало своих максимальных территориальных размеров (не считая масштабного, но оказавшегося эфемерным возвращения некоторых территорий, например, при Антиохе III), что само по себе выгодно оттеняло их «величие» по сравнению с их не столь могущественными или удачливыми потомками. Кроме того, известно, что первые Селевкиды, особенно Антиох I, уделяли Вавилонии немало внимания: занимались строительством и восстановлением древних вавилонских храмов, участвовали в местных религиозных празднествах и ритуалах, дарили земельные наделы гражданам месопотамских городов. Об этом свидетельствует целый ряд клинописных источников: сообщения астрономических дневников и хроник (AD⁷ – 273 В 'rev. 36'–37'; BCHP⁸ 5–8),

⁵ https://www.livius.org/k/kinglist/babylonian_hellenistic2.html.

⁶ Там же.

⁷ Sachs A. J., Hunger H. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Vol. I. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1988. 377 р.

а также такие единичные и поэтому в некотором роде уникальные памятники, как цилиндр Антиоха I, так называемый «текст Леманна» [Wallenfels, van der Spek, 2017. P. 213–227], «Вавилониака» Беросса. Таким образом, в глазах своих месопотамских подданных именно эти цари в большей степени заслуживали именоваться «великими».

При этом, однако, нельзя исключать вероятность «случайного» написания этих титулов: именование прочих Селевкидов просто царями, без адъектива *rabû* (GAL), не следует воспринимать как умаление статуса этих правителей по сравнению с их «великими» предшественниками. В пользу этого хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. В Астрономических дневниках (AD – 187 A 'rev. 3'–18') сохранилось описание торжественного ритуала, приуроченного к весеннему вавилонскому празднику Акиту, с участием Антиоха III [Madreiter, 2016. P. 111–136]. Источники упоминают в том числе о различных ценных дарах, преподнесенных царю, включая мантию Навуходоносора II, которая, несомненно, воспринималась как реликвия. Все это должно было свидетельствовать о выражении монарху особого почтения, а значит, и именование его «великим царем» отнюдь не было бы лишним, тем более что так его официально величали и греческие подданные, и придворные [Bevan, 1902; Schmitt, 1964. S. 92–95; Strootman, 2014. P. 1–29]. При этом клинописные источники вполне могли не передать нам всех тонкостей официальной титулатуры, особенно с учетом того, что исторических пассажей в вавилонских текстах, относящихся к царствованию Антиоха III, сохранилось крайне немного; датировочные же формулы экономических документов в данном случае не являются определяющим показателем. Кроме того, следует учитывать, что торжественное мероприятие с вручением даров относится к последнему (187 г. до н. э.) году царствования Антиоха III, после чего царь вскоре погиб в Эламе. Из этого следует, что даже если этот Селевкид в конце своего правления и получил от вавилонских подданных официальный титул *šarru rabû*, то в связи с его скорой кончиной этот факт не успел отразиться в источниках.

В связи с вопросом о царской титулатуре уместно будет обратить внимание и на еще один любопытный факт. Так, составители царского списка по отношению к царям, начиная с Антиоха III, регулярно употребляют традиционную для вавилонских царских текстов формулировку *ina kussî* (AŠ.TE) *uššab* (TUŠ)^{ab}, «на троне воссел», которая, однако, отсутствует в строках о первых Селевкидах. Возникает вопрос: является ли употребление этих достаточно стандартных формулировок именно в таком порядке случайным или же тут есть какие-то закономерности, а если допустить возможность последнего, то чем они были обусловлены?

Характеризуя палеографические особенности царского списка, Т. Бойи обратил внимание на следующую особенность рассматриваемого текста. На обверсе таблички вступление на престол всегда выражается формулой: PN *šarru* (LUGAL), «ЛИ царь»⁹. На реверсе же начиная как раз с Антиоха III употребляется более пространная фраза: PN *ina kussî* (AŠ.TE) *uššab* (TUŠ)^{ab}, «ЛИ сел на трон» [Boiy, 2011. P. 4]. С учетом этого наблюдения следует полагать, что разница в формулировках была вызвана не столько смыслом, сколько длиной строки: вариант, использованный на обверсе, был сокращенным аналогом фразы на реверсе, более торжественной и в то же время традиционной. Последняя же по количеству знаков физически могла помещаться только на строках реверса.

Наряду с формулировками воцарения в царском списке закономерный интерес вызывают и сообщения о смерти царей, которые можно разделить на две категории по характеру смерти – насильственной и естественной. Согласно царскому списку, были убиты Селевк I и Антиох III: факт их гибели выражается через шумерограмму GAZ, соответствующую аккадскому глаголу *dâku*, «убивать». Смерть по естественным причинам (*šîmtâtu = ana šîmti ittallak*, см. выше) приписывается Антиоху I и Селевку IV. О судьбе прочих царей ничего сказать нельзя,

⁸ Babylonian Chronicles of the Hellenistic Period .(<https://www.livius.org/sources/about/mesopotamian-chronicles/>).

⁹ Здесь и далее: PN – personal name; ЛИ – личное имя.

так как текст в соответствующих строках не сохранился либо слишком поврежден и с трудом поддается реконструкции.

Вавилонский царский список эпохи эллинизма
Babylonian King List of the Hellenistic Period

№ п/п	Надпись	Перевод
Обверс		
1	[... ^m] <i>A lik-sa-an-d[ar...]</i>	[...] Александ[р (III)...]
2	[^m P] <i>i-lip-su ŠEŠ-šú šá ^mA lik-sa-a[n]-[dar]</i>	[Филипп, брат Алекса[ндра III]
3	[...] MU LUGAL <i>ina KUR NU.TUK ^mAn-ti-</i> <i>gu-nu-us</i>	[...] не было царя в стране. Антигон
4	[^m GAL ÉRIN ^{meš} <i>ina (KUR) mu^{ja!}-ma⁻²-ir</i>	военачальник страной правил
5	^m <i>A lik-sa-an-dar A šá ^mA lik M[U] 6</i>	Александр (IV), наследник Алек(сандра III): 6 ле[т]
6	MU 7.KÁ[M] šá ši-i MU 1.KÁM ^m Si-lu-ku LUGAL	Год 7[-й] (СЭ = 305/304 до н. э.), который 1-й год Селевка (I) царя
7	MU 25 IN.AG	Он царствовал 25 лет
8	MU 31.KÁ[M] KIN ^m Si LUGAL <i>ina kur Ha-</i> <i>ni-i GAZ</i>	Год 31-й, (месяц) Улюлю (26 августа – 24 сентября 281 г.): Се(левк I) царь в земле Хани был убит
9	[MU] 32.KÁM ^m An A šá ^m Si LUGAL MU 20 IN.AG	[Г]од 32-й (280/279 г.): Ан(тиох I), наследник Се(левка I) царя, царствовал 20 лет
10	[MU] 51.KÁM GU ₄ 16 UD ^m An LUGAL GAL-ú NAM ^{meš}	[Г]од 51-й, (месяц) Айяру, 16-й день (2 июня 261 г.): Ан(тиох I), великий царь, умер.
11	[MU] 52.KÁM ^m An A šá ^m An LUGAL 15 M[U IN.AG [?]]	[Год] 52-й (260/259 г.): Ан(тиох II), наследник Ан(тиоха I) царя, 15 л[ет царствовал]
12	[MU] 66.KÁM IZI <i>ina E^{ki} i[t]-te-e[š-me]</i>	[Г]од 66-й, (месяц) Абу (31 июля – 29 августа 246 г.), в Вавилоне стало изве[стно]
13	[vac.] <i>um-ma ^mAn LUGAL GAL-[ú</i> <i>NAM^{meš}]</i>	следующее: Ан(тиох II), великий царь, [умер]
14	[MU] 67.KÁM ^m S[i-... A šá ^m An LUGAL MU ... IN.AG]	[Год] 67-й (245/244 г.): С[елевк (II), наследник Антиоха (II) царя, царствовал ... лет]
15	[.....]	
Реверс		
1	[MU 8]7.KÁM ^m S[i-...]	[Год 8]7-й (225/224 г.): С[елевк (III)...]
2	[MU] 90.KÁM ^m An LUGAL <i>ina AŠ.TE</i> <i>T[UŠ-ab]¹</i>	[Год] 90-й (222/221 г.): Ан(тиох III) царь на троне во[ссел]
3	[MU] 35 IN.AG	Он царствовал 35 [лет]
4	[TA] 1.ME.2.KÁM EN 1.ME.19 ^m An [...]	[Co] 102-го (года) по 119-й (210/209 – 193/192 гг.): Ан(тиох III) [...]
5	[vac.] <i>u ^mAn A-šú^{meš!} LUGAL^(meš!)</i>	и Ан(тиох), его наследник [!] , цари [!] .
6	[MU] 1.ME.25.KÁM SIG <i>ina E^{ki} it-te-eš-me</i>	[Г]од 125-й, (месяц) Симану, в Вавилоне стало известно
7	<i>um-ma UD 25.KÁM ^mAn LUGAL ina</i> <i>kur NIM^{ki} GAZ</i>	следующее: в день 25-й (3 июля 187 г.) Ан(тиох III) царь в Эламе был убит

Окончание таблицы

№ п/п	Надпись	Перевод
8	MU BI ^m Si A-šú ina AŠ.TE TUŠ-ab MU 12 IN.AG	Этот же год (187 г.): Се(левк IV), его наследник, на троне воссел; он царствовал 12 лет
9	MU 1.ME.37.KÁM KIN UD 10.KÁM ^m Si LUGAL NAM ^{meš} DIŠ IGI	Год 137-й, (месяц) Улюлю, день 10-й (3 сентября 175 г.): Се(левк IV) царь умер
10	ITI BI ^m An A-šú ina AŠ.TE uššab TUŠ-ab MU 11 IN.AG	Этот же месяц: Ан(тиох IV), его наследник, на троне воссел; он царствовал 11 лет
11	[MU B]I ^{iši} APIN ^m An u ^m An A-šú LUGAL ^{meš}	Эт[от же год], месяц Арахсамну (23 октября – 20 ноября 175 г.): Ан(тиох IV) и Ан(тиох), его наследник, цари
12	[MU 1.ME.]42.KÁM IZI ina a-mat ^m An LUGAL ^m An LUGAL A-šú di-ik-ku	[Год 1]42-й, (месяц) Абу (31 июля – 28 августа 170 г.): по приказу Ан(тиоха IV) царя Ан(тиох) царь, его наследник, был убит
13	[MU 1.ME.40] + 3.KÁM ^m An LUGAL	[Год 14]3-й [169/168 г.]: Ан(тиох IV) царь
14	[MU 148.KÁM] GAN it-te-eš-me šá ^m An L[UGAL NAM ^{meš}]	[Год 148-й], (месяц) Кислиму (20 ноября – 18 декабря 164 г.): стало известно, что Ан(тиох IV) ц[арь умер]
15	[...] x x x [...]	
Верхний край		
1	[(...)]	
2	[...] A x [...]	
3	[...] x x [...]	
Левый край		
1	[...] ^[m] De A šá ^m De [...]	[...] Де(метрий II), наследник Де(метрия I) [...]
2	[...] x ^m [Ar [?]] LU[GAL ...]	[...] Аршак [?] царь [...]

Примечание: транслитерация и перевод выполнены нами по автографии, приводимой в статье Сакса и Вайсмана [Sachs, Wiseman, 1954. P. 212]; СЭ – Селевкидская эра.

В целом сообщения о смерти Селевкидов коррелируют с нарративной традицией, однако имеется одно исключение, причем довольно существенное. Так, из античных источников известно, что Селевк IV, один из «отправившихся к судьбе» царей, был убит своим приближенным Гелиодором, который затем в течение некоторого времени пытался удержать всю власть в своих руках (App. Sug. 45). Это не могло остаться неизвестным для составителей царского списка – по-видимому, младших современников данных событий. Поэтому возникает закономерный вопрос: почему же смерть Селевка IV подается в такой завуалированной форме?

Поскольку у нас нет никаких оснований обвинять авторов источника в тенденциозности или сознательном искажении событий, то разумным будет тщательно разобрать контекст употребления обоих выражений о кончине царей. При внимательном рассмотрении можно заметить, что глагол-логограмма GAZ употребляется в тех случаях, когда царь был не просто умерщвлен, но погиб в военном походе за пределами своего царства. В то же время смерть негероическая, в собственных владениях, определяется как «рука судьбы». Примечательно,

что, сообщая об убийстве правителя, составители царского списка всегда и, надо полагать, неслучайно акцентируют внимание на месте, где погиб царь: ^m*Si LUGAL ina kur Hanî GAZ* («царь Селевк был убит в стране Хани») и ^m*An (LUGAL) ina kur NIM^{ki} GAZ* («царь Антиох был убит в Эламе»). Эту особенность можно рассматривать в качестве косвенного аргумента в пользу предположения о том, что глагол GAZ в Вавилонском царском списке употреблялся для констатации не убийства как такового, в широком смысле этого слова, а только для описания тех случаев, когда царь погиб в результате некоего инцидента за пределами своих владений в ходе военной кампании.

В связи с темой гибели правителей стоит упомянуть и еще одно не вполне характерное для царского списка свидетельство. Речь идет об убийстве царевича Антиоха, сына Селевка IV, племянника и соправителя Антиоха IV: *ina amat ^mAn LUGAL ^mAn LUGAL A-šú dīkku*, «по приказу царя Антиоха (IV) царь Антиох, его наследник, был убит». Эта короткая фраза вызывает сразу несколько вопросов. Почему в тексте упоминается всего два соправителя (второй – старший сын Антиоха III, родной брат Антиоха IV, скоропостижно скончавшийся еще при жизни отца, в то время как их в истории династии было значительно больше, причем о многих из них известно именно из клинописных источников (полный список соправителей в династии Селевкидов см.: [Берзон, 2014. С. 118])? Зачем было необходимо в столь сухом и скромном документе акцентировать внимание на обстоятельствах несчастного царевича?

Что касается первого вопроса, то единственным объяснением видится хронологическая близость этих соправительств ко времени жизни составителей царского списка: за недавностью событий им «посчастливилось» оказаться в списке вместе с «полноценными» монархами. Разумеется, можно было бы допустить, что эти два принца выделены только потому, что преждевременная смерть настигла их раньше, чем они вступили на престол, однако тогда из этой логики выпадает старший сын и соправитель Антиоха I Селевк, который также, говоря языком царского списка, *ina amat Antikusu šarri dīku* (см. о нем: [Del Monte, 1995. Р. 433–444]).

На второй вопрос ответить еще труднее: ведь нам ничего не известно ни об обстоятельствах создания царского списка, ни о взглядах его авторов. Допустимыми представляются два варианта интерпретации уместности фразы об убийстве царевича Антиоха. Один из них предполагает существование некой официальной версии о том, что царевич оказался в чем-то повинен (в государственной измене?) и, следовательно, был умерщвлен на якобы «законных» основаниях (что, конечно, не дает повода считать, будто этот ребенок действительно был виновен в чем-либо кроме своего происхождения). В таком случае убийство соправителя выглядело относительно «легитимно», а поэтому могло быть зафиксировано в таком официальном документе, как царский список. Вторая версия более субъективна: можно допустить, что эта запись была сделана по инициативе самих составителей текста – очевидно, современников этих событий, которые хотели таким образом прозрачно намекнуть на незаконность действий Антиоха IV, умертвившего своего племянника с целью ликвидации гипотетического соперника. И хотя наш источник в целом кажется строго формульным и с точки зрения политических предпочтений безликим, такая трактовка предполагает исключение из этого правила.

В заключение хотелось бы обратить внимание на особенности употребления и перевода термина *aplu*, который обычно выражается логограммой А и в клинописных текстах селевкидского периода, по крайней мере, применительно к представителям династии употребляется лишь в отношении соправителя. Основные лексические значения этого слова – «сын, наследник» [CAD ¹⁰, 1968. Т. I. Pt. II. Р. 173–177, s.v. *aplu*] ¹¹, причем, как показывает множество примеров, в доэллинистической Месопотамии *aplu* в подавляющем большинстве случаев фигурирует как синоним *tāru* («сын, дитя», соответствует шумерограмме DUMU).

¹⁰ CAD – Chicago Assyrian Dictionary. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago.

¹¹ Шумерограмма А означает «семя; вода».

Очевидно, именно по этой причине во всех изданиях селевкидских хроник, а также в Астрономических дневниках и царском списке *aplu* переводится именно как “son”.

На первый взгляд разница кажется несущественной, однако она становится принципиальной, например, в 10-й строке реверса Вавилонского царского списка, где речь идет о правлении Антиоха IV: ^m*An A-šú ina AŠ.TE TUŠ^{ab}* MU 11 IN.AG («Антиох, его (Селевка IV) *aplu*, сел на трон; он правил 11 лет»). А. Сакс и Д. Вайсман, Ж.-Ж. Гласнен, Т. Бойи, Р. ван дер Спек – все они переводят эту строку следующим образом: “An<tiochus> (IV), his son, ascended the throne / sat on the throne. He reigned 11 years” [Sachs, Wiseman, 1954. P. 208; Glassner, 2005. P. 135; Boiy, 2011. P. 4] ¹². Не подлежит ни малейшему сомнению тот факт, что Антиох IV был младшим братом, а не сыном Селевка IV, в связи с чем употребление в данном случае *aplu* обычно рассматривается как ошибка писца. Однако все становится на свои места, если переводить *aplu* не как «сын», а именно как «наследник», в данном случае даже «преемник». Дабы не быть голословными, хотим обратить внимание, что во всех известных примерах селевкидского времени применительно к соправителям всегда употребляются логограммы А или IBILA (собственно, «наследник»), что, по-видимому, еще больше подчеркивает семантическую близость этих понятий в соответствующем контексте. При этом знак DUMU продолжал употребляться для указания именно кровного родства, в том числе и в отношении членов правящей династии – «рядовых» царских сыновей, не соправителей (пример из AD – 245 A obv. 13). В порядке исключения можно назвать лишь именование в ряде хроник Антиоха I как соправителя «царским сыном» *mār šarri* (DUMU LUGAL), однако в данном случае, по всей видимости, речь идет о композите (BCHP 5–7).

В целом Вавилонский царский список эпохи эллинизма представляет собой чрезвычайно важный источник, позволяющий прояснить многие вопросы с хронологией и датировкой правления Селевкидов, чего зачастую не могут предоставить «классическая» нарративная традиция.

Список литературы / References

- Берзон Е. М.** К вопросу о титулатуре соправителя в царстве Селевкидов // *Antiquitas Aeterna*. Н. Новгород, 2014. Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого. С. 105–118.
- Berzon E. M.** K voprosu o titulature sopravitelya v tsarstve Seleukidov [The Titulature of a Joint-King in the Seleukid Kingdom]. In: *Antiquitas Aeterna. Nizhny Novgorod, 2014, vol. 4: Istorija ponyatii, kategorial'nyi apparat istoricheskoi nauki i problemy (re)konstruktii proshloga* [History of Concepts, Categorical Apparatus of History and Problems of (Re)construction of the Past], p. 105–118. (in Russ.)
- Assar G. R. F.** The Inception and Terminal Dates of the Reigns of Seleucus II, Seleucus III and Antiochus III. *Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires*, 2007, vol. 3, no. 45, p. 49–53.
- Bevan E. R.** Antiochus III and His Title “Great-King”. *Journal of Hellenic Studies*, 1902, vol. 22, p. 241–244.
- Boiy T.** Royal Titulature in Hellenistic Babylonia. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*, 2002, Bd. 92, S. 241–257.
- Boiy T.** The Reigns of the Seleucid Kings According to the Babylon King List. *Journal of Near Eastern Studies*, 2011, vol. 70, no. 1, p. 1–12.
- Del Monte G. F.** Antioco I Soter e i figli Seleuco e Antioco. Un nuovo testo da Babilonia. *Studi Classici e Orientali*, 1995, vol. 45, p. 433–444. (in Ital.)
- Del Monte G. F.** Testi dalla Babilonia Ellenistica. Pisa, Roma, Istituti editoriali e poligrafici internazionali, 1997, 306 p. (in Ital.)
- Glassner J.-J.** Mesopotamian Chronicles. Atlanta, Society of Biblical Literature, 2005, 365 p.

¹² https://www.livius.org/k/kinglist/babylonian_hellenistic.html.

- Grayson A. K.** Königslisten, Akkadisch. In: Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Berlin, Bayerische Akademie der Wissenschaften, 1980, Bd. 6, p. 86–135.
- Grzybek E.** Zu einer babylonischen Königsliste aus der hellenistischen Zeit (Keilschrifttafel BM 35603). *Historia*, 1992, Bd. 41, Nu. 2, S. 190–204.
- Madreiter I.** Antiochos the Great and the Robe of Nebuchadnezzar: Intercultural Transfer between Orientalism and Hellenocentrism. In: Cross-Cultural Studies in Near Eastern History and Literature. Münster, 2016, p. 111–136.
- Olmstead A. T.** Cuneiform Texts and Hellenistic Chronology. *Classical Philology*, 1937, vol. 32, no. 1, p. 1–14.
- Parker R., Dubberstein W.** Babylonian Chronology 626 B.C. – A.D. 75. Providence, Brown Uni. Press, 1956, 47 p.
- Sachs A. J., Wiseman D. J.** A Babylonian King List of the Hellenistic Period. *Iraq*, 1954, vol. 16, no. 2, p. 202–212.
- Schmitt H.** Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit. Wiesbaden, F. Steiner Verlag, 1964, 320 S.
- Strootman R.** The Great Kings of Asia: Universalistic Titulature in the Seleukid and post-Seleukid East, 2014, p. 1–29. URL: https://www.academia.edu/30176278/The_Great_Kings_of_Asia_Universalistic_Titles_in_the_Seleukid_and_Post-Seleukid_East_2014_ (accessed 31.03.2019).
- Wallenfels R., van der Spek R.** Land grant by Antiochus II. The “Lehmann Text”. Copy of record of entitlement and exemptions to formerly royal lands. In: The Ebabbar Temple Archive and Other Texts from the Fourth to the First Millennium B.C. Text no. 148. New York, 2017, p. 213–227. URL: https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/colection_image_gallery.aspx?partid=1&assetid=432693001&objectid=327186 (accessed 31.03.2019).

Материал поступил в редакцию

Received

05.04.2019

Сведения об авторе

Берzon Екатерина Михайловна, аспирант кафедры истории Древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (ул. Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия)
 miss.ekber@yandex.ru

Information about Author

Ekaterina M. Berzon, Postgraduate Student, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory Str., Moscow, 119991, Russian Federation)
 miss.ekber@yandex.ru

УДК 327.2
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-18-28

Проблема источников и достоверности знаний: операция «Наследие» и передача власти в Индии

Д. И. Шкитин

Томский государственный университет
Томск, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме соотношения реальных событий с фактическим задокументированным материалом на примере рассекречивания документов периода упадка Британской империи, известных как «мигрирующие архивы». Рассматривается судебный прецедент, который стал прологом к дискуссии о доверии к правовым механизмам рассекречивания архивных материалов в Великобритании,дается характеристика «мигрирующих архивов», а также анализируются вероятные последствия раскрытия документов для колониальных исследований. В то время как «мигрирующие архивы» вносят свой вклад в расширение знаний об источниковой базе англоведения, то операция «Наследие», благодаря которой стало возможным формирование данных архивов, к тому же является характерной чертой деколонизации и передачи власти в британских колониях. Статья вводит в оборот новые источники по истории Британской империи в XX в., которые были обнародованы после 2011 г.

Ключевые слова

деколонизация, Британская империя, передача власти, мигрирующие архивы, операция «Наследие», архивы

Для цитирования

Шкитин Д. И. Проблема источников и достоверности знаний: операция «Наследие» и передача власти в Индии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 18–28. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-18-28

The Problem of Sources and Proved Knowledge in History: Operation “Legacy” and Transfer of Power in India

D. I. Shkitin

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

Abstract

Great Britain implemented a model of transfer of power in India by granting independence to the country while preserving its place in the Commonwealth of Nations. The key element was handing over governance by Imperial authorities to local forces by legal means. The transfer of power led to the building of nation-states in former British India. The completion of the process marked a new stage for contemporary India and enabled Indian political institutions to operate on the basis of the British Empire’s legacy since that time. Therefore, the legacy’s values were important features of the power transfer. However, the Imperial legacy had material representation in numerous official documents kept in colonial offices. Some documents being witnesses of the British governance were eliminated by Britain’s ‘Operation Legacy.’ During the Operation, some of the official papers were incinerated, while others retained under the title of ‘legacy papers’. A connection between the transfer of power and Operation Legacy has not been explored to date, but one may exist. Some questions are: could the two processes, one of which had finished in 1947 and the other had commenced, supposedly, in 1947, be interconnected? Could the transfer of power have influenced Operation Legacy, and could Operation Legacy, in turn, have become a part of other colonial power transfers by Britain after Indian independence? The article aims to investigate how Britain’s experience in India influenced its developing Operation

© Д. И. Шкитин, 2019

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 8: History

Legacy in other colonies and whether it later changed the practices of transfer of power. The author discusses why the first indications of a well-organized Operation Legacy emerged in Ceylon in late 1947, when Ceylon sought independence. This became known as the result of the internal inquiry by the Foreign Office, also known as the Cary Report.

Keywords

decolonization, British Empire, transfer of power, migrated archives, operation ‘Legacy’, archives

For citation

Shkitin D. I. The Problem of Sources and Proved Knowledge in History: Operation “Legacy” and Transfer of Power in India. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 18–28. (in Russ.)
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-18-28

15 августа 2017 г. Индия отметила 70-ю годовщину своей независимости. В этой связи в прессе Великобритании прошла волна публикаций, содержащих разнообразные оценки британского правления на субконтиненте, в том числе, и оценки последних лет колониального режима на полуострове, характерной чертой которых являлся раздел страны на мусульманскую и немусульманскую части, прекращение национальной борьбы, завершение передачи власти от колониальной администрации лидерам национального движения. Один из комментаторов, Кристофер Бёрч (Christopher Birch), обращал внимание на замалчивание такого эпизода выхода британцев из субконтинента, как операция «Наследие» («Operation Legacy»), суть которой заключалась в отборе документов периода британского правления и последующем определении их судьбы. Часть документов подлежала уничтожению, другая часть была перевезена в Лондон, а третьей части, поскольку она была передана новым независимым правительствам, было суждено внести свою лепту в формирование британского наследия в колониях. Говоря об индийских событиях 1947 г., Бёрч пишет: «Как отмечается в предоставленных Национальным архивом данных из Министерства по делам колоний, “пресса наслаждалась повисшим над Дели дымом от уничтожения документов”» [Birch, Nitin, 2017].

Нас, как исследователей передачи власти в Индии, в первую очередь интересует вопрос источников и достоверности знаний, получаемых из многочисленной, часто содержащей очевидные противоречия, литературы по данной теме. По этой же причине заинтересовалася и проблема операции «Наследие», которая может внести вклад в изменение представлений о деколонизации, элементом которой является передача власти, британских владений во второй половине XX в.

Рабочая гипотеза: феномен «мигрирующих архивов», который впоследствии был реализован через операцию «Наследие», осуществленную во многих частях распадающейся Британской империи, впервые четко проявился на Цейлоне (современной Шри-Ланке), что, возможно, является следствием процесса болезненной передачи власти на Индийском субконтиненте. Операция «Наследие» может являться органической частью передачи власти в контексте деколонизации в Британской империи. Основанием для этого может служить тот факт, что перед тем, как администрации колоний готовились передать власть независимым национальным правительствам, примерно за год до даты окончательного выхода, колониальные власти отбирали и отправляли в Лондон те документы, которые они не хотели оставлять местным властям.

Факт осуществления операции «Наследие» стал известен британской общественности благодаря публикации «Доклада Кэри об обнародовании файлов колониальной администрации» («Cary report on release of the colonial administration files»). Этот документ, известный просто как «Доклад Кэри», был составлен 24 февраля 2011 г. и на настоящий момент является общедоступным¹. 5 мая 2011 г. министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг (William Hague) представил в палате общин работу, проделанную бывшим верховным представителем (High Commissioner) Великобритании в Канаде, Энтони Кэри (Anthony Cary), еще

¹ Cary A. Cary report on release of the colonial administration files. 24.02.2011. 24 p.

в январе того же года, когда Форин офис обнаружил «пропавшие» колониальные архивы. Э. Кэри был уполномочен провести внутреннее расследование о выяснении причин, по которым материалы, содержащиеся в «мигрирующих архивах» («migrated archive»), не были рассмотрены на основании Акта о публичных записях² в течение длительного времени. По словам У. Хейга и Э. Кэри, причины этого были заключены в несовершенстве методов управления, принятых в британском МИДе второй половины XX в., а сам «Доклад Кэри» был сведен к предоставлению рекомендаций по улучшению практик менеджмента в Форин офисе³.

В заявлении У. Хейга содержалось обещание сделать некогда утерянные колониальные файлы достоянием общественности. Документы, перед тем как отправиться в Национальный архив Великобритании, должны были быть просмотрены профессором Клэр-колледжа Кембриджского университета Энтони Бэдджером (Anthony Badger). Э. Бэдджер следил за прозрачностью и честностью процесса обнародования этих документов, не давая, однако, оценок их содержанию, а также определял группы документов, подлежащих рассекречиванию в первую очередь. По результатам своей работы Э. Бэдджер опубликовал статью «Историки, наследие подозрения и «мигрирующие архивы»» («Historians, a legacy of suspicion and the “migrated archives”»), в которой обозначил не только ход исполнения своей работы, но и высказал мнение о значимости «обнаружения» «мигрирующих архивов». Операцию «Наследие» он охарактеризовал как «наследие подозрения» («legacy of suspicion»), которое крепко охватило умы многих историков по отношению к официальным архивным материалам, с которыми им приходится работать [Badger, 2012].

Несмотря на то, что значительный объем работы был делегирован Э. Бэдджеру и Э. Кэри, У. Хэйгу и его заместителю Дэвиду Лидингтону (David Lidington), занимающие высокие посты в правительстве и, кроме того, являющиеся историками по образованию, несли личную ответственность за перемещение документов из Хэнслоуп парка (Hanslope Park) в Национальный архив (The National Archive)⁴. Э. Кэри и Т. Бэдджер в своих работах уделяют значительное внимание вопросу о том, почему эти архивы не были своевременно преданы в пользование Национальному архиву. Они также обращают внимание на недостатки системы менеджмента и в меньшей степени на исторический контекст.

Что же представляют собой «мигрирующие архивы» Британской империи периода окончательного распада? За 30 лет документы поступили в Лондон из 41 колонии (см. приложение) [Birch, Nitin, 2017], в том числе из двух, которые до сих пор являются зависимыми территориями в составе Великобритании, а именно из заморских территорий Ангилья и Теркс и Кайкос. Объем документов, поступающих из разных колоний, сильно отличался: из Кении поступило 1 500 папок, объем всех архивных документов тихоокеанских владений Англии составил 544 папки, в то время как некоторые колониальные власти вовсе не передали документы. Всего же было вывезено 8 800 папок, каждая из которых могла состоять из нескольких сотен записей [Rawlings, 2015. Р. 200].

У известной исследовательницы Кэролайн Элкинс (Caroline Elkins), которая работала в составе исследовательской группы из Университета Гарварда, изучение всех кенийских файлов заняло девять месяцев непрерывной работы. При этом она утверждает, что не хватает еще 13 коробок файлов наивысшей секретности. Исследовательская группа Элкинс в ходе работы с кенийскими файлами нашла доказательства уничтожения 3,5 т документов. Также исследователи отметили, что отсутствует большая часть файлов, посвященная подавлению мятежей в Малайе, на Кипре, а также восстания May-May (Mau Mau Uprising, 1952–1960 гг.)

² Public Records Act, 1958. 16 p.

³ Daily H. Written Ministerial Statements, Foreign and Commonwealth Office // Public Records: Colonial Documents, 2011, 5 May. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201011/cmhsrd/cm110505/wmstext/110505m0001.htm> (дата обращения 03.05.2018).

⁴ House of Commons Hansard // Public Records: Colonial Documents, 2011, 30 June. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2011-06-30/debates/11063065000027/PublicRecordsColonialDocuments> (дата обращения 03.05.2018).

в Кении. Группа Элкинс отмечает, что вместо этого были рассекречены многие документы, касающиеся финансовых вопросов, практик управления и даже туризма⁵.

Э. Бэджер также пишет о существовании 13 коробок документов с грифом «совершенно секретно», которые не были обнародованы, поскольку, как утверждается, они не были частью «мигрирующих архивов» [Badger, 2012. Р. 805]. Также указывается, что параллельно было начато другое расследование, посвященное судьбе потерянных и уничтоженных документов. Утверждается, что в колониях, после уничтожения документов, составлялся специальный «сертификат», который отправлялся в Лондон с подтверждением о проделанной работе. Эти сертификаты могли бы хранить полезную информацию, однако об их существовании ничего не известно [Sato, 2017. Р. 710].

Известно, что документы обнародовались в шесть этапов, а события, отраженные в «утерянных» колониальных архивах, охватывают период с 1930-х по 1970-е гг.⁶ В то же время вопрос о начале вывоза документов из зависимых территорий Англии, как будет показано ниже, остается дискуссионным – в разных контекстах упоминаются и 1947 г., и 1948 г., и 1950-е гг., и 1961 г.

В представленном в «Докладе Кэри» анализе обозначено три возможных варианта обращения с колониальными документами в исторической ретроспективе: уничтожение (1), сохранение для нужд правительства-правопреемников (2) или транспортировка в Лондон (3). Те документы, которые были переправлены в Лондон, получили название «мигрирующие архивы». В «Докладе», официальном правительственном документе, зафиксировано, что документы «мигрировали» из колоний в Великобританию в период с 1963 (год издания рекомендаций министра по делам колоний Иана Маклеода) по 1994 г. После 1994 г. файлы несколько раз перемещаются в самой Великобритании между разными подразделениями МИДа и Офиса публичных записей (Public Record Office), преобразованного в 2003 г. в Национальный архив (The National Archives) [Sato, 2017. Р. 711].

Из-за того, что эти файлы перемещались между разными ведомствами и ни одно из них не выразило желание их принять, то они в конечном счете «утрачиваются». Повторное «обнаружение» этих файлов стало возможным благодаря усилиям жертв из Кении, испытавших издевательства (пытки, изнасилование, внесудебное заключение в концентрационные лагеря) со стороны британской армии во время восстания May-May. Не принимавшие непосредственного участия в восстании сторонники повстанцев вели долгий и тяжелый судебный процесс против правительства Великобритании. Судебный процесс жертв пыток против Соединенного королевства и привел сторону обвинения к пропавшим документам и в итоге вынудил Форин офис признать существование «мигрирующих архивов»⁷. Интересы кенийцев защищало в суде не только британское юридическое агентство Лей Дэй («Leigh Day»), но и профессор Оксфордского университета, специалист по истории Африки Дэвид Андерсон (David Anderson) и К. Элкинс (Caroline Elkins), которые стали советниками и свидетелями в упомянутом процессе и много сделали для принуждения правительства Великобритании к раскрытию «утерянных» архивов [Leader, 2014. Р. 2]. Именно благодаря этому судебному разбирательству блок файлов «мигрирующих архивов», посвященных Кении, является наиболее весомым в общем составе документов.

В отличие от Э. Кэри, Тони Бэджер ограничивает хронологические рамки сбора документов Форин офисом интервалом между 1950-ми гг. и 1979 г. В 1994 г. документы из 37 колоний были переведены из хранилища в Хэйзе (Hayes Repository) в Хэнслоуп парк – Центр коммуникаций правительства Великобритании, в один из самых охраняемых объектов, где

⁵ Elkins C. The colonial papers: FCO transparency is a carefully cultivated myth // The Guardian. 2012. 18 April. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2012/apr/18/colonial-papers-fco-transparency-myth> (дата обращения 03.05.2018).

⁶ Wallis H. British colonial files released following legal challenge / BBC. 2012. 18 April. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-17734735> (дата обращения 03.05.2018).

⁷ Kenyan Mau Mau uprising documents released // BBC. 2011. 6 April. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-12983289> (дата обращения 03.05.2018).

разрабатываются средства технической помощи для MI5, MI6 и Форин офиса [Badger, 2012. P. 800].

Бэджер отмечает, что первоначально предполагалось, что архивы из колоний должны быть рассмотрены только спустя 50 лет после того, как первая из колоний, Цейлон, в 1948 г. передала свои архивы в Лондон. Однако дата пересмотра изначально была фиктивной, поскольку в 1982 г. Офис публичных записей заявил, что «мигрирующие архивы» не попадают под определение Акта о публичных записях 1958 г., а потому находятся вне юрисдикции Офиса [*Ibid.*]. Таким образом, уже в 1982 г. судьба архивов оказалась в подвешенном состоянии – это были архивы, налагающие такой груз ответственности, что они были нужны всем и никому одновременно. Вместо того чтобы пересмотреть архивные документы в 1998 г., Департамент библиотек и записей Форин офиса (Library and Records Department) в 1995 г. предложил четыре варианта обращения с архивами: 1) уничтожение, поскольку ни одна из заинтересованных стран не выдвинула права на обладание этими архивами за последние 12 лет; 2) перемещение в Офис публичных записей, хотя существовал значительный риск, что документы не будут им приняты; 3) просмотр архивов и возвращение правительству-преемникам колониальных администраций; 4) хранение этих архивов в качестве собственности правительства ее величества (именно это вариант в итоге и был предпочтен всем остальным)⁸.

Могут ли «обнаруженные» файлы изменить представления о Британской империи? На этот вопрос даются разные ответы. Так, Т. Бэджер считает, что общие представления об империи вряд ли изменятся, также маловероятно, что обнародованные документы смогут изменить представления о процессе «перехода к независимости» («messy history of the transition to independence»). В то же время он признает, что эти документы способны изменить представления о механизмах ежедневного управления зависимых территорий, которые существовали в историческом контексте глобальных перемен; кроме того, он полагает, что архивы способны пролить свет на образ мышления колониальных администраторов. Бэджер утверждает, что колониальные файлы могут быть полезны при изучении того, что он назвал «банальностью бюрократии» («banality of bureaucracy») [Badger, 2012. P. 805].

Противоположную точку зрения выражает Д. Андерсон, который полагает, что «мигрирующие архивы» могут стать началом «значительного пересмотра истории британской деколонизации» [Anderson, 2011. P. 714]. К. Элкинс отмечает, что документы «мигрирующих архивов» «тесно связаны с политикой и практиками британского управления». Более того, она утверждает, что «документы являются не только и не столько документальным источником, но и источником реальности» («it has also produced realities as much as it has documented them»)⁹. Тем не менее пересмотр практик деколонизации в Британской империи уже был инициирован, в частности, свет уже увидели первые публикации о влиянии феномена «мигрирующих архивов» в Тихоокеанском регионе, где было представлено исследование о гражданстве, нарушениях прав человека и деколонизации на западе Океании [Rawlings, 2015].

Японский исследователь из Университета Васэды Шохей Сато уделяет особое внимание изучению операции «Наследие», а также истории возникновения самого названия операции [Sato, 2017]. Становление механизмов, которые легли в основу операции «Наследие», было постепенным, и его можно разделить на три этапа. Первый этап берет свое начало на Цейлоне. Последний губернатор этого британского владения Генри Мур (Henry Moore, 1944–1949 гг.) 4 сентября 1947 г. (а уже 4 февраля 1948 г. Цейлон стал независимым) отправил телеграмму в Лондон с запросом о предоставлении инструкций об обращении с документами, помеченными грифами «секретно» и «для служебного пользования». Таким образом, впервые вскоре после того, как величайшая из колоний Великобритании, Индия, стала независимой 15 августа 1947 г., был поставлен вопрос об обращении с секретными документами в английских колониях. Следует отметить, что первоначальная инициатива исходила именно

⁸ Cary A. Caryreport on release of the colonial administration files.

⁹ Elkins C. The colonial papers...

из колонии, а не из метрополии. Причины, по которым появилась необходимость передачи секретных документов в Лондон, по мнению Г. Мура, заключалась в том, что содержащаяся в этих документах информация могла привлечь широкое внимание общественности и заинтересованных лиц и в дальнейшем дискредитировать правительство Великобритании.

На втором этапе опыт Цейлона был осмыслен и институализирован колониальной администрацией на Берегу Золотой кости (современная Гана, День независимости страны – 5 марта 1957 г.). Офис губернатора Ганы уведомил Министерство по делам колоний Соединенного королевства, что он организовал специальную комиссию по отбору секретных документов (*committee in order «to start the scrutiny of security records»*). Комиссия впервые вынесла решение о том, какие документы должны быть отобранны: 1) которые будут бесполезными для правительства Ганы, будут причинять неудобства правительству ее величества; 2) могут дискредитировать полицию, военных и государственных служащих Ганы, которые сотрудничали с Британцами; 3) могут дискредитировать источники информации британцев или использованы «неэтично» министрами Золотого берега [Sato, 2017. Р. 702].

Документы, которые не должны быть переданы правительству, обозначались словом «личные», которое на самом деле выступало эвфемизмом слова «секретные». Документы, действительно имевшие личный характер, обозначались как «частные личные» (*private personal*). Документы, предназначенные к передаче в Лондон, также обозначались аббревиатурой DG или W [*Ibid.*]. Иными словами, была разработана стройная система секретной классификации документов из колониальных архивов.

Подобная же операция была проведена и в Малае за восемь месяцев до обретения независимости этой колонии в августе 1957 г. В Малайе инициатором пересмотра старых документов стал высокий комиссар Содружества наций Дональд Макгилливрей (Donald MacGillivray, 1954–1957 гг.), который в этой связи написал следующее: «Я просматривал их [документы] и, кажется, что некоторые содержали информацию исторически важную с точки зрения событий восстания [коммунистов в Малайе] или биографий предыдущих высоких комиссаров. … Другие [документы] нуждаются в детальном пересмотре, но у меня нет времени на это. Не знаю, согласитесь ли вы с уничтожением этих документов, как документов из списка личных файлов». Материалы, которые Д. Макгилливрей предлагал уничтожить, предположительно содержали информацию о визите в колонию графини Кентской, разведданные, доклады комитетов по внутренней безопасности, о резне в декабре 1948 г. в Батанг Кали, где бойцами Шотландской гвардии (Scots Guards) было убито 24 безоружных работника плантаций¹⁰. Отличительной особенностью операции в Малае было то, что Абдул Рахман Тунку (1903–1990 гг.), лидер национального движения, был уведомлен британцами о предстоящей операции.

На втором этапе уже можно судить о том, что сама идея чистки архивов появилась у местного колониального правительства на Цейлоне, затем воспринята в Лондоне, а после стала применяться повсеместно. При этом особенности проведения операции всегда определялись на местах.

Как отмечает Д. Андерсон, вся практика обращения с колониальными документами может быть разделена на две части – колониальный заговор (*colonial conspiracy*) и бюрократические просчеты (*bureaucratic bungle*). Если период ошибок в работе государственной машины Англии начался после 1970-х, то период «заговора», т. е. зарождения первоначальной идеи о подобной колониальной практике, Андерсон начинает с момента выхода британцев из Палестины (1948 г.) и Адена (1967 г.). На протяжении 20 лет с середины 1940-х гг. постепенно формировалась отложенная система вывоза колониальных документов в Лондон [Anderson, 2011. Р. 713]. К третьему этапу становления операции «Наследие» эта система была уже апробирована в колониальных владениях в полной мере.

¹⁰ Marsden S. “Lost” colonial papers made public // The Independent. 2012. 18 April. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/lost-colonial-papers-made-public-7656883.html> (дата обращения 03.05.2018).

На первых двух этапах Лондон играл роль резервуара для накопления опыта. К третьему же этапу этот опыт был осмыслен и систематизирован, что имело свои последствия. 3 мая 1961 г. министр по делам колоний Иан Маклеод (Iain Macleod, октябрь 1959 – октябрь 1961 г.) впервые составил краткое руководство для колониальных властей, в котором обозначалось, какие документы не должны оставаться у государств-правопреемников, а именно те, которые: 1) могут нанести урон репутации правительства ее величества или другим правительствам; 2) могут нанести урон репутации служащим полиции, вооруженных сил, гражданских служащих и других лиц, например, осведомителей полиции; 3) могут компрометировать источники информации; 4) могут быть использованы неэтично министрами правительств-правопреемников; 5) не представляют ценности для правительств-преемников (в то же время новообразованным правительствам оставлялись документы, которые «очевидно не представляли из себя никакой ценности» для Лондона)¹¹.

Очевидно, что рекомендации И. Маклеода являются не чем иным, как расширенным списком комиссии по отбору секретных документов, созданной колониальной администрацией Ганы. Тем не менее, несмотря на то, что доподлинно известна дата издания Министерством по делам колоний в лице И. Маклеода руководства для колониальных администраций о необходимости надлежащего обращения с архивами зависимых территорий, вопрос о том, когда и где впервые была осознана необходимость отбора документальных материалов, остается дискуссионным. Одни утверждают, что это произошло в Малайе в 1956 г., за год до достижения страной самостоятельности от британской короны¹². Другие считают, что особое отношение к документам дало о себе знать на Цейлоне в 1948 г. [Sato, 2017]. Совершенно ясно, что такой разброс дат и мест может говорить не только о том, что исследователи испытывают недостаток в документах, представляющих собой исторические доказательства, но также и о том, что мы имеем дело с системным событием, которое формировалось в период после окончания Второй мировой войны на территории всей Британской империи.

На момент составления рекомендаций И. Маклеода тринадцать бывших колоний Англии уже добились независимости (Иордан, Индия, Пакистан, Израиль, Мьянма, Шри-Ланка, Ливия, Судан, Гана, Малайзия, Кипр, Нигерия, Сомали). Кения же, например, обрела государственную независимость только 12 февраля 1963 г., и за предшествующий этой дате год, не принимая в расчет подлежащие уничтожению документы, в Лондон было перевезено 264 коробки содержащие 1 500 файлов, в частности: решения Исполнительного совета губернатора колонии, Военного совета, Совета министров, Комитета разведки, доклады разведки о ситуации в провинциях и районах колонии¹³.

Третий этап становления практики колониального обращения с документами начался, таким образом, в Лондоне, в министерстве по делам колоний, и был воплощен в Восточной Африке: Уганда, Танганьике (современной Танзании) и Кении. Впервые процесс отбора документов получил название «операция “Наследие”» в Уганде 24 января 1961 г. [Sato, 2017. Р. 699]. Бэджер также использует термин «операция “Наследие”», упоминая, что власти в Кении в 1963 г. просто повторили ту же процедуру, что и угандийская колониальная операция годом ранее. Затем власти Северной Родезии повторили Кенийский пример [Badger, 2012. Р. 800].

В Кении процесс уже контролировался офицерами Специального подразделения колонии (colonial Special Branch)¹⁴. Известно, что еще в июне 1957 г. министр по делам колоний Аллан Ленnox-Байд (Alan Lennox-Boyd) получил от губернатора Кении Эвелина Баринга (Evelyn

¹¹ Cary A. Caryreport on release of the colonial administration files.

¹² Marsden S. “Lost” colonial papers made public...

¹³ Colonial administration records (migrated archives) guidance: Kenya Land Transfer Programme // The National Archives. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documents/migrated-archives-8-tranche-guide.pdf>; Foreign and Commonwealth and Predecessors: of Former Colonial Administration: Migrated Archives, Catalogue Description // The National Archives. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C12269323> (дата обращения 03.05.2018).

¹⁴ Cobain I., Bowcott O., Norton-Taylor R. Britain Destroyed Records of Colonial Crimes // The Guardian. 2012. 11 April. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2012/apr/18/britain-destroyed-records-colonial-crimes> (дата обращения 03.05.2018).

Baring) секретный меморандум генерального прокурора этой колонии Эрика Гриффитс-Джоунса (Eric Griffiths-Jones), в котором докладывалось о способах применения насилия и пыток в отношении повстанцев May-May¹⁵. Становление операции «Наследие» совпадает по времени с наиболее кровавым эпизодом деколонизации в Великобритании – подавлением повстанцев May-May. Такое совпадение, а именно институционализация процесса, начатого намного раньше, как раз в период массовых убийств, пыток и создания концентрационных лагерей в Кении, вряд ли можно считать случайным.

Именно тогда система чистки архивов получает название, которое сейчас становится общепринятым – операция «Наследие». В этом случае имеется свидетельство того, что указания с общими правилами осуществления операции впервые были направлены Министром по делам колоний в обозначенные владения Англии. Имеются свидетельства того, что от колониальных правительств этих африканских стран поступал запрос в Лондон на шифровальные машины. Тогда же документы, которые должны были быть переданы правительствам-преемникам, обозначались как «Документы наследия» (Legacy papers). Африканские страны стали прецедентом, поскольку после этого Лондон часто высыпал инструкции о необходимости классификации документов по примеру кенийских. Похожие инструкции, например, получили Северный Борнео, Саравак и Бруней [Sato, 2017. Р. 711].

Можно обозначить следующие характерные черты операции «Наследие»: тактика обращения с документами стала разрабатываться незамедлительно после независимости Индии, и то, что она была впервые задумана на Цейлоне вскоре после августа 1947 г., не похоже на случайность. Ключевые аспекты этой операции всегда разрабатывались в колониях на местах, но не в центре, Лондон же всего лишь перераспределял информацию о precedентах, имевших место быть в других своих бывших владениях: Цейлоне, Гане, Малайе, Уганде и др.

Все источники и комментаторы событий рассекречивания архивов из Хэнслоуп парка едини во мнении: зачистка архивов происходила накануне независимости колоний, а основной целью зачистки было изъятие документов, «дискредитирующих правительство Ее Величества». Если принимать в расчет, что подготовка процесса передачи власти занимала продолжительное время и была детально задокументирована в официальной и неофициальной переписке, а также в документах бюрократического аппарата, то отсортированные или уничтоженные архивы не просто представляют большую важность для изучения передачи власти, а являются неотъемлемой частью самого процесса передачи власти.

После событий в индийском Амритсаре в 1919 г., когда генералом Даером была расстреляна многотысячная толпа протестующих индийцев, британцы стремились использовать силу только в крайнем случае, сохранялась тенденция на сокращение силовых методов борьбы с национальными движениями и повстанцами в колониях. В то же время любой факт оглашения применения силы колонизаторами с каждым годом после 1919 г., года предполагаемого начала процесса передачи власти в Индии и амристаических событий, начинал восприниматься все болезненней как в колониях, так и в метрополии [Hughes, 2012. Р. 583]. В этом смысле практика «мигрирующих архивов», передачи запечатленного в документах позитивного опыта правления британцев в качестве наследия, становится неотъемлемой и чрезвычайно важной практикой передачи власти и деколонизации в Британской империи.

Как утверждают британские исследователи, архивы операции «Наследие» лишены многих документов, отображающих те страницы британского правления, которые были преисполнены жестокостью [Elkins, 2011. Р. 745]. В то же время эти архивы содержат записи каждого-дневной бюрократической практики управления колониями, изучение которых может быть чрезвычайно полезным для рассмотрения механизмов передачи власти. В таком случае, не-пременно остается без ответа вопрос, была ли передача власти основана исключительно на лучших практиках британского колониального управления? В противном случае, как

¹⁵ Cobain I., Walker P. Secret memo gave guidelines on abuse of Mau Mau in 1950s // The Guardian. 2013. 11 April. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/apr/11/mau-mau-high-court-foreign-office-documents> (дата обращения 03.05.2018).

можно судить о механизмах передачи власти во всей их полноте, когда официальные архивные документы не содержат информации о наиболее неприглядных сторонах господства Лондона в своих зависимых территориях?

Циркуляр помощника министра по делам колоний сэра Томаса Ллойда (Thomas Lloyd), разосланный по территориям Великобритании в 1953 г. и адресованный губернаторам зависимых территорий, является важным документом, приоткрывающим занавес перед изменениями в практиках колониального управления Лондона, элементами которого являются и передача власти, и операция «Наследие», и феномен «мигрирующих архивов». Из записки Т. Ллойда наиболее очевидным становится вопрос о коммунистических движениях в странах Азии, в частности Малайи. Еще в Индии накал страстей вокруг коммунистического движения не был так заметен – роль коммунистического движения в общенациональном движении была более чем скромна. Начало холодной войны и формирование bipolarной системы изменил ход деколонизации после 1947 г. Также изменилась и лексика колониальных чиновников. Т. Ллойд уже говорит о подрывной деятельности «арабо-азиатского блока» на низовом уровне территорий колоний. То, что касается практики передачи власти в колониях, то Т. Ллойд просит губернаторов зависимых территорий направить ему в ответ информацию «об анти-колониальной деятельности в свете воспитания политической сознательности среди коренного населения колоний»¹⁶, что пересекается с убеждением колониальных властей в бывшей Британской Индии о необходимости политического образования индийцев для выхода британцев из главной имперской колонии. Иными словами, сохранение позитивного опыта колониального управления англичан могло также быть и инструментом идеологической борьбы, свойственной эпохе «холодной войны».

Обнародование «мигрирующих архивов», по мнению многих исследователей, произвело настоящую революцию в изучении истории упадка Британской империи. Процесс передачи власти напрямую связан с деколонизацией в Британской империи, так как является одной из практик этого процесса. Сама идея о необходимости особого отношения к архивам колониальных администраций, скорее всего, возникла после завершения самой первой передачи власти и начала деколонизации в Индии [Bailkin, 2015. P. 895]. Если феномен «мигрирующих архивов» вносит значительный вклад в становление историографии конца Британской империи, то операция «Наследие», как историческое событие, длившееся несколько десятилетий и сделавшее возможным существование «мигрирующих архивов», является частью процесса передачи власти, поскольку, ставя цель сохранить в памяти населения колонизованных территорий только позитивные примеры колониального управления, операция преследует ту же цель, что и передача, а именно – конструирование такого положительного опыта от взаимодействия с Великобританией, который мог бы стать для новых наций примером для подражания британцам во всех областях общественной жизни.

Кроме того, рассекречивание «мигрирующих архивов» существенно дополнило ту работу, в рамках которой на протяжении 1990-х и 2000-х был опубликован многотомный и авторитетный сборник архивных материалов «Британские документы о конце империи» (British Documents on the End of Empire)¹⁷. Однако в отличие от «Британских документов о конце империи», работа над которыми была инициирована Институтом изучения стран Содружества наций при Университете Лондона и Британской академией, «мигрирующие архивы» стали известны благодаря судебному разбирательству между правительством Великобритании и жертвами восстания May-May, которые, кроме всего прочего, требовали исполнения положений Закона о государственных архивах 1958 г. и Закона о свободе информации 2000 г. для получения доказательств нарушений многочисленных прав человека.

¹⁶ Bowcott O. Colonial Office files detail 'eliminations' to choke Malayan insurgency // The Guardian. 2012. 18 April. URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/apr/18/colonial-office-eliminations-malayan-insurgency?intcmp=239> (дата обращения 03.05.2018).

¹⁷ The British Documents on the End of Empire Project. Institute of Commonwealth Studies, School of Advanced Study, University of London. URL: <https://bdeep.org/about/> (дата обращения 03.05.2018).

Приложение

**Перечень колоний Британской империи,
из которых были вывезены колониальные архивы**

1. Аден	21. Новые Гебриды
2. Ангилья	22. Нигерия
3. Багамы	23. Северное Борнео
4. Басутоленд	24. Северная Родезия
5. Бечуаналенд	25. Ньясаленд
6. Британская Гвиан	26. Палестина
7. Британская Территория в Индийском Океане	27. Саравак
8. Бруней	28. Сейшельские острова
9. Камерун	29. Сьерра Леоне
10. Цейлон	30. Сингапур
11. Кипр	31. Соломоновы острова
12. Фиджи	32. Южная Родезия
13. Гамбия	33. Свазиленд
14. Острова Гилберта и Эллис	34. Танганьика
15. Золотой Берег	35. Тринидад и Тобаго
16. Ямайка	36. Тёркс и Кайкос
17. Кения	37. Тувалу
18. Малайя	38. Уганда
19. Мальта	39. Вест-Индия
20. Маврикий	40. Западный тихоокеанский регион
	41. Занзибар

Список литературы / References

- Anderson D. M.** Mau Mau in the High Court and the “Lost” British Empire Archives: Colonial Conspiracy or Bureaucratic Bungle? *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, 2011, vol. 39, no. 5, p. 699–716.
- Badger A.** Historians, a legacy of suspicion and the “migrated archives”. *Small Wars & Insurgencies*, 2012, vol. 23, no. 4–5, October–December, p. 799–807.
- Bailkin J.** Where Did the Empire Go? Archives and Decolonization in Britain. *American Historical Review*, 2015, vol. 120, no. 3, June, p. 884–899.
- Birch C., Nitin M.** The end of empire and an India worth celebrating. *The Guardian*, 2017, 17 August. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/aug/17/the-end-of-empire-and-an-india-worth-celebrating> (дата обращения 03.05.2018).
- Elkins C.** Alchemy of Evidence: Mau Mau, the British Empire, and the High Court of Justice. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, 2011, vol. 39, no. 5, p. 731–748.
- Hughes M.** Introduction: British ways of counter-insurgency. *Small Wars & Insurgencies*, 2012, vol. 23, no. 4–5, October–December, p. 580–590.
- Leader D.** Learning the Lesson from the Cutting Edge: the Mau Mau Case. In: Leigh Day. Public Law Project Conference, 2014, March 4, 7 p.

Rawlings G. Lost Files, Forgotten Papers and Colonial Disclosures: The “Migrated Archives” and the Pacific, 1963–2013. *The Journal of Pacific History*, 2015, vol. 50, no. 2, p. 189–212.

Sato S. “Operation Legacy”: Britain’s Destruction and Concealment of Colonial Records Worldwide. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, 2017, vol. 45, no. 4, p. 697–719.

*Материал поступил в редколлегию
Received
12.11.2018*

Сведения об авторе

Шкитин Дмитрий Иванович, аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия)

shkitindmitry@gmail.com

Information about the Author

Dmitry I. Shkitin, Postgraduate Student, Department of World Politics, Faculty of Historical and Political Studies, Tomsk State University (36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation)
shkitindmitry@gmail.com

УДК 325.2
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-29-38

Антимиграционная политика стран Вишеградской группы

П. Ю. Белкина

*Томский государственный университет
Томск, Россия*

Аннотация

Рассматривается антимиграционная политика стран Вишеградской группы в Европейском Союзе. Миграционный кризис в ЕС привел к разделению стран на два блока, один из которых выступает за распределение и интеграцию беженцев на территории стран – участников ЕС. Второй блок, представленный странами Вишеградской группы, выступает за ужесточение миграционной политики и усиление пограничного контроля. Противопоставление миграционной политике ЕС антимиграционной политики стран Вишеградской четверки и их жесткая позиция являются показателем усиливающегося кризиса внутри ЕС. Состав участников двух противостоящих лагерей свидетельствует о разделении стран на новых и старых участников союза.

Ключевые слова

Вишеградская группа, миграционный кризис, антимиграционная политика, система квотного распределения беженцев

Для цитирования

Белкина П. Ю. Антимиграционная политика стран Вишеградской группы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 29–38. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-29-38

Antimigrant Policy of Visegrad Group Countries

П. Ю. Белкина

*Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the policy of Visegrad countries in response to the migrant crisis in the EU and analyzes the current position of the countries on the migrant crisis regulation. Nowadays V4 countries state that the main instrument for solution of the refugee problem is implementation of strict border control. They provide harsh migrant policy at the national level that aims to restrict migrant inflow in the countries. The Visegrad countries contest EU migrant quotas as forced and challenge European position as violation of national sovereignty. On the other hand the EU insists on the realization of the unified migration policy and underlines the principle of solidarity as one of the key values of the Union. Furthermore, recent political changes, such as the growth of nationalist and populist parties inside V4, had a significant influence on the position of the countries. In other words, the policy towards migrant problem became more rigid, comparing to the other members of the EU. The confrontation has already led to the court examination and continues to be the principal cause of general deterioration of relationships between the old and new member states of the EU. Despite all the measures undertaken by the European Comission the countries of the region stubbornly stick to their opinion. Even Slovakia and the Czech Republic, which are not as intractable as Poland and Hungary, still follow the same policy. The migrant crisis draws attention to the brewing crisis and shows the weakening of the EU supranational institutions.

Keywords

Visegrad group, migrant crisis, anti-immigration policy, migrant relocation, resettlement

For citation

Belkina P. Yu. Antimigrant Policy of Visegrad Group Countries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 29–38. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-29-38

Миграционный кризис в Европейском союзе (далее – ЕС) явился следствием вооруженных конфликтов в странах Ближнего Востока и Северной Африки, прежде всего Сирии. Своего пика наплыв беженцев достиг в 2015 г., когда число мигрантов возросло в два раза¹. Усугубили ситуацию террористические акты в Париже и Брюсселе, еще более обострив вопросы безопасности. Основными странами прибытия мигрантов являются Италия и Греция. Третий путь, так называемый западно-балканский маршрут, приходится на страны бывшей Югославии. Мигранты, направляющиеся в Европу данным путем, попадали непосредственно на территорию Венгрии, где число нелегальных мигрантов в 2015 г. превысило 700 тыс. чел., что в 17 раз больше, чем в 2014 г.²

Попытки решить проблему миграции в ЕС привели к расколу Европы на два лагеря. Первый, ядро которого составляют так называемые страны «старой Европы», беря за основу европейские ценности и принцип солидарности, стремится к созданию механизмов, позволяющих регулировать миграционный поток на территорию ЕС. Второй, представленный странами Вишеградской группы (В4), на национальном уровне проводит линию на укрепление внешних границ и отказывается принимать беженцев, а также пытается перенести данные методы на наднациональный уровень. Этому способствует не только рост числа беженцев, но и усиление консервативных сил внутри стран региона. Вследствие этого в ЕС существует две полярные позиции, одна из которых поддерживает реализацию миграционной политики, а вторая выступает за антимиграционную политику.

Политика стран Европейского союза в отношении миграционного кризиса давно находится в фокусе исследований ученых. Часть отечественных исследователей занимается изучением общей политики ЕС по урегулированию миграционного кризиса, которая, по их мнению, не принесла плодов, и сейчас находится в стадии дальнейшего реформирования [Потемкина, 2018. С. 64]. Другая часть исследователей обращается к позиции стран Вишеградской группы. Большинство из них сходится во мнении, что противостояние стран четверки и европейской Комиссии говорит о нарастающем кризисе внутри ЕС [Потемкина, Грачева, 2018. С. 34]. Анализируя национальные подходы к урегулированию миграционного кризиса, исследователи приходят к выводу о том, что позиции стран-членов коренным образом различаются, что отрицательно сказывается на поиске компромиссного решения [Квашнин и др., 2017. С. 104].

Как отечественные, так и зарубежные исследователи указывают на то, что миграционный кризис стал показателем внутриевропейского кризиса и обнажил существующие противоречия [Bauerova, 2018. Р. 99]. Некоторые авторы выражают менее критичный подход к существующей Дублинской системе, хотя и не без оговорок о необходимости ее реформирования [Carrera et al., 2015]. Следует отметить работу, посвященную миграционной политике отдельных стран ЕС [Dahl, Dziudzik, 2017. Р. 17]. Ее авторы подчеркивают, что жесткая миграционная политика проводится не только в государствах Восточной Европы, но и в таких странах, как Дания и Швеция, что говорит о расхождении в позициях не только между старыми и новыми странами – членами ЕС, но и внутри ЕС-15. Ряд зарубежных исследователей занимается рассмотрением позиции стран Центральной Европы. Часть их работ посвящена исследованию политической конъюнктуры и влиянию на нее миграционного кризиса как одного из факторов. Миграционная политика была частью предвыборных программ, а националистические и популистские партии придерживались крайних позиций по этому вопросу [Szomolányi, Gál, 2016. Р. 69]. Кроме того, ряд европейских авторов рассматривает миграционный кризис в качестве импульса для усиления сотрудничества стран Вишеградской группы и объединяющего компонента [Nyzio, 2017. Р. 47].

Анализ официальных документов В4 и заявлений политиков на европейском уровне дает представление об официальной позиции стран региона. В то же время большая их часть но-

¹ Asylum applications (non-EU) in the EU-28 Member States, 2008–2018/ Eurostat website. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Asylum_statistics (дата обращения 30.03.2019).

² Western Balkan route/ FRONTEX. URL: <https://frontex.europa.eu/along-eu-borders/migratory-routes/western-balkan-route/> (дата обращения 30.03.2019).

сит декларативный характер. Каких-либо документов о совместных действиях (кроме совместного обращения в Европейский суд Венгрии и Словакии) не публикуется, что позволяет сделать вывод о том, что формат Вишеградской группы используется в качестве проводника их политической позиции. Сравнительный анализ статистических данных по миграции позволяет оценить реальную ситуацию в странах региона, которая непосредственно влияет на их позицию в ЕС. Также источниковую базу исследования дополняют официальные документы ЕС, посвященные регулированию миграционных потоков.

Следует отметить, что страны Вишеградской группы как таковые не являются странами назначения для беженцев. По большей части они транзитные (в первую очередь Венгрия, в некоторой степени Словакия и Чехия). В Польше мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки практически нет. Увеличение числа мигрантов в Польше и Словакии в 2018 г. произошло за счет мигрантов из стран Ближнего Востока (Афганистан и Ирак). Официальные данные ЕС фиксируют значительный рост мигрантов в 2015 г. с его последующим сокращением, что непосредственно связано с национальной политикой этих стран. Немного более высокие цифры представлены в национальной статистике Венгрии³. В других странах региона статистика во многом опирается на данные Евростата (см. таблицу).

Число мигрантов из стран Северной Африки и Ближнего Востока,
обратившихся с просьбой о предоставлении убежища *

Number of migrants from North Africa and Near East countries,
who came as asylum seekers

Страна	Год			
	2015	2016	2017	2018
Венгрия	109 640	19 300	2 725	535
Чехия	165	140	0	0
Польша	285	0	0	65
Словакия	195	25	35	70

* Таблица составлена по: Asylum applicants in the EU/ Eurostat website URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/news/themes-in-the-spotlight/asylum2018> (дата обращения 30.03.2019).

На национальном уровне страны региона проводят жесткую политику относительно миграции. Отметим, что во всех странах В4 политики акцентируют внимание на смешение понятий «беженцы» и «трудовые мигранты», вследствие чего в своих выступлениях они часто ссылаются на то, что прибывающие в страны Евросоюза мигранты не столько нуждаются в убежище, сколько приезжают в поисках лучших условий, в связи с чем политики переключаются с гуманитарной проблемы на борьбу с незаконной трудовой миграцией. Как указывают некоторые исследователи, только мигранты из Сирии и Эритреи имеют право на статус беженцев [Duszczak, 2015. P. 3].

В Венгрии ужесточение миграционного законодательства пришлось на период углубления миграционного кризиса. В 2015 г. были внесены первые поправки в национальный акт о миграции, а в 2018 г. внесены поправки в Конституцию, которые коснулись регулирования миграционных потоков. В связи с последними событиями более жесткими стали условия содержания мигрантов. Теперь беженцы должны находиться в лагерях на время рассмотрения их обращения о предоставлении убежища. Был усилен пограничный контроль, который должны осуществлять полицейские и военные, их полномочия были расширены. Седьмая поправка к Конституции Венгрии гласит о том, что «иностранные население не должно се-

³ Asylum seekers arrived in Hungary by citizenship and type of entry (2000–)(2/2)/ Hungarian central statistical office website. URL: https://www.ksh.hu/docs/eng/xstadat/xstadat_annual/i_wnvn002b.html (дата обращения 28.07.2019).

литься в стране»⁴. Кроме того, Конституция возлагает на правительство обязательство сохранять христианскую культуру. Следует сказать, что религия не играет особой роли в политике Венгрии, как это происходит, к примеру, в Польше, а скорее используется правыми в их политических выступлениях в качестве определяющего и объединяющего нацию компонента. Большой резонанс вызвали и принятые Виктором Орбаном законы о запрете организаций, помогающих мигрантам, так называемые законы «стоп-Соррос» [Потемкина, 2018. С. 67].

Изменения в миграционном законодательстве в Словакии произошли несколько раньше. В 2011 г. был принят новый акт, который ужесточал пограничный контроль и требования к мигрантам⁵. Словацкие власти стали больше ориентироваться на приток высококвалифицированной рабочей силы, о чем говорится в Миграционной стратегии до 2020 г.⁶

Такое восприятие миграционного кризиса, прежде всего в контексте безопасности, характерно для всех стран объединения. Это отразилось в миграционной стратегии Чехии, принятой в 2015 г. [Четверикова, 2017. С. 138]. Были созданы центры временного проживания для мигрантов на территории этой страны.

Урегулирование миграционного кризиса также стало одним из пунктов предвыборных программ для ряда партий. Так, ставший премьер-министром Чехии Андрей Бабиш в своих выступлениях придерживается антимигрантской политики и говорит о необходимости «возвращения мигрантов» на родину⁷. С подобной позицией выступают представители польской партии Право и Справедливость и представители католической церкви [Krotofil, Motaka, 2018. Р. 102]. В то же время общественность и политики стран региона более благосклонно относятся к мигрантам из других государств Восточной Европы. Такое отношение в первую очередь связано с религиозными и культурными обычаями принимающего общества и мигрантов.

На формирование позиции в отношении миграционного кризиса и европейской политики по его урегулированию большое влияние оказalo изменение политической конъюнктуры в странах Вишеградской группы. Особенно четко ситуация прослеживается в Польше. После выборов 2015 г. и прихода к власти партии Станислава Качиньского Право и Справедливость обозначился резкий крен в сторону антимиграционной политики. Польша отказалась от принятия 5 тыс. мигрантов из Италии и Греции, как то предполагала система квотного распределения и что было одобрено предыдущим правительством [Baucerova, 2018. Р. 110]. Тем не менее отметим, что на региональном уровне местные власти реализуют ряд программ, нацеленных на оказание помощи мигрантам [Frelak et al., 2017. Р. 20].

В регионе в целом отмечается рост популярности правоконсервативных и националистических партий. В Венгрии большинство на парламентских выборах в 2014 и 2017 гг. получала партия ФИДЕС, после последних выборов вступившая в коалицию с партией «За лучшую Венгрию» (Йоббик). Критики миграционной политики ЕС придерживается и словацкая партия Курс – Социальная демократия, возглавляющая правительство Словакии с 2012 г. В Чехии все большей поддержкой населения пользуется популистская партия действующего премьер-министра Андрея Бабиша Акция недовольных граждан (ANO), которая получила большинство на парламентских выборах 2017 г.⁸

С ростом числа беженцев и усилением проблем безопасности ЕС начал разрабатывать политику в отношении его урегулирования. Ее кульминацией стала система квотного распределения беженцев, основанная на идее общности стран ЕС и разделения ответственности

⁴ The Fundamental Law of Hungary/ Hungarian government website. URL: http://www.kormany.hu/download/f/3e/61000/TheFundamentalLawofHungary_20180629_FIN.pdf (дата обращения 21.05.2019).

⁵ Slovakia: Act No. 404/2011 Coll. on Stay of Aliens /European website on integration. URL: <https://ee.europa.eu/migrant-integration/librarydoc/slovakia-act-no-404/2011-coll-on-stay-of-alien> (дата обращения 21.05.2019).

⁶ Migration policy of the Slovak republic. Perspective until the year 2020/ Eastern Partnership. URL: http://eapmigrationpanel.org/sites/default/files/migration_policy_slovakia_eng.pdf (дата обращения 16.03.2019).

⁷ Migrants to Europe 'need to go home', says Czech prime minister / the Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/25/europe-migrants-need-to-go-home-says-czech-prime-minister> (дата обращения 14.04.2019).

⁸ Election Resources on the Internet / Electron Resources on the Internet website. URL: <http://electionresources.org/> (дата обращения 18.05.2019).

[Шаблинская, 2017. С. 191]. ЕС проводит меры по регулированию миграционных потоков и интеграции мигрантов в общество, а также оказывает помощь пограничным странам в обеспечении пограничного контроля за счет сил агентства Фронтекс [Carrera et al., 2015. Р. 13].

Наиболее спорным вопросом стало создание системы квотного перераспределения беженцев. Впервые данная идея была сформулирована в Европейской повестке дня по миграции⁹. В документе говорится о необходимости перемещения и перераспределения беженцев государствами – членами ЕС на обязательной основе, а также перечислен ряд мер по усилению пограничного контроля и сотрудничеству с третьими странами. Реакция стран Вишеградской группы последовала довольно быстро: в совместном заявлении в июне главы правительств призвали к созданию системы перераспределения на добровольной основе¹⁰. Тем не менее через несколько дней Европейский совет согласовал решение о создании подобного механизма на обязательной основе¹¹. За ним последовало новое совместное выступление глав правительств В4, в котором они заявили о том, что обязательные квоты остаются неприемлемым механизмом решения проблемы¹². На период 2015–2016 гг. в целом приходится больший объем совместных заявлений представителей четверки в отношении миграционного кризиса, чем в последующие годы, что связано с европейским процессом создания схем перераспределения. В то же время отметим, что в данных документах они подчеркивают свою готовность к сотрудничеству по другим пунктам повестки.

Решения, принятые 14¹³ и 22 сентября 2015 г.¹⁴, имеют схожий характер и регулируют меры по уменьшению давления на страны, наиболее пострадавшие от миграционного кризиса, и переселение и перемещение беженцев в другие государства ЕС в соответствии с их территорий, уровнем ВВП, числом мигрантов, прибывших на их территорию, и уровнем безработицы. Оба плана предполагают оказание финансовой поддержки странам-реципиентам в размере 6 тыс. евро на человека и возмещение издержек на перемещение из Италии и Греции. В них подробно прописаны конкретные процедуры перемещения и перераспределения беженцев. Кроме того, Италия и Греция должны получать техническую помощь для регулирования миграционного потока на их территории. Однако, в случае первого решения, перераспределение мигрантов должно осуществляться на добровольной основе, вторая же схема предполагает обязательный характер переселения беженцев и содержит приложение, где прописано число мигрантов, которое каждая страна должна принять.

Вследствие этого первый план ЕС имел большую поддержку среди стран Вишеградской группы, и страны четверки были готовы на его осуществление (кроме Венгрии, которая уже тогда отказывалась реализовывать соглашение) [Nyzio, 2017. Р. 64]. При обсуждении миграционного кризиса и системы квотного распределения депутаты от стран Вишеградской группы заняли критическую позицию относительно подобных мер. Наиболее жесткую позицию

⁹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A European Agenda on Migration/ European Commission website. URL: https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/communication_on_the_european_agenda_on_migration_en.pdf (дата обращения 20.06.2019).

¹⁰ Joint statement of the Heads of Governments of the Visegrad group countries/ Visegrad group website. URL: <http://www.visegradgroup.eu/calendar/2015/joint-statement-of-the> (дата обращения 19.04.2019).

¹¹ European Council meeting (25 and 26 June 2015) – Conclusions/ European Council Council of the European Union website. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/21717/euco-conclusions-25-26-june-2015.pdf> (дата обращения 20.06.2019).

¹² Joint statement of the Heads of Governments of the Visegrad group countries/ Visegrad group website. URL: <http://www.visegradgroup.eu/calendar/2015/joint-statement-of-the-150904> (дата обращения 19.04.2019).

¹³ Council decision (EU) 2015/1523 of 14 September 2015 establishing provisional measures in the area of international protection for the benefit of Italy and of Greece/ EUR-Lex.europa.eu. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AJOL_2015_239_R_0011 (дата обращения 27.06.2019).

¹⁴ COUNCIL DECISION establishing provisional measures in the area of international protection for the benefit of Italy and Greece/ European Council website. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12098-2015-INIT/en/pdf> (дата обращения 27.06.2019).

отстаивали представители Венгрии, сделав вполне националистическое заявление «Европа для европейцев»¹⁵. Решение о создании механизма перераспределения беженцев было принято большинством голосов, но Венгрия, Чехия и Словакия проголосовали против [Sabic, 2017. Р. 5].

В связи с ростом миграционного потока Венгрия наряду с Италией и Грецией во втором соглашении была включена в список стран, из которых предполагалось переселить мигрантов (54 000 человек для Венгрии)¹⁶. Однако премьер-министр Венгрии Виктор Орбан отказался от подобного статуса, не приняв условия соглашения [Потемкина, 2015. С. 39]. В соответствии с последними соглашениями, страны, из которых беженцев должны были переселить, в свою очередь обязались обеспечить условия для принятия мигрантов, оборудовать пункты их приема и необходимую помощь. Кроме того, действующее в ЕС Дублинское регулирование предполагает, что мигранты должны регистрироваться и оставаться в стране, в которую они непосредственно прибыли, т. е. запрещает вторичную миграцию. В это время Венгрия решила закрыть границы для мигрантов и возвела проволочные заграждения на границе с Сербией.

Таким образом, можно говорить о том, что общая позиция стран Вишеградской группы начала формироваться в 2015–2016 гг. В совместных заявлениях и программах страны четверки заявили о необходимости введения жесткого пограничного контроля и оказания технической и финансовой помощи странам, наиболее пострадавшим от наплыва беженцев. Данная позиция идет вразрез с позицией ЕС и вызывает обострение отношений на наднациональном уровне.

В 2017 г. Венгрия и Словакия обратились в Европейский суд с иском о неправомочности данной политики [Ондрейчик, 2016. С. 123]. В поддержку их выступила Польша. Чехия сохранила более гибкую политику и разместила на своей территории 12 беженцев в рамках программы¹⁷. На смягчение позиции пошла и Словакия, приняв на своей территории, однако, меньшее количество мигрантов, чем было определено системой (16 вместо 902 человек¹⁸).

В своем выступлении перед Европейским парламентом премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, объяснив отказ принимать беженцев, с критикой прокомментировал готовность других стран принять беженцев¹⁹. Данная позиция была аргументирована тем, что подобные действия будут иметь негативные последствия не только для стран, непосредственно согласившихся на размещение беженцев на своей территории, но и для стран Вишеградской группы. Подобную позицию заняло и правительство Польши²⁰. О необходимости укрепления пограничного контроля и отказа от системы распределения беженцев заявил действующий чешский премьер-министр Андрей Бабиш²¹.

Отказ Польши и Венгрии участвовать в системе квотного распределения беженцев повлек за собой ответные меры Европейской комиссии. Последняя в 2017 г. обратилась в Европейский суд с иском против Польши и Венгрии. На данный момент разбирательства еще про-

¹⁵ Sitting of 2015-09-10/ European Parliament website. URL: <http://www.europarl.europa.eu/plenary/EN/vod.html?mode=unit&vodLanguage=EN&startTime=20150910-13:36:03-327#> (дата обращения 20.05.2019).

¹⁶ Cases C-643/15 and C-647/15 / EUR-Lex.europa.eu. URL: <https://eur-lex.europa.eu/images/logoflagLaw.gifop> (дата обращения 02.04.2019).

¹⁷ Relocation: EU solidarity between member states/ European Union website. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20171114_relocation_eu_solidarity_between_member_states_en.pdf (дата обращения 20.05.2019).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Prime Minister Viktor Orbán's Speech in the European Parliament / Hungarian Government website. URL: <https://www.kormany.hu/en/the-prime-minister/the-prime-minister-s-speeches/prime-minister-viktor-orban-s-speech-in-the-european-parliament> (дата обращения 19.03.2019).

²⁰ “Migration crisis is a problem of entire EU” / President of the Republic of Poland website. URL: <https://www.president.pl/en/news/art,44,migration-crisis-is-a-problem-of-entire-eu.html> (дата обращения 15.04.2019).

²¹ Statement by the Prime Minister on the Current State of the Debate on the European Migration Policy/ Government of the Czech Republic website. URL: <https://www.vlada.cz/en/media-centrum/aktualne/revize-1-en-statement-by-the-prime-minister-on-the-current-state-of-the-debate-on-the-european-migration-policy-166623/> (дата обращения 26.03.2019).

должаются, однако уже сейчас можно делать некоторые выводы из сложившейся ситуации. Миграционный кризис стал одной из причин разделения ЕС на два лагеря, в первом из которых находятся страны старой Европы, а второй возглавляют новые страны Союза (Польша и Венгрия). Решение проблемы принятия беженцев проходит на фоне общего усиления разногласий в ЕС. Европейский парламент уже голосовал о применении ст. 7 Лиссабонского договора против Венгрии и Польши, которая позволяет лишить страну права голоса в ЕС. Несмотря на то, что статья не была применена (решение не получило единогласной поддержки всех членов ЕС), данные меры показывают углубление раскола внутри ЕС. Большую роль для будущего ЕС имеет и решение, которое будет принято судом по данному вопросу. Победа стран В4 даст повод говорить об ослаблении роли наднациональных институтов и создаст прецедент, когда решения ЕС могут быть необязательными для исполнения странами-членами. По мнению Л. Каролевского и Р. Бенедиктера, введение ЕС санкций против стран четверки может вызвать обратную реакцию в обществе и усилит раскол внутри ЕС [Karolewski, Benedikter, 2018. P. 51].

Европейские санкции, которые должны последовать за судебными решениями ЕС, могут отрицательно сказаться на финансовых возможностях стран четверки. В соответствии с принятым бюджетом ЕС на 2014–2020 гг., Вишеградские страны являются основными получателями европейской помощи из фондов ЕС. Несмотря на угрозы со стороны европейских чиновников о сокращении доли стран в будущем бюджете, в связи с их политикой в отношении ЕС²² (в первую очередь Польше и Венгрии), позицию свою они не меняют. Отметим, что большая часть проектов фондов ЕС была завершена в 2015 г.²³, и доля бюджетных расходов на эти страны постепенно сокращается²⁴.

Как было отмечено выше, страны региона ориентируются на ужесточение пограничного контроля и оказание технической и финансовой поддержки в рамках агентства Фронтекс, созданного в 2005 г. в целях координации пограничного контроля Шенгенской зоны. В 2016 г. было принято новое регулирование, значительно расширявшее полномочия агентства и его возможности по регулированию миграционных потоков [Зверева, 2015. С. 110]. В 2019 г. ЕС пришел к решению о необходимости увеличения сил Фронтекс в 2026 г. В то же время Венгрия, выступающая за усиление пограничного контроля и более активное сотрудничество с Фронтекс, высказалась против возможности вмешательства агентства в процедуры пограничного контроля национальных государств, приравнивая это к нарушению национального суверенитета²⁵. Принятые в 2019 г. поправки затронули вопрос о взаимодействии национальных пограничных сил и сил Фронтекс, еще раз подчеркнув вспомогательный характер последнего и отсутствие необходимости в пересекающихся операциях²⁶.

В заключение отметим, что позиция стран Вишеградской группы несколько отличается: Чехия и Словакия остаются более гибкими в сравнении с Польшей и Венгрией. Тем не менее все они придерживаются той позиции, что разрешение миграционного кризиса должно проходить за пределами ЕС. В ответ на миграционную политику они проводят антимиграционную национальную политику, продолжая такую же линию на наднациональном уровне, и на данный момент делают это в довольно жесткой манере. Даже согласившаяся на компромисс Словакия вернулась к изначальной позиции. Неспособность стран ЕС прийти к общей позиции говорит не только о кризисе солидарности, но и об усилении позиций четверки

²² EU Considers Funding Cuts for Eastern Europe/ Spiegel online. URL: <https://www.spiegel.de/international/europe/eu-considers-funding-cuts-for-poland-and-eastern-europe-a-1201082.html> (дата обращения 21.05.2019).

²³ EU invest projects funded by regional policy / European Union website. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/guides/eu_invest_brochure_en.pdf (дата обращения 22.05.2019).

²⁴ EU expenditure and revenue 2014–2020 / European Commission website. URL: http://ec.europa.eu/budget/graphs/revenue_expenditure.html (дата обращения 22.05.2019).

²⁵ Chief Security Advisor: More Frontex officers not enough to halt inflow of migrants / About Hungary. URL: <http://abouthungary.hu/news-in-brief/chief-security-advisor-more-frontex-officers-not-enough-to-halt-inflow-of-migrants/> (дата обращения 30.03.2019).

²⁶ Draft European Parliament legislative resolution / European Parliament website. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2019-0076_EN.html (дата обращения 12.04.2019).

и росте их влияния на формирование общей политики ЕС. Поиски решения путей конфликта в ЕС продолжаются, и наднациональные институты могут оказаться более гибкими в вопросе миграционного законодательства (тем более что план перераспределения беженцев не был полностью реализован ни одной страной), чем страны Вишеградской четверки. Тем не менее обе стороны настроены на продолжение переговоров, а значит, могут прийти к согласованному решению.

Список литературы

- Зверева Т. В.** Миграционный кризис: «Тихий развал» Евросоюза или новый этап в развитии интеграции? // Вестник Дипломатической академии МИД России. 2015. № 4 (6). С. 106–126.
- Квашнин Ю., Кузнецов А., Трофимова О., Четверикова А.** Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 1. С. 97–107.
- Ондрейчик М.** Словакия и Венгрия против Совета Европейского союза: борьба вокруг решения о распределении беженцев // Право. Журнал высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 122–134.
- Потемкина О. Ю., Грачева М. Л.** Европейский Союз: миграционный кризис прошел – проблемы остались // Европейский Союз: факты и комментарии. 2018. № 90. С. 32–35.
- Потемкина О. Ю.** «Компромиссные» решения июньского саммита по миграции // Европейский Союз: Факты и комментарии. 2018. № 93. С. 64–68.
- Потемкина О. Ю.** Миграционный кризис в ЕС: роль стран Вишеградской группы // Современная Европа. 2015. № 6 (66). С. 36–45.
- Четверикова А. С.** Положение стран Вишеградской группы в условиях обострения миграционного кризиса // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т. 10, № 4. С. 130–143.
- Шаблинская Д. И.** Миграционная политика ЕС в контексте новых вызовов // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2017. Т. 8, вып. 2 (29). С. 191–202.
- Bauerova H.** Migration Policy of the V4 in the Context of Migration Crisis. *Politics in Central Europe*, 2018, vol. 14, no. 2, p. 99–120.
- Carrera S., Blockmans S., Gros D., Guild EJ.** The EU's Response to the Refugee Crisis. Taking Stock and Setting Policy Priorities. *Centre for European Policy Studies Essays*, 2015, no. 20/16, 25 p.
- Dahl M., Dziudzik A.** Panstwa Unii Europejskiej wobec kryzysu imigracyjnego z 2015 roku. *Unia Europejska*, 2017, no. 3 (244), p. 17–25.
- Duszczyk M.** Kryzys migracyjny czy kryzys Unii Europejskiej? *Biuletyn Instytutu Zachodniego*, 2015, no. 205. URL: https://rgib.org.pl/index.php?option=com_content&view=article&id=1219: biuletyn-instytutu-zachodniego-nr-2052015-dr-hab-maciej-duszczyk-kryzys-migracyjny-czy-kryzys-unii-europejskiej&catid=60:biuletyn-instytutu-zachodniego-archiwum&Itemid=112 (date of access 28.07.2019).
- Frelak J. S., Juhász A., Jungwirth T. et al.** Migration politics and policies in Central Europe. Bratislava, GLOBSEC Policy Institute, 2017, 33 p.
- Karolewski L. P., Benedikter R.** Europe's Migration Predicament: The European Union's Refugees' Relocation Scheme versus the Visegrád Group. *Journal of Inter-Regional Studies: Regional and Global Perspectives (JIRS)*, 2018, vol. 1, p. 40–53.
- Krotofil J., Motaka D.** Critical Discourse Analysis of the Media Coverage of the Migration Crisis in Poland The Polish Catholic Church's Perception of the "Migration Crisis". *The Religious and Ethnic Future of Europe*, 2018, no. 28, p. 92–115.
- Nyzio A.** The Second Revival?: The Visegrad Group and the European Migrant Crisis in 2015–2017. *Politeja*, 2017, no. 50/5, p. 47–98.
- Sabic S. S.** The Relocation of Refugees in the European Union. Implementation of Solidarity and Fear. Zagreb, Friedrich-Ebert-Stiftung, 2017, 11 p.

Szomolanyi S., Gal Z. Slovakia's Elite: Between Populism and Compliance with EU Elites. In: The Visegrad Countries in Crisis. Warsaw, 2016, p. 67–86.

References

- Bauerova H.** Migration Policy of the V4 in the Context of Migration Crisis. *Politics in Central Europe*, 2018, vol. 14, no. 2, p. 99–120.
- Carrera S., Blockmans S., Gros D., Guild EJ.** The EU's Response to the Refugee Crisis. Taking Stock and Setting Policy Priorities. *Centre for European Policy Studies Essays*, 2015, no. 20/16, 25 p.
- Chetverikova A. S.** Polozhenie stran Vishegradskoi gruppy v usloviyakh obostrukcii migratsionnogo krizisa [Position of the Visegrad Group in Conditions of the Worsening European Migration Crisis]. *Kontury global'nykh transformatsii [Outlines of Global Transformations]*, 2017, vol. 10, no. 4, p. 130–143. (in Russ.)
- Dahl M., Dziudzik A.** Panstwa Unii Europejskiej wobec kryzysu imigracyjnego z 2015 roku. *Unia Europejska*, 2017, no. 3 (244), p. 17–25.
- Duszczyk M.** Kryzys migracyjny czy kryzys Unii Europejskiej? *Biuletyn Instytutu Zachodniego*, 2015, no. 205. URL: https://rgib.org.pl/index.php?option=com_content&view=article&id=1219: biuletyn-instytutu-zachodniego-nr-2052015-dr-hab-maciej-duszczyk-kryzys-migracyjny-czy-kryzys-unii-europejskiej&catid=60:biuletyn-instytutu-zachodniego-archiwum&Itemid=112 (date of access 28.07.2019).
- Frelak J. S., Juhász A., Jungwirth T. et al.** Migration politics and policies in Central Europe. Bratislava, GLOBSEC Policy Institute, 2017, 33 p.
- Karolewski L. P., Benedikter R.** Europe's Migration Predicament: The European Union's Refugees' Relocation Scheme versus the Visegrád Group. *Journal of Inter-Regional Studies: Regional and Global Perspectives (JIRS)*, 2018, vol. 1, p. 40–53.
- Krotofil J., Motaka D.** Critical Discourse Analysis of the Media Coverage of the Migration Crisis in Poland The Polish Catholic Church's Perception of the "Migration Crisis". *The Religious and Ethnic Future of Europe*, 2018, no. 28, p. 92–115.
- Kvashnin Yu., Kuznetsov A., Trofimova O., Chetverikova A.** Migratsionnyi krizis v ES: natsional'nye otvety na obshchii vyzov [Migration Crisis in the EU: National Responses to Common Challenge]. *Mirovaya ekonomika i mezhunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 2017, vol. 61, no. 1, p. 97–107. (in Russ.)
- Nyzio A.** The Second Revival?: The Visegrad Group and the European Migrant Crisis in 2015–2017. *Politeja*, 2017, no. 50/5, p. 47–98.
- Ondreichik M.** Slovakiya i Vengriya protiv Soveta Evropeiskogo soyuza: bor'ba vokrug resheniya o raspredelenii bezhentsev [Slovakia and Hungary vs. Council of the European Union: Fight for Annulment of Decision Relocating Refugees]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Law. Journal of the High School of Economics]*, 2016, no. 2, p. 122–134. (in Russ.)
- Potemkina O. Yu.** "Kompromissnye" resheniya iyun'skogo sammita po migrantsii ["Compromise" Decisions of the June Summit on Migration]. *Europeiskii Soyuz: Fakty i kommentarii [European Union: Facts and Comments]*, 2018, no. 93, p. 64–68. (in Russ.)
- Potemkina O. Yu.** Migratsionnyi krizis v ES: rol' stran Vishegradskoi gruppy [Migration Crisis in the EU: Role of the Visegrad Group Countries]. *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]*, 2015, no. 6 (66), p. 36–45. (in Russ.)
- Potemkina O. Yu., Gracheva M. L.** Evropeiskii Soyuz: migratsionnyi krizis proshel – problemy ostalis' [The Migrant Crisis is over – the Problems Remain]. *Europeiskii Soyuz: Fakty i kommentarii [European Union: Facts and Comments]*, 2018, no. 90, p. 32–35. (in Russ.)
- Sabic S. S.** The Relocation of Refugees in the European Union. Implementation of Solidarity and Fear. Zagreb, Friedrich-Ebert-Stiftung, 2017, 11 p.

Shablinskaya D. I. Migratsionnaya politika ES v kontekste novykh vyzovov [Migration Policy of the EU in the Context of New Challenges]. *Nauchnye trudy SZIU RANKhGS [Scientific Works of NWIM RANEPA]*, 2017, vol. 8, iss. 2 (29), p. 191–202. (in Russ.)

Szomolanyi S., Gal Z. Slovakia's Elite: Between Populism and Compliance with EU Elites. In: The Visegrad Countries in Crisis. Warsaw, 2016, p. 67–86.

Zvereva T. V. Migratsionnyi krizis: “Tikhii razval” Evrosoyuza ili novyi etap v razvitiי integratsii? [Migration Crisis: “Quiet Collapse” of Eurozone or a New Stage of Integration Development?]. *Vestnik Diplomaticeskoi akademii MID Rossii [Herald of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry]*, 2015, no. 4 (6), p. 106–126. (in Russ.)

*Материал поступил в редакцию
Received
05.06.2019*

Сведения об авторе

Белкина Полина Юрьевна, аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия)

polina.belkina.vot@gmail.com

Information about the author

Polina Yu. Belkina, Postgraduate Student, National Research Tomsk State University, Faculty of Historical and Political Studies, Chair of World Politics (36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation)

polina.belkina.vot@gmail.com

УДК 94 (47).072.5

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-39-47

Генералы российской армии польского происхождения в 1812 году

В. М. Безотосный

*Государственный исторический музей
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена выявлению в составе российского генералитета эпохи Отечественной войны 1812 г. военачальников польского происхождения, а также исследованию их происхождения и биографий. Рассматривается проблема определения их этнического происхождения, на конкретных примерах биографий показывается свойственное для XIX в. понимание характеристик и границ идентичности. Проводится сравнение биографий поляков-генералов русской армии по разным параметрам: социальное и материальное положение, участие в боях, продвижение по службе. Обращается внимание на восприятие военачальников польского происхождения российским обществом, связанное с этнерелигиозными стереотипами.

Ключевые слова

Отечественная война 1812 г., генералитет, российская армия, Польша

Для цитирования

Безотосный В. М. Генералы российской армии польского происхождения в 1812 году // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 39–47. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-39-47

Russian Army Generals of Polish Ancestry in 1812

V. M. Bezotosny

*State Historical Museum
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article aims to find persons of Polish ancestry among Russian generality of Patriotic war of 1812. It seems that there were only nine Polish generals in the Russian army at that time. Furthermore this paper also dedicated to the family background of these generals and investigation of their biographies. The author considers the problem of ethnicity identity in historical context. The question of national ancestry is really complicated especially in case of studying the epoch of 1812 Patriotic war. Unfortunately, official lists of all serviceman of the Russian imperial army is inapplicable, since this research is intended to reveal criteria that were used by contemporaries of the French invasion to Russia. Even the surname of a person indicates just belonging to a certain family, but it may not match the nationality. On the biographical material of nine Polish generals the author shows some specific characteristics of ethnic identity in the 19th century, such as religious and language affiliation. Comparison of the biographies of Polish ancestry generals, based on a few parameters, including the social and economic status of these people, shows that there were both rich ("magnates") and impoverished aristocrats among them. All of them participated in battles, promoted in army career fast (especially "magnates"), but generally their biographies do not contain any specific features. The author draws attention to the perception of Polish generals in Russian society, not always positive strongly related to ethnic-religious stereotypes.

Keywords

1812 Patriotic war, generality, Russian army, Poland

For citation

Bezotosny V. M. Russian Army Generals of Polish Ancestry in 1812. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 39–47. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-39-47

Хорошо известно, что поляки составляли значительную часть Великой армии, вторгнувшейся в Россию в 1812 г. 5-й армейский корпус полностью состоял из польских полков, не считая отдельных польских частей в других корпусах. В то же время необходимо отметить, что, в отличие от наполеоновских войск, армия в России являлась практически мононациональной (не зря ее называли русской), но были и исключения, например пять уланских (армейских) полков, в составе которых находилось много поляков. Да и многие офицеры российской императорской армии были польского происхождения. А вот генералов поляков, воевавших против Наполеона и носивших «густые эполеты», в ту эпоху можно насчитать не так уж и много – всего девять человек: В. К. Браницкий, М. Ф. Владек, Т. И. Збивеский, К. А. Крейц, Г. И. Лисаневич, А. П. Ожаровский, С. С. Потоцкий, О. К. Соколовский и Е. И. Чаплиц.

В генеральской среде российской императорской армии 1812 г. имелись представители почти из всех стран Европы, и поляки в данном случае не составляли исключение. Другое дело, кого можно было тогда считать поляком? В начале XIX столетия в обычной практике военного делопроизводства русской армии на каждого военнослужащего составлялись формулярные списки. Одна из граф этого документа касалась происхождения и вероисповедания. Причем вопрос вероисповедания для определения национальности был весьма актуален и для того времени, и для историков, занимающихся изучением биографических сведений о персоналиях.

Вопрос о национальной принадлежности всегда сложен. Ее можно установить, правда, не всегда легко, на основе записей в формулярных списках о принадлежности к польскому дворянству или на основании сведений о знании польского языка и латыни. Даже первичный анализ формулярных списков позволяет сделать вывод, что для определения национальности не подходят современные мерки, и необходимо учитывать критерии, которыми руководствовались люди прошлого века. Часто фамилия говорила лишь о принадлежности к определенному роду, но в случае длительного проживания этого рода в отрыве от своих соплеменников и ассимиляции, она могла уже не соответствовать первоначальным национальным корням. Анализ жизненного пути представителей нескольких поколений одной фамилии нередко свидетельствует об этом, поэтому запись в формулярном списке исследователю необходимо рассматривать лишь как отправную точку для дальнейших изысканий. Причем на этом пути встретится много подводных камней, поскольку вопрос о национальном самосознании людей XIX столетия в нашей литературе не поднимался. Поэтому целесообразно отдельно говорить о родовом происхождении, а затем уже пытаться определять национальность. При этом необходимо учитывать многие факторы: подданство, семейно-родственные связи, исторические корни рода, среду проживания, воспитание, вероисповедание и т. д.

Сложнее, когда такая запись оказывалась сделанной на носителях иноземных фамилий, особенно трудно точно идентифицировать фамилии с полонизированными окончаниями на -ий или -ич (Потоцкий, Браницкий, Юзефович, Капцевич, Лисаневич и т. д.). Тогда для определения необходимо привлекать разные источники (в первую очередь ранние формулярные списки), а иногда делать окончательный вывод, основываясь лишь на интуиции. Например, в поздних формулярных списках генерала Г. И. Лисаневича значится, что он «из дворян Херсонской губернии» без указаний на национальную принадлежность, а в первой его биографии, опубликованной в 1849 г., было написано, что «предки его были родом из Полоцка» [Император Александр I..., 1849. С. 1]. А вот украинский историк В. М. Заруба посчитал его внуком воинского товарища и сыном бунчукового товарища Ивана Михайловича Лисаневича [2011. С. 272]. Но это явная ошибка, поскольку в ранних формулярных списках Г. И. Лисаневича на 1802 г. его происхождение описано достаточно точно: «Из польского шляхетства родился он в России от родителей своих вышедших из Польши и оставшихся в вечном российском подданстве». В то же время указано, что «крестьян не имеет, а недвижимое имение состоит в Новороссийской губернии»¹. Хотя в данном случае нельзя исключ-

¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2269. Л. 91–92.

чать возможность разделения по национально-религиозному признаку и развития полонизированной ветви Лисаневичей, или наоборот.

Но в формулярах встречаются и более пространные записи с привязкой к географическим пунктам и территориям (губерниям, уездам, островам, городам и т. д.) или даже к государствам, а также с упоминанием о подданстве и вероисповедании. Правда, иногда, сведения о них часто содержат минимальную информацию, хотя встречается весьма экзотический текст, дающий простор для исследовательских фантазий. В целом, заполненные соответствующие делопроизводственные графы генеральских формуляров представляют часто возможность лишь для приблизительного, а не точного определения вероисповедания и национальности. Во многих из них помещалась стандартная лаконичная фраза: «из дворян» (например, у Чаплица и Потоцкого). Для лиц с русскими фамилиями в этом случае определение национальной принадлежности не встречает препятствий.

Необходимо специально отметить на карте тогдашней Российской империи наличие польско-католического ареала влияния, но его притягательность ограничивалась географическими рамками бывшей Речи Посполитой. Кроме того, в высших слоях имперского общества господствовало стойкое историческое предубеждение к полякам, если не сказать больше. Приведем по этому поводу характерное высказывание известного тогда публициста Н. И. Гремча. Перечисляя представителей наций, активно боровшихся с Наполеоном, он сделал лишь два исключения, упомянув турок и поляков: «Первые не христиане, последние и того хуже» [1990. С. 212]. В этих условиях попавшие в Россию западноевропейцы и или их потомки вынуждены были делать выбор в пользу одного из культурно-религиозных центров: немецко-реформаторского или русско-православного.

В начале XIX столетия в обычной практике военного делопроизводства, как правило, редко поднималась проблема религиозной принадлежности российских уроженцев. В силу всем известного предпочтения каждой крупной национальности Российской империи к одной из господствующих в стране конфессий, современникам не требовалось лишних пояснений, что русские в основной массе исповедовали православие, поляки – католицизм, а остзейцы (лифляндцы, эстляндцы и курляндцы) придерживались «лютеранского закона». Поэтому часто запись об отношении военнослужащего к разряду российских, польских, лифляндских и прочих дворян как бы уже подразумевала конкретное вероисповедание. Принадлежность к определенной религии с детства формировала мироощущение и миропонимание у каждого человека, кроме того, являлась важным связующим звеном с культурными и национальными ценностями своего народа. Чаще всего в формулярных списках вопрос о вероисповедании поднимался в отношении выходцев с территории, недавно присоединенных к России, иностранцев или лиц, исповедовавших не традиционную для их народа религию. Например, у Соколовского в формуляре было записано: «Из дворян Могилевской губернии римско-католического вероисповедания». У Ожаровского было указано: «Из польских дворян», у Збиеvского – «Из польского шляхетства», а у Владека – «Из дворян Виленской губернии» [Военная галерея 1812 года, 1912. С. 44, 92, 163, 192, 224].

Попробуем разобрать несколько трудных случаев. Так, весьма сложно было определить национальную принадлежность у К. А. Крейца. Его славянские предки еще до XVII столетия были онемечены и занимали видное положение в Пруссии, а затем переселились в Польшу, где его дед получил графский титул. Сам же он лишь в 1801 г. перешел на русскую службу из генерал-адъютантов последнего польского короля, причем до 1839 г. носил нехарактерный для польского дворянства баронский титул. В его послужных списках встречаются самые разнообразные записи: «Из курляндских дворян баронского рода», «Из дворян Литовско-Виленской губернии», «Из дворян графского достоинства вероисповедания римско-католического». Кем его считать – поляком или немцем? С одной стороны, среди российских генералов, природных немцев, мы найдем единственного католика – «уроженца города Кобленца курфюрства Тирского католического закона» Х. И. Труэсона², с другой – характерная

² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1313.

запись в формуляре Крейца только для польских дворян о знании польского языка и латыни³. В данном случае любой выбор чреват ошибкой. Мы можем лишь высказать предположение, что больше доводов считать его поляком. В пользу этого говорят двухвековое проживание в Польше его предков, вероисповедание и воспитание, а также наличие в среде шляхты Речи Посполитой довольно большого количества дворян с немецкими фамилиями⁴.

Приведем не менее сложный случай с И. О. де Виттом, фамилия которого имеет голландское происхождение. Но в его формуляре имеется следующая фраза: «Вероисповедания греко-корсийского из дворян графского достоинства Подольской губернии»⁵. Он был старшим сыном подольского коменданта Юзефа (в русской транскрипции – Осипа) де Витта от брака с знаменитой красавицей фанариоткой (гречанкой) Софией Главоне (по другой версии – Маврокордато, а после развода во втором браке – Потоцкой). Воспитанный в православии И. О. де Витт (по законам империи дети принимали православие, если хотя бы один из родителей исповедовал эту религию) вырос в магнатской среде под влиянием польской культуры. Из отставки полковник И. О. де Витт был вновь принят на службу в 1811 г. Но за ним тянулся шлейф какой-то темной истории (до сих пор до конца не выясненной историками), из-за чего он был когда-то уволен из гвардии⁶, да и его предшествующая авантюрная жизнь вызывала вопросы у многих современников. Русское командование перед 1812 г. использовало его знакомства и родственные связи в высшем польском обществе для получения разведывательной информации в герцогстве Варшавском, но, учитывая его репутацию, до конца не доверяло ему. Одновременно Барклай предупредил Багратиона (который также критически оценивал полковника): «...делая ему поручения, надлежит быть против него весьма осторожну, чтоб он ничего не мог узнать о наших распоряжениях, местопребывании войск... не входить с ним в искренние изъяснения и не доверять ему таких дел, обнаружение коих могло бы вредить нашим пользам» [1812–1814. Секретная переписка..., 1992. С. 170]. В общем мнении он считался провокатором и авантюристом (в 1809 г. служил волонтером в армии Наполеона в кампании против австрийцев). Хотя впоследствии у высшего начальства де Витт имел полное признание, но не почтился своим, несмотря на православие⁷. В целом, исходя из национальной принадлежности родителей, его все же нельзя назвать ни голландцем, ни греком, ни поляком, а нужно, с некоторым допущением, все же считать русским.

Можно сразу выделить из всей генеральской группы потомков польской элиты, ориентированной на Россию. Это – Браницкий, Ожаровский и Потоцкий. У всех троих отцы являлись не только владельцами огромных латифундий на Украине, занимали высшие должности в Речи Посполитой, но и были в свое время лидерами Тарговицкой конфедерации. П. Ожаровский (великий гетман коронный) был в 1794 г. повешен повстанцами в Варшаве за приверженность к России. Все трое генералов с юности по самой высокой протекции начинали свою службу. Среди впечатляющих примеров получения офицерских чинов с малолетства или даже с рождения, когда учитывались древность рода и заслуги славных предков, можно назвать большое количество юных представителей российской знати (Репниных, Волконских, Горчаковых, Каменских, Суворовых, Бибковых, Строгановых, Воронцовых, Шуваловых). Но в этой среде аристократических «недорослей» были и поляки, удостоенные именных указов императрицы Екатерины о вступлении в службу малолетними офицерами

³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 428–437; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 862. Л. 61–99. Запись выглядела следующим образом: «Знает языки: латинский, греческий, французский, немецкий, российский и польский». Также сообщалось, что он «учился в заграничных университетах».

⁴ Поляком он назван императором Павлом I в приказе 7 июля 1799 г. санкт-петербургскому военному губернатору П. А. Палену: «Найдите поляков Червинского и Крейца, и за пустые известия или писания посадите в крепость» (Русская старина. 1872. № 2. С. 250).

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Д. 238. Л. 65–68.

⁶ Н. П. Чулков полагал, что причиной его отставки являлось столкновение с П. И. Багратионом и П. Х. Витгенштейном, и даже привел слухи о его желании вызвать этих генералов на дуэль [Сборник биографий кавалергардов, 1906, С. 449]. См. также: [Кандаурова, 1997].

⁷ Например, А. А. Аракчеев, считая его конкурентом по созданию военных поселений, называл его поляком [Аракчеев. Свидетельства современников, 2000. С. 211].

в гвардейские полки. Так, В. Г. Браницкий, сын племянницы Г. А. Потемкина, с рождения был записан прaporщиком в л.-гв. Преображенский полк; в шесть лет граф С. С. Потоцкий и в 11 лет граф И. О. де Витт, были приняты «малолетними корнетами» в л.-гв. Конный полк. Справедливости ради укажем, что А. П. Ожаровский в 1794 г. с чином капитана ополчения участвовал в восстании под предводительством Т. Костюшко, и только в 1796 г. был принят корнетом в л.-гв. Конный полк⁸.

Можно сравнить чинопроизводство польских «нобилей» и представителей шляхетских родов, начинавших службу при Екатерине II в армейских полках нижними чинами. Сын бедного польского шляхтича Т. И. Збиевский только после семи лет службы в нижних чинах за отличие при штурме Измаила был в 1790 г. произведен в поручики; Г. И. Лисаневичу, начавшему службу капралом в 1771 г., понадобилось четыре года, чтобы получить первый офицерский чин; О. К. Соколовский, перешедший с польской службы поручиком, в 1786 г. был принят в русскую армию с чином подпоручика (с понижением в чине), как того тогда требовало правило приема на службу из иностранной армии. Е. И. Чаплиц в 1783 г. был принят в службу с чином секунд-майора, а в 1788 г. попал в штаб Г. А. Потемкина⁹. Если для выходцев из польской элиты служба в Петербурге в привилегированных гвардейских частях перемежалась с элементами культурных прелестей придворной и светской жизни, то для большинства польских дворян-офицеров, «тянувших лямку» в армейских полках в заштатных провинциальных местечках, будни даже в мирное время были наполнены гарнизонной скучкой, бивуачным существованием, переходами с места на место, а также постоянными учениями. В общем – армейская рутинна. В случае военных действий они в полной мере испытывали все тяготы и лишения военно-походной жизни.

Показательно, что поляки, вступившие в российскую службу еще до последнего раздела Речи Посполитой, с отличием участвовали в боях с польскими инсургентами в 1792 и 1794 гг. Лисаневич за эти две кампании дважды повышался в чинах, Соколовский в 1792 г. получил за отличие чин капитана, Чаплиц (принят из польской службы секунд-майором в 1883 г.) в 1794 г. был ранен в левую руку и даже находился в плена у мятежников.

Также нужно подчеркнуть, что в наполеоновскую эпоху все упомянутые лица принимали самое деятельное участие в войнах, которые вела Россия в то время. В кампании в Австрии в 1805 г. против французов сражались Чаплиц, Лисаневич, Соколовский, Владек, Збиевский (награжден орденом Св. Георгия 4-го класса), Владек, Ожаровский (награжден орденом Св. Георгия 4-го класса). В 1806–1807 гг. против французов на прусской территории вновь сражались Чаплиц (ранен), Лисаневич, Соколовский, Ожаровский (награжден орденом Св. Георгия 3-го класса), Крейц (в бою при Морунгене получил 14 ран и попал в плен), Збиевский (был контужен). В войне против шведов принял участие Крейц, а с турками на Балканах воевали Чаплиц, Лисаневич (награжден орденом Св. Георгия 3-го класса), Збиевский (награжден орденом Св. Георгия 3-го класса), Браницкий, Владек (ранен и награжден орденом Св. Георгия 4-го класса), Соколовский.

Интересно сравнить возраст получения генеральского чина у всех наших героев: в 26 лет графом С. С. Потоцким; в 31 год графом А. П. Ожаровским и графом И. О. Виттом; в 32 года графом В. К. Браницким; в 33 года М. Ф. Владеком; в 35 лет бароном К. А. Крейцем; в 43 года Т. И. Збиевским; в 50 лет О. К. Соколовским; в 51 год Г. И. Лисаневичем и Е. Ф. Чаплицем. В данном контексте очень заметен тот факт, что титулованные аристократы-поляки быстрее получали чины (с разницей 15–20 лет) и успешнее продвигались по службе, чем выходцы из бедной шляхты. Причины этого вполне очевидны.

Важно также понять материальную обеспеченность поляков, вступавших на военную службу Российской империи. Среди генералов (потомственных дворян) можно выделить два полюса: владельцев целых латифундий (свыше 1 тыс. крепостных) и беспоместных и малопоместных дворян. Как пример, приведем наследников магнатского поместья польского гра-

⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2994. Л. 2–3; Д. 7062. Л. 574–575.

⁹ Там же. Д. 7062. Л. 496–510; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 260–270.

фа Станислава Феликса Потоцкого, владевшего в начале XIX в. 312 городками и населенными пунктами на Украине (только в Уманском уезде Киевской губернии ему принадлежали 30 952 души мужского пола [Социальная трансформация..., 2005. С. 15]). После смерти графа в 1805 г. его владения (ок. 130 тыс. ревизских душ), правда отягощенные фантастическими долгами (16 млн золотых), были разделены между наследниками. Один из четырех сыновей от первого брака был генерал С. С. Потоцкий. Второй женой (также получившей значительную долю наследства) являлась София Потоцкая (в первом браке – де Витт). После ее смерти часть ее наследства получили сын от первого брака генерал И. О. де Витт и две дочери (София – замужем за генералом П. Д. Киселевым; Ольга – замужем за генералом Л. А. Нарышкиным) [Там же. С. 21–24].

К настоящим польским магнатам, владевшим колоссальными имениями на Украине в начале XIX столетия, можно в то время отнести В. К. Браницкого (за отцом – 80 000 душ), С. С. Потоцкого (8 000 душ), И. О. де Витта (2 500 душ). А. П. Ожаровский вместе с братом являлся собственником 250 крепостных, а за его матерью было записано 1 000 крестьян¹⁰. Это были рекордсмены по владению крепостной собственностью, а вот остальные польские братья по сословию не могли с ними даже тягаться. Лишь в конце жизни за К. А. Крейцом числилось 50 душ (пожалован именем в Гродненской губернии в 1809 г.), а за Г. И. Лисаневичем «новоприобретенных» 48 душ на пожалованном ему земельном участке в 760 десятин в Елизаветградском уезде Херсонской губернии [Император Александр I, 1849. С. 3; Безотносный, 2018. С. 482, 485]. Упомянем, что М. Ф. Владек и Е. И. Чаплиц также были владельцами поместий. А сведений на основе формулярных списков о владении поместий у О. К. Соколовского и Т. И. Збиевского (был женат на дочери Г. И. Лисаневича Анне) разыскать не удалось¹¹.

Как отпрыски магнатов, так и бедные польские дворяне связали свою судьбу с Российской империей и представляли тогда ту немногочисленную часть польского общества, ориентированную на Россию. Многие поляки, вероятно, служили из-за личной преданности императору. Не случайно известный историк 1812 г. А. Н. Попов написал об их отношении к Александру I: «Поляки, находившиеся на русской службе, Любомирские, Браницкие, Потоцкие, Грабовские говорили: он наше отечество» [1892. С. 176–177]. Это была попытка Александра I «оседлать польскую идею» и с помощью польской знати приручить бывшую Речь Посполитую.

Как раз представители польской элиты В. К. Браницкий, С. С. Потоцкий, М. Ф. Владек, имея до 1812 г. придворные звания флигель-адъютантов, с успехом эксплуатировали эту слабость императора и использовали придворную службу как удачный трамплин в своей карьере, что дало им возможность во время заграничных походов 1813–1814 гг. получить генерал-майорский чин. А. П. Ожаровский уже в 1807 г. заслужил не только генерал-майорский чин, но и звание генерал-адъютанта. В 1812 г. большинство генерал-адъютантов без армейских должностей после отъезда из армии Александра I достаточно быстро покинули Главную квартиру, а только остававшемуся без дела А. П. Ожаровскому (единственному, кто являлся верным почитателем генерала К. Фуля¹²) Кутузов во второй период войны был вынужден отдать в командование летучий отряд, предназначенный действовать через Юхнов на г. Красный: четыре казачьих, 19-й егерский, Нежинский драгунский и Мариупольский гусарский полки с шестью конными орудиями. Этот отряд из-за беспечности его командира французы изрядно потрепали под Красным [Отечественная война 1812 года, 1912. С. 138, 140, 146].

Перед началом Отечественной войны 1812 г. генерал-майорские чины имели лишь несколько поляков: Е. И. Чаплиц (1801), Г. И. Лисаневич (1807), Г. И. Збиевский (1810), А. П. Ожаровский (1807). Правда, на посты корпусного уровня кроме Чаплица, имевшего

¹⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2994. Л. 2–3; Д. 7062. Л. 574–575.

¹¹ Там же. Д. 7058. Л. 761–762; Д. 489. Л. 362–364.

¹² Он даже занимался размещением войск в Дрисском лагере [Бумаги, относящиеся до Отечественной войны..., 1905. С. 220].

богатый опыт и выдвинувшегося в последних войнах, претендовать никто не мог. Сам же Чаплиц вполне подтвердил в «годину бед, в годину славы» полученную им предшествующую репутацию, командуя сначала кавалерийским корпусом, а затем авангардным корпусом Обсервационной, а затем 3-й Западной армии. За дело под Слонимом 31 октября 1812 г. он был произведен в генерал-лейтенанты, а за бой под Кенигсвартой в 1813 г. награжден орденом Св. Георгия 3-го класса. Лисаневич (шеф Чугуевского уланского полка) успешно командовал кавалерийской бригадой в составе 3-й Западной армии, участвовал во всех главных сражениях в 1812–1814 гг., с января 1814 г. назначен начальником 3-й уланской дивизии и в 1814 г. был пожалован в чин генерал-лейтенанта. Збиевский, будучи шефом Мингрельского пехотного полка, в 1812 г. командовал бригадой 16-й пехотной дивизии в составе 3-й Западной армии и в этом качестве проделал заграничный поход.

Остальные в 1812 г. первоначально имели чин полковника. Необходимо среди них особо выделить К. А. Крейца, шефа Сибирского драгунского полка и командира кавалерийской бригады. За отличие в боях под Витебском он был произведен в генерал-майоры, в Бородинском сражении получил контузию и ранения в руку и ногу (награжден престижным орденом Св. Георгия 4-го класса), а затем участвовал в преследовании неприятеля до западных границ. Соколовский, будучи шефом Ярославского пехотного полка, принял участие в боях 3-й Западной армии и за отличие в сражении при р. Кацбах получил в 1813 г. чин генерал-майора.

Интересная судьба в 1812 г. ожидала трех царских флигель-адъютантов, имевших чин полковника: Браницкого, Потоцкого и Владека. Они числились в императорской свите. Александр I, покинув армию в начале военных действий, оставил большую часть чинов своей свиты при Главной квартире 1-й Западной армии. Фактически многие оказались без дела. В это время после соединения двух Западных армий под Смоленском обострилась борьба среди генералитета за выбор правильной стратегии, что послужило мощным толчком для создания в высших армейских кругах неформальной оппозиционной группировки, получившей название «русская» партия». Критика военной оппозиции была направлена против «немецкого засилья» в штабных сферах. Под завесой борьбы за национальную чистоту под Смоленском произошел взрыв шпиономании, направленный в первую очередь против всех иностранцев. Были высланы в Москву из армии четыре флигель-адъютанта, поляков по национальности (полковники В. К. Браницкий, С. С. Потоцкий, М. Ф. Владек и штабс-ротмистр К. К. Любомирский), руководитель разведки 2-й Западной армии французский эмигрант подполковник маркиз Мориц де Лезер, высказывались также подозрения о шпионской деятельности ряда французов на русской службе, а также баронов Л. И. Вольцогена и В. И. Левенштерна [Безотосный, 2005. С. 118]. В данном случае, больше пострадали не немцы, а поляки и французы. В какой-то степени этот инцидент напомнил давний «спор славян между собою», а также свелся к застарелым претензиям православных к католикам. Вероятно, в этом случае нельзя исключать и конкурентную ревность по отношению к полякам со стороны российских штабных офицеров. Но после избрания М. И. Кутузова единственным главнокомандующим национальный аспект потерял свою прежнюю актуальность и поляки флигель-адъютанты вернулись в армию; они сражались в Бородинской битве, в дальнейшем участвовали в преследовании Великой армии к русским границам, а во время заграничных походов 1813–1814 гг. все они смогли получить генеральские чины. Тем более что после Венского конгресса для Александра I было очень важно получить расположение поляков в созданном им тогда Царстве Польском.

В заключение отметим весьма любопытную деталь. В России в военных действиях 1812–1815 гг. принимало участие всего девять генералов поляков из 531 военачальника. Из них женатыми были, по крайней мере, 434 человека. Если же брать национальную принадлежность жен российских военачальников, то генералы больше всего в супруги для себя после русских женщин (263 дамы) выбирали немок (113 дам), а вот польские красавицы составили генералам компанию из 101 женщины¹³, потом шли француженки – 8 женщин [Безотосный,

¹³ Польки славились своею красотой, но уже имели в обществе определенную репутацию. Например, Е. Ф. Комаровский вспоминал, что в юности его пытались женить на графине Потоцкой и даже велись об этом пе-

2018. С. 389–393]. Безусловно, вне конкуренции у мужской части военного общества в России находились польки, которые всегда славились красотой. Так, участник заграничных походов русский офицер И. Т. Радожицкий, касаясь их возраста, оставил следующую запись по этому поводу: «Я заметил, в продолжении своих походов, что польские дамы, преимущественно перед дамами других наций, умеют сохранять свежесть красоты своей до преклонных лет, от туалетного искусства, или от умеренности в наслаждениях жизни» [Походные записки артиллериста..., 1835. С. 327]. Таким образом, можно констатировать, что в личном плане польские женщины достигли больших успехов, чем их польские мужчины. В этом и состоял их посильный вклад в победу над Наполеоном.

Список литературы

- Безотосный В. М.** Разведка и планы сторон в 1812 году. М.: РОССПЭН, 2005. 286 с.
- Безотосный В. М.** Российский генералитет эпохи 1812 года: Опыт изучения коллективной биографии. М.: РОССПЭН, 2018. 670 с.
- Военная галерея 1812 года. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. 295 с.
- Заруба В. М.** Козацька старшина Гетьманської України: Персональний склад та родинні зв'язки (1648–1782). Дніпропетровськ: ЛІРА, 2011. 932 с.
- Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. СПб.: Тип. Карла Краяя, 1849. Т. 5. 342 с.
- Кандаурова Т. Н.** Начальник Южных военных поселений граф Иван Осипович Витт // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы IV Голицынских чтений 18–19 января 1997 г. Большие Вяземы, 1997. Ч. 2. С. 50–61.
- Попов А. Н.** Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 2. С. 151–190. Сборник биографий кавалергардов. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1906. Т. 3. 402 с.
- Социальная трансформация и межэтнические отношения на Правобережной Украине XIX – начала XX в. М.: РОССПЭН, 2005. 224 с.

Список источников

- 1812–1814. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. М.: Терра, 1992. 510 с.
- Аракчеев. Свидетельства современников. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 496 с.
- Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1905. Ч. 9. 364 с.
- Греч Н. И.** Записки о моей жизни. М.: Книга, 1990. 396 с.
- Записки графа Е. Ф. Комаровского. М.: Внешторгиздат, 1990. 176 с.
- Отечественная война 1812 года. СПб.: Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1912. Отд. I. Т. XIX. 403 с.
- Походные записки артиллериста. С 1812 по 1816 год артиллерии подполковника И... Р... М.: Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1835. Ч. 3. 354 с.
- Русская старина. 1872. № 2.

References

- Bezotosny V. M.** Razvedka i plany storon v 1812 godu [Intelligence Service and Plans of the Parties in 1812]. Moscow, ROSSPEN, 2005, 286 p. (in Russ.)
- Bezotosny V. M.** Rossiiskii generalitet epokhi 1812 goda: Optyt izucheniya kollektivnoi biografi [Russian Generality of 1812: Experience of Studying Collective Biography]. Moscow, ROSSPEN, 2018, 670 p. (in Russ.)

ретории: «Фамилии, кажется, не хотелось, чтобы девица вышла замуж не за католика, да я и сам не очень желал быть женатым на польке, имея перед глазами множество примеров их непостоянства» [Записки графа Е. Ф. Комаровского, 1990. С. 66].

- Imperator Aleksandr I i ego spodvizhniki v 1812, 1813, 1814 i 1815 godakh [Emperor Alexander I and His Associates in 1812, 1813, 1814 and 1815]. St. Petersburg, Tipografiya Karla Kraiya, 1849, vol. 5, 342 p. (in Russ.)
- Kandaurova T. N.** Nachal'nik Yuzhnykh voennyykh poselenii graf Ivan Osipovich Vitt [Head of South Military Settlement Count Ivan Osipovich Vitt]. Khozyaeva i gosti usad'by Vyazemy [Owners and Guests of Vyazma Manor]. Proceedings of IV Golitsyn Readings 18–19 January 1997. Bolshiye Vyazyomy, 1997, pt. 2, p. 50–61. (in Russ.)
- Popov A. N.** Epizody iz istorii dvenadtsatogo goda [Episodes from History of 1812]. *Russkii arkhiv [Russian Archive]*, 1892, no. 2, p. 151–190. (in Russ.)
- Sbornik biografii kavalergardov [Collection of Biographies of Cavalry Guards]. St. Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1906, vol. 3, 402 p. (in Russ.)
- Sotsial'naya transformatsiya i mezhetnicheskie otnosheniya na Pravoberezhnoi Ukraine XIX – nachalf XX v. [Social Transformation and Interethnic Relationships in Right-Bank Ukraine at the 19th – Beginning of 20th Centuries]. Moscow, ROSSPEN, 2005, 224 p. (in Russ.)
- Voennaya galereya 1812 goda [1812 Military Gallery]. St. Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1912, 295 p. (in Russ.)
- Zaruba V. M.** Kozats'ka starshina Get'manskoi Ukrayini: Personal'nii sklad ta rodinni zv'yazki (1648–1782) [Cossack Starshina of Hetman Ukraine: Personnel and Family Ties (1648–1782)]. Dnipropetrovsk, LIRA, 2011, 932 p. (in Ukr.)

Sources

- 1812–1814. Sekretnaya perepiska generala P. I. Bagrationa [1812–1814. Secret Correspondence of General P. I. Bagration]. Moscow, Terra, 1992, 510 p. (in Russ.)
- Arakcheev. Svidetel'stva sovremennikov [Arakcheev. Testimonies of Contemporaries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2000, 496 p. (in Russ.)
- Bumagi, otnosyashchiesya do Otechestvennoi voiny 1812 goda, sobrannye i izdannye P. I. Shchukinym [Texts, Related to Patriotic War of 1812, Collected and Published by P. I. Shchukin]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova, 1905, pt. 9, 364 p. (in Russ.)
- Grech N. I.** Zapiski o moei zhizni [Notes about My Life]. Moscow, Kniga, 1990, 396 p. (in Russ.)
- Otechestvennaya voina 1812 goda [Patriotic War of 1812]. St. Petersburg, Voenno-uchenyi komitet Glavnogo shtaba, 1912, pt. 1, vol. 19, 403 p. (in Russ.)
- Pokhodnye zapiski artillerista. S 1812 po 1816 god artillerii podpolkovnika I... R... [Artillerist Hiking Notes. From 1812 to 1816 of Artillery Lieutenant Colonel I... R...]. Moscow, Tipografiya Lazarevykh Instituta Vostochnykh Yazykov, 1835, pt. 3, 354 p. (in Russ.)
- Russkaia starina [Russian Antiquity], 1872, no. 2. (in Russ.)
- Zapiski grafa E. F. Komarovskogo [Notes of Count E. F. Komarovsky]. Moscow, Vneshtorgizdat, 1990, 176 p. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию
Received
30.07.2019

Сведения об авторе

Безотосный Виктор Михайлович, доктор исторических наук, заведующий экспозиционным отделом Государственного исторического музея (Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия)
vikbez@mail.ru

Information about the author

Viktor M. Bezotosny, Doctor of Historical Sciences, Head of Exposition Department, State Historical Museum (1 Red Square, Moscow, 109012, Russian Federation).
vikbez@mail.ru

УДК 930.325
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-48-58

Колонизация Степного края в практической деятельности представителей казахской интеллигенции второй половины XIX – начала XX века

С. А. Абсемов

*Омский государственный педагогический университет
Омск, Россия*

Аннотация

Выявляются условия и факторы становления казахской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX в. в контексте формирования подходов к оценке аграрной колонизации Степного края в национальной историографии. Автором установлено, что социокультурным фоном рефлексии национальной интеллигенции на колониальное доминирование империи стали массовые крестьянские миграции в регион. В условиях имперского продвижения в области Степного края, представления и взгляды первых казахских интеллигентов складывались не только под влиянием российских образовательных и культурных институтов, но и собственных национальных традиций и интересов, активными трансляторами которых являлась местная аристократия. В результате основой казахстанской историографической традиции вопроса стало антиколониальное направление, в масштабах которого аграрное освоение региона рассматривалось как территориальное завоевание.

Ключевые слова

национальная интеллигенция, историографическая традиция, аграрная колонизация

Для цитирования

Абсемов С. А. Колонизация Степного края в практической деятельности представителей казахской интеллигенции второй половины XIX – начала XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 48–58. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-48-58

Colonization of the Steppe in the Activities of Representatives of the Kazakh Intelligentsia in the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries

S. A. Abselemov

*Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russian Federation*

Abstract

The article examines the materials of the anti-colonial discourse of the second half of the 19th – early 20th centuries, which is based on the ideas of the national intelligentsia of Kazakhstan about the status of the indigenous population of the Steppe Territory in imperial projects and colonization practices. The research of the written sources and activities of the liberal national intelligentsia revealed, that the priority was given to criticism of Russia's imperial policy towards nomadic groups of the population. This paper aims to identify the sociocultural conditions of the formation of the national intelligentsia, as well as the approaches of the early Kazakhstan historiography to the assessment of the factors of the agrarian colonization. As a result, the author found out that implementing the policy of “big Russian nation”, the Russian authorities tried to create the favorable conditions for the natural Russification of the Kazakh elite. The political measures included among the others the involvement in education and management system. Thus the emerging layer of the national intelligentsia actively participated in the imperial activity or intended to study of the

© С. А. Абсемов, 2019

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 8: History

colonization fund, jointly with a detachment of state officials – groups with common signs of professional identity. in the second half of the 19th century, in the period of growing popularity of separatist sentiments in Kazakhstan , the national intelligentsia, educated in the European spirit, actively perceived the ideas of Siberian regionalism, and in the early 20th century – radical leftist parties and movements, which strengthened the anti-colonial the focus of their rhetoric.

Keywords

national intelligentsia, historiographical tradition, agrarian colonization

For citation

Abselemov S. A. Colonization of the Steppe in the Activities of Representatives of the Kazakh Intelligentsia in the 2nd Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 48–58. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-48-58

Обращение к проблеме осмыслиения сложно структурированного процесса внутренней колонизации России в формате историографического дискурса, предоставляет уникальную возможность, наряду с восстановлением событийной канвы, реконструировать коммуникативное пространство деятельности исследователей, учесть присутствие в текстах не только собственно историографического материала, но и социокультурного фона эпохи. Восстановление интеллектуального пространства деятельности научного сообщества в различные периоды исследования проблем аграрной колонизации региона: акторов, каналов коммуникации, а также идейных позиций и способов их трансляции и презентации, открывает перспективы более глубокой рефлексии исследовательского опыта имперского и национального уровней исторического нарратива, как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан, создает перспективы интернационализации исторической науки, внедрения полемических начал в канву историографического дискурса.

Становление историографии Республики Казахстан в контексте долгосрочного обсуждения проблемы колонизации Степного края, как составной части Российской империи, реализовывалось в условиях роста этнического самосознания и идентичности казахской интеллигенции во второй половине XIX в. Очевидно, что формирование национальной интеллигенции в колонизуемом регионе происходило в условиях имперского «центровывания» степных территорий, которые продолжительное время являлись эпицентром кочевой культуры и номадического образа жизни. Рост идентичности национальной казахской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX в., связанный с процессом ее вовлечения в российские образовательные и административно-политические структуры, неизбежно сопровождался влиянием общественно-политических процессов и настроений, получивших распространение в либеральном дискурсе пореформенной эпохи (региональный сепаратизм, право народов на самоопределение, негативное отношение к русификации окраин, как проявлению внутреннего империализма), что определяло формы и содержание реакции образованной части казахского народа на колонизационную деятельность империи в степных областях. Учитывая данные обстоятельства, цель статьи – выявить контекстуальные условия и содержание подходов к оценке причин, хода и результатов аграрной колонизации степных областей Зауралья в практической деятельности казахской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в.

Отметим, что актуализация научного интереса к вопросу о роли и статусе образованной части казахского общества в колонизационном процессе пришла на 1990-е гг., когда основные усилия казахстанских исследователей были направлены на изучение трудов и биографий представителей национальной интеллигенции конца XIX – первой трети XX в. как наиболее ярких и последовательных сторонников концепции «абсолютного зла». Так, например, в работах Э. Г. Сеитова обстоятельно исследуется роль А. Букейханова в экспедиционной деятельности Ф. А. Щербины [Сеитов, 1996], К. К. Канафин концентрирует внимание на изучении общественно-политической карьеры Р. Марсекова [Канафин, 1999], И. К. Тернова и Р. К. Исетов обратили свои взоры на научные взгляды А. Байтурсынова [Тернова, Исетов, 1998]. Позиция казахской интеллигенции по аграрным вопросам была освещена в труде С. О. Смагуловой [1999].

Позитивное значение вышеназванных исследовательских штудий заключалось не только в восстановлении забытых имен и эпизодов национальной истории, но в возрождении и популяризации широкого круга вопросов аграрной истории Степного края, являвшихся актуальными для интеллектуальной элиты Казахстана второй половины XIX – начала XX в.

Базисом казахстанской национальной историографической традиции являлась антиколониальная направленность исследований, что было связано с имперской окраинной политической, проектами, ориентированными на инкорпорацию степных территорий в общегосударственный социокультурный и нормативно-правовой контекст.

Можно выделить несколько факторов, оказавших влияние на интенсивность вовлечения представителей коренного этноса в обсуждение вопросов аграрной колонизации Степного края, оформление ключевых идей и концепций, составивших фундаментальные основы казахстанской историографической традиции проблемы.

Во-первых, смещение акцентов колонизационного дела в направлении степных областей (Акмолинской, Семипалатинской) в 1870–1880-х гг., интенсификация миграций, разработка переселенческой программы, моделирование имперских подходов и практик организации административного управления в регионе активизировали процесс мобилизации чиновничьей бюрократии из представителей местного населения. Во второй половине XIX в. присоединение к России крупнейших этнорегионов, в том числе Степного края, превратило империю в государство полиэтничного типа. Потребность в создании универсальной модели управления национальными окраинами, в интересах государственной безопасности и сохранения территориальной целостности, ориентировала власти на лояльное отношение к этническим элитам и организацию регулярного сотрудничества с ее фигурантами. Показательно, что первые представители казахской интеллигенции – Ч. Валиханов, А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, братья Х. и Д. Досмухамедовы, М. Жумабаев, М. Тынышпаев, Ш. Кудайбердиев и др., являлись выходцами из среды традиционной степной аристократии [Шаймуханова и др., 2016. С. 330].

В этой связи в имперской системе координат одним из узловых стал вопрос о подготовке национальных управленческих кадров, который был неразрывными нитями связан с задачами социальной и национальной политики на окраинах. Помимо гарантий лояльности по отношению к аристократической элите, империя делегировала «инородцам» широкие возможности вертикальной социальной мобильности, предполагавшей право свободного межсословного перемещения и занятия любыми видами деятельности.

В сложившейся ситуации первоочередное значение приобретали вопросы образовательной политики на степных окраинах, которые первоначально реализовывались в формате «образование для национальной аристократии», что стало инструментом актуализации роли казахской аристократии и приближенной к ней по социально-имущественному статусу знати из других категорий казахского общества. Уже в середине XIX в. одним из шагов в политике правительства по утверждению верноподданнических настроений среди коренного населения, а также по приобщению его к «цивилизации», было разрешение детям казахской знати, состоящей на государственной службе, поступать в учебные заведения империи [Чуркин, 2018. С. 64]. Через имперскую образовательную модель в разные годы прошли такие видные деятели культуры, общественно-политического движения и науки, как С. Сейфуллин, А. Букейханов, Н. Нурмаков, Х. Кеменгеров и др.

Перемещение на этнотерриторию казахов населения из западных и центральных губерний империи вследствие аграрных миграций, распространение земледельческой культуры увеличивало потребность в профессионально подготовленных и политически сервильных специалистах в разных сферах: управлении, медицине, ветеринарии, образовании и т. д. Казахская молодежь получила возможность обучения не только в официальных учебных заведениях уровня городских школ и училищ, но и в университетах, что значительно расширило пространство культурной и интеллектуальной коммуникации отдельных представителей коренных групп. В результате в казахском обществе сформировалось локальное сообщество людей, образованных по европейским университетским стандартам. Возвращение в родные

места по окончанию университетского курса сопровождалось для данной группы лиц и изменением социального статуса. Приобретая статус служащих, представители национальной интеллигентской элиты, вербовались в ряды имперских экспертов, включались в деятельность общественных организаций, в частности ЗСОИРГО (А. Букейханов), участвовали в издании местной и общесибирской периодической печати (А. Досов, Х. Кеменгеров) и тем самым вовлекались в сферу политической жизни государства.

Следует добавить, что политизация чиновников, мобилизованных империей по национальному признаку, осуществлялась на фоне общественного подъема в России и распространения там народнических и социал-демократических идей. Одной из характерных черт общественной жизни Степного края второй половины XIX в. являлся приток сюда участников освободительных движений, в частности, из Царства Польского, что привело к значительной эскалации коммуникативной сферы национальной интеллигенции. Очередной виток, связанный с перемещением политически неблагонадежных элементов в границы Степного края, произошел в 1881 г., когда было принято правительственные решения о распространении политической ссылки на Степное генерал-губернаторство.

Во-вторых, формирование казахской национальной интеллигенции, как сообщества, занятого в том числе и в сфере вопросов аграрной колонизации, происходило в условиях специфической конфессиональной политики по отношению к региону и «кинородческому населению». В XIX столетии в территориальных границах Степного края усилилась роль татарских и среднеазиатских миссионеров. Со второй половины XIX в. власти империи проявляли серьезную озабоченность усиливающимся влиянием татар, составлявших значительную долю городского населения региона, что естественным образом активизировало деятельность государства и церкви в области реализации русификаторских проектов. Н. Н. Балакшин отмечал, что государство, не допуская в степь русских переселенцев и стимулируя процессы седентаризации кочевников, фактически открывает шлюзы для создания «заповедного для русских киргизско-мусульманского государства»¹. Подчеркивая важность задач аграрной колонизации степных областей, имперский эксперт использовал и экстраординарные риторические приемы: «ради защиты Христа от мусульманского изуверства», «водворение русских поселенцев в степных областях... уравновесило бы в степях мусульманский элемент русскою народностью»².

Высказываемые имперскими чиновниками опасения в конечном счете оказались не беспочвенными, а влияние мусульманского фактора на сознание казахского населения более существенным, нежели практики христианского прозелетизма. По констатации исследователя Ю. А. Лысенко, деятельность Киргизской православной миссии в Степном крае в 1880–1890-х гг. не имела успеха, поскольку в этот период конфессиональная принадлежность перестала играть роль формального признака и критерия при определении льготного правового статуса подданного и его административного положения... а переход в православие уже не рассматривался как «социальный лифт» [Лысенко, 2012. С. 60]. Однако у этого явления была и оборотная сторона, поскольку национальная идентичность – продукт не только светского, но и религиозного воздействия. В данном отношении, седентаризация, а также имперские практики, направленные на воспитание привязанности к русской культуре, отказу от бытовых привычек и традиционного образа жизни в системе русифицированного просветительства Н. И. Ильминского, существенно амортизировались влиянием мусульманских концепций, в основном сегменте которых отстаивались идеи антиколониализма [Ковалашкина, 2005. С. 85–86]. Все вышеозначенное выполняло важную функцию при формировании идей и представлений казахских просветителей на рубеже XIX–XX вв.

Резюмируя, отметим, что процесс складывания мыслящего сословия в Степном крае реализовывался в условиях сложного переплетения социокультурных, политических и конфессиональных факторов. Пожалуй, главной особенностью, своеобразным сословно-культурным

¹ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т. 1. Л. 38.

² Там же. Оп. 8. Д. 13315. Л. 652–652 об.

фоном формирования национальной интеллигенции региона, являлось сохранение доминанты султанских фамилий, представители которых были связаны кровным родством и взаимопомощью. С началом продвижения Российской империи в степные области во второй половине XIX в., аристократия, переживая имущественное разорение, стремилась к сохранению своего статуса путем контактов и слияния с имперской бюрократией и государственной властью. В результате, представления казахской интеллигенции оформлялись, с одной стороны, в обстоятельствах мощного влияния русской культуры, что материализовалось в вовлечении национальных кадров в государственную деятельность, с другой – испытывали воздействие со стороны теоретиков и практиков исламизма, что способствовало распространению антиколониальных и отчасти антирусских настроений.

Общепризнанным идейным вдохновителем казахской национальной интеллигенции являлся Ч. Ч. Валиханов, формирование личности которого происходило на стыке русской и казахской культур. Окончив Сибирский кадетский корпус, он служил в должности адъютанта Западно-Сибирского генерал-губернатора Г. Гасфорда. В дальнейшем принимал участие в экспедиционной работе, собрав обширный этнографический материал о казахах Среднего жуза, их землепользовании, взаимоотношениях с казачеством [Валиханов, 1984. С. 71–76].

Одним из ключевых вопросов, связанных с оценкой перспектив аграрной колонизации степных областей в общественно-политической и научной рефлексии Ч. Валиханова, являлась проблема исламизации коренного населения. Разделяя опасения имперской администрации по поводу усиления мусульманского влияния на казахское население, исследователь резко критиковал планы правительства, связанные с насаждением христианства, деятельностью православных миссий, направленных на крещение казахов, с последующим их переселением в пограничные районы, подчеркивая, что «...мера эта, похвальная в христианском смысле, в политическом отношении была бы величайшей ошибкой» [Там же. С. 195].

В эпистолярном наследии Ч. Ч. Валиханова достаточно четко зафиксировано и скептическое отношение к деятельности колониальной администрации в отношении инородцев, имеющей антиправовой, личностный характер, что во многом оказало влияние на позиции его последователей. Так, в письме к Ф. М. Достоевскому, обсуждая действия чиновника администрации Фредерикса, освободившего за взятку двух арестантов, Валиханов отметил, что «законы у нас на Руси, пока еще пишутся не для генералов... а эти генералы с инородцами в Сибири делают, что хотят, разве только собаками не травят...» [Там же. С. 154].

Критически оценивалась Ч. Ч. Валихановым экономическая и налоговая политика колониальной администрации в Степном крае. Так, по мнению Валиханова, общая практика передачи в частную собственность пастбищных угодий наносила вред традиционному скотоводческому промыслу основной части коренного населения. Столь же негативным было его мнение и относительно податной политики администрации, в частности кибиточного сбора и ямской повинности, объявляемых Валихановым избыточными, несправедливыми и разорительными [Там же. С. 199, 222, 225].

Следует подчеркнуть, что служебная и общественно-политическая карьера Ч. Ч. Валиханова развивалась по двум траекториям. Выполняя функции имперского служащего, по сути правительенного эксперта, исследователь сохранял коммуникативные контакты с представителями казахской интеллигенции. Участвуя в экспедиционной деятельности, он соприкасался с реальными нуждами коренного населения. Такого рода дуализм был типичен для передовой национальной интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. и являлся результатом образовательной и национальной политики Российской империи на окраинах. Признавая прогрессивную роль российского присутствия в степном регионе для судеб коренных народов, Ч. Ч. Валиханов сформулировал общий алгоритм возврений образованной части этноса на колонизационный процесс, в соответствии с которым правительственный органам и чиновникам следует осуществлять инкорпоративную работу в пределах гуманности и человеческого отношения.

Развитие антиколониального направления связано с именем А. Н. Букейханова в конце XIX – первой четверти XX в. Получив светское образование (окончил Омское техническое училище (1888), экономический факультет Санкт-Петербургского лесотехнического института (1894)), А. Н. Букейханов принимал активное участие в публицистической и исследовательской деятельности, являясь с 1894 г. членом редакции и корреспондентом газеты «Степной край», выпускаемой в Омске. Симптоматично, что включение Букейханова в состав редакции газеты совпало по времени с кадровыми изменениями в издании. Возглавил редакцию П. Б. Ящеров – член РГО, участник польских событий 1863 г., представитель либерального сегмента сибирской интеллигенции. А. Н. Букейханов, включившись в общественную жизнь города и региона, принял в качестве эксперта участие в экспедициях по исследованию степных областей [1902]. В частности, в период с 1896 по 1903 г. Букейханов работал в составе экспедиционного отряда Ф. Щербины, результатом работы которого стало изучение Степного края в колонизационном отношении, что завершилось изданием 12 томов материалов, собранных и обработанных экспедиционерами [Материалы..., 1902]. По свидетельству коллег-экспедиционеров, Букейханову принадлежала заслуга в подготовке примечаний к общинно-аульным группам, установлении естественно-исторических районов Степного края, составлении таблиц перекочевок коренных жителей, а также алфавитного указателя киргизских слов и выражений [Попов, 1992. С. 3].

По окончании работы экспедиции в 1903 г. А. Н. Букейханов принял участие в составе научной экспедиции по экономическому обследованию прилегающих к Сибирской железной дороге районов под руководством С. П. Швецова, сосредоточив внимание на исследовании животноводческого хозяйства казахов в связи с аграрными переселениями в Сибирь и Степной край. С 1904 г. А. Н. Букейханов служит в должности статистика Омского переселенческого управления, участвуя «в разработке норм киргизского землевладения и землепользования» [Асылбеков, Сеитов, 2003. С. 38].

Именно в указанный временной промежуток 1894–1904 гг. в основном сформировались представления А. Н. Букейханова о содержательных аспектах аграрной колонизации региона.

Одна из ключевых идей исследователя заключалась в обосновании и констатации изначальных преимуществ переселенческих хозяйств в Степном крае, что находило выражение в финансовой поддержке со стороны правительства и косвенно способствовало разрушению традиционных устоев «инородческих» экономических структур. А. Н. Букейханов указывал на опасность, возникавшую в связи с диспропорциональным распределением мигрантов из Европейской России в колонизуемом регионе. Оперируя материалами губернаторских отчетов за 1905 г., по данным которых в Акмолинской области насчитывалось казахов – 484 456 чел., крестьян – 205 515 чел., в процентном отношении крестьян к казахам – 42 %, Букейханов с тревогой отмечал, что за последние три года, особенно в 1907 г., наплыв переселенцев вырос настолько, что приведенные соотношения изменились существенно в пользу крестьян. В частности, по данным переселенческого управления в 1907 г. переселилось в Акмолинскую область 12 000 семей. Комментируя сложившееся положение, А. Букейханов констатировал факт наличия там земельного утеснения кочевников, которое «...довело казахов, до сопротивления властям» [Букейханов, 1910. С. 326,327].

Отношение А. Н. Букейханова к земельному вопросу в связи с переселенческим движением произрастало из его богатейшего экспедиционного опыта, в центре которого находились исследования скотоводческих хозяйств «инородцев» Степного края. Анализируя итоги обследования хозяйственной жизни казахов, А. Н. Букейханов, например, констатировал, что в Каркаралинском уезде население имеет различные промыслы: 12 % включены в земледелие, 27 – задействованы в неземледельческих промыслах, 4 % – джатаки. По мнению Букейханова, процесс наделения казахов земельными угодьями был гибельным, поскольку «если казахи возьмут земельные участки, то они не смогут правильно воспользоваться ею и будут вынуждены продать, как это сделали башкиры, и через несколько лет останутся без земли» [Там же. С. 24].

Особым предметом размышлений и публицистической реакции видного казахского просветителя являлась тема правового обеспечения русской колонизации в Степном крае. По разумению А. Н. Букейханова, введение Степного положения 1891 г., созданного бюрократическим путем, привело население к обеднению, а его культурное развитие к застою [Букейханов, 1910. С. 595]. Обрисовывая перспективу земледельческого освоения степных областей в границах имперского подхода, А. Н. Букейханов указывал, что нерациональные, экстенсивные приемы землепользования в итоге приведут к вырождению пашенных угодий [Там же. С. 585].

В целом А. Н. Букейханов, характеризуя процесс инкорпорации Степного края в состав Российской империи, определяет его как «захват», выделяя в качестве разновидностей такого – вольную и правительственную колонизацию. Букейханов критически относился к концепции об особой цивилизаторской роли русских в Степном крае. По его мнению, «первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения, и первые завоеватели были совершенно неподготовлены к культурной роли. Это были грубые, невежественные люди с первобытной нравственностью... Они не приложили усилий даже к тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своим трудом. Напротив, они выбрали другой, более легкий способ наживы – грабеж покоренного инородца и расхищение природных богатств» [Там же. С. 587].

Антиколониальное направление в дореволюционной историографии аграрной колонизации Степного края, основные положения которого были сформулированы А. Н. Букейхановым, приобретает масштаб политической теории и практики в первое десятилетие XX в., что имело непосредственную связь с процессом консолидации национальной интеллигенции и активным ее вовлечением в общественно-политическую жизнь региона и Российской империи. Так, А. Н. Букейханов в 1905 г. был избран депутатом в I Государственную думу по Семипалатинскому округу, принял участие в составлении Выборгского манифеста, осуждающего роспуск Думы. Исследователи склонны полагать, что именно с этого документа начинается активная политическая деятельность А. Букейханова [Аюпова, Құсайынов, 2017]. В российских газетах регулярно публикуются его статьи с критикой колониальной политики и деятельности местной бюрократии. Фактором пробуждения национального самосознания казахов и организации их просветительской деятельности стала газета «Казах», первое в истории Степного края общенациональное периодическое издание, активное участие в создании и функционировании которого приняли лидеры казахского национального движения А. Букейханов, А. Байтурсынов и М. Дулатов. Политизации мировоззрения национальной интеллигенции сопутствовали и события первой русской революции 1905–1907 гг., вследствие чего Омск становится главным очагом национально-освободительного движения. В 1905 г. под руководством А. Н. Букейханова на Кояндинской ярмарке была подготовлена «Каркаралинская петиция», основным пафосом которой стала критика системы местного управления, образовательной политики в отношении коренного населения, имперских практик организации землепользования «инородцев», что дало возможность исследователям говорить о ее программном общеказахском характере, заложившем основы алашского движения [Брайнин, Шафиро, 1935. С. 17]. Показательно, что в этот период усилиями творческой казахской интеллигенции, в частности М. Дулатова, в казахскую национально-политическую риторику проникают и наполняются дополнительными коннотациями такие понятия, как «самосознание», «самоуправление», «самодеятельность», «сатрапия», что наглядно свидетельствует о росте и завершении формирования национальной идентичности казахской интеллигенции [Дулатулы, 1991].

Показательным, с точки зрения эволюции взглядов и представлений национальной интеллигенции, на наш взгляд, является следующее высказывание А. Н. Букейханова: «В ближайшем будущем, в казахской степи среди киргиз возможно появление, в соответствии с двумя политическими направлениями, двух политических партий. Одна из них под названием национально-религиозной будет ставить своей целью объединение казахов с другими мусульманами. Другая – западного направления... Если первая в качестве образца будет иметь му-

сульманские татарские партии, то последняя – русскую оппозиционную, а именно “партию народной свободы”» [Букейханов, 1910. С. 528].

В условиях, когда часть казахской интеллигенции начинает активное сотрудничество с представителями мусульманских движений, А. Н. Букейханов и его соратники предпринимали попытки отстаивать достижения западной цивилизации при условии сохранения национальной самобытности, посредством легального участия в общественно-политической жизни. Тем не менее регулярное участие казахских общественных деятелей в работе мусульманских религиозно-политических организаций, усиление влияния «джададизма» в казахской среде ориентировали представителей либеральной интеллигенции на использование мусульманских съездов в качестве политической трибуны, тем более, что эти съезды проводились в самом центре империи, в Санкт-Петербурге. Так, А. Н. Букейханов, выступая на очередном съезде мусульманских представителей в 1914 г., в сравнительном анализе положения казахского населения до столыпинской реформы и в последующий период констатировал общее ухудшение их состояния, поставив вопрос о необоснованном политическом давлении имперской власти на казахское население.

Активная общественно-политическая деятельность представителей образованного сословия Степного края, контактная среда, в которой эта работа осуществлялась, способствовала формированию идеи национально-культурной автономии, первым шагом к осуществлению которой, по мнению А. Букейханова и М. Дулатова, могли стать практики развития местного самоуправления. В частности, Букейханов и Дулатов полагали, что местное самоуправление в степных областях может быть осуществлено в форме земства.

Для исследуемого периода в целом характерно включение в антиколониальный дискурс широкого слоя казахской интеллигенции, сформировавшейся после событий 1905–1907 гг., для которого предметом обсуждения становятся наиболее «травматические» сюжеты аграрной колонизации Степного края. К числу таковых, безусловно, относились нормативно-правовые установления и практики, ограничивающие коренное население в хозяйственно-экономическом отношении.

Так, М. Тынышпаев полагал, что киргизская степь находится в особых культурных, социально-политических и общественно-экономических условиях и управляет на основании особых законоположений, оценивая ситуацию следующим образом: «Киргизы, принимая русское подданство, никогда не думали и даже не допускали мысль, что в семье русского народа они окажутся пасынками, не имеющими никакого права на материнскую заботу и любовь со стороны России. Политика правительства и современное состояние киргизов ясно показали, насколько обманулись киргизы в своих ожиданиях [Тынышпаев, 1925. С. 21].

А. Байтурсынов в ряде своих работ подчеркивал системность нарушений со стороны чиновников метрополии при решении вопроса о земле, судебных исках киргиз, школьного и духовного дел, выборах волостных управителей и аульных старшин. Наиболее предметной критике им был подвергнут вопрос об избирательном праве в «инородческой» среде. Исследователь справедливо указывал на индифферентность имперских властей в организации выборов, смысл которых не доводится до коренного населения. Байтурсынов указывал, что большинство казахов не понимают сам процесс выборов, определяя этот процесс как состязание (талас), а не избрание достойного и компетентного представителя, думающего о народных нуждах [Субханбердина и др., 1998. С. 21].

Таким образом, вторая половина XIX – первая четверть XX в. – время становления и институционализации национальной казахстанской историографической традиции аграрной колонизации Степного края. Социокультурным фоном данного процесса являлась ширящаяся практика крестьянских переселений в степные области и встраивание региона в систему общеимперского административного управления. Государственные проекты «центровивания» инициировали новые подходы к реализации имперских принципов национальной политики, основу которой в Степном крае составляли практики русификации, ориентированные на слияние народностей в единую «большую русскую нацию». Национальная интеллигенция Степного края формировалась в условиях влияния российских образовательных и культур-

ных структур, при этом представители образованного класса национальных меньшинств, мобилизуемые, прежде всего, из казахской элиты, помимо культурных ценностей колонизаторов, усваивали собственные национальные традиции, имевшие в аристократической среде непреходящие ценность и значение.

В результате тема аграрной колонизации региона в трудах казахских просветителей, общественных деятелей, литераторов, ученых разрабатывалась в дискурсе антиколониальной риторики, а их авторам было свойственно обнаружение и тиражирование наиболее «травматических» точек колонизационного процесса. Очевидно, что радикализация российского общественно-политического движения, в том числе и в аспекте влияния идеологов сибирского регионализма (областников), до некоторой степени способствовала усилению антиколониальной тенденции в национальной казахстанской историографии, развившейся впоследствии в концепцию «абсолютного зла».

Список литературы

- Асылбеков М. Х., Сеитов Э. Т.** Алихан Букейхан – общественно-политический деятель и ученый. Алматы, 2003. 148 с.
- Аюпова З. К., Құсайынов Д. У.** Алаш қозғалысы және қазақ қоғамындағы саяси сананың серпілісі [Движение «Алаш» и возрождение политического сознания в казахском обществе] // Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университетінің хабаршысы [Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета]. 2017. № 3 (35). С. 16–25 (на казах. яз.)
- Брайнин С., Шафиро Ш.** Очерки по истории Алаш-Орды. Алма-Ата: Казахстанское краевое изд-во, 1935. 226 с.
- Канафин К. К.** Раимжан Марсеков. Формирование мировоззрения. Общественно-политическая деятельность (1879–1922 гг.): Автoref. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 28 с.
- Ковалышкина Е. П.** «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 326 с.
- Лысенко Ю. А.** К вопросу о социальном статусе новокрещеных казахов Омского Прииртышья (XIX – начало XX в.) // I Ядринцевские чтения. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева. Омск, 2012. С. 59–63.
- Попов Ю.** Алихан Букейханов: возвращение имени // Рассвет. 1992. 14 нояб. С. 3.
- Сеитов Э. Г.** Букейханов А. Н. как историк и общественно-политический деятель: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1996. 28 с.
- Смагулова С. О.** Национальная интеллигенция и аграрный вопрос в Казахстане в конце XIX – начале XX века: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 25 с.
- Субханбердина У., Даутов С., Сахов К.** Қазақ газеті. Алаш азаматтарының рухына бағышталады [Газета на казахском. Алаш-орда как национально-политическое движение]. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998. 560 с. (на казах. яз.)
- Тернова И. К., Исетов Р. К.** Жизнь, озаренная борьбой. Посвящена 125-летию со дня рождения Ахмета Байтурсынова. Костанай: Костанайский печатный двор, 1998. 75 с.
- Чуркин М. К.** Коренное население Омского Прииртышья в колонизационном дискурсе и имперской образовательной политике второй половины XIX – начала XX в. // Материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием) «Тобольск научный – 2018». Тобольск, 2018. С. 135–142.
- Шаймуханова С. Д., Ерденбекова Ж. С., Муратбеккызы Б. С.** Вклад Алихана Букейханова в политическую и научно-исследовательскую деятельность Казахстана // International journal of applied and fundamental research. 2016. № 5. С. 330.

Список источников

- Букейханов А. Н.** «Киргизы» // Формы национального движения в современных государствах / Под ред. А. И. Костелянского. СПб., 1910. 596 с.
- Букейханов А. Н.** Сведения о киргизском хозяйстве Степного края к 15 января 1902 года. Омск, 1902. 27 с.
- Валиханов Ч. Ч.** О мусульманстве в степи // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 4. С. 71–76.
- Дулатулы М.** Шыгармалары [Избранное]. Алматы: Жазушы, 1991. 384 с. (на казах. яз.)
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. Омск, 1902. 401 с.
- Тынышпаев М.** Материалы по истории казахского народа. Ташкент, 1925. 263 с.

References

- Asylbekov M. Kh., Seitov E. T.** Alikhan Bukeikhan – obshchestvenno-politicheskii deyatel' i uchenyi [Alikhan Bukeikhan – Social and Political Figure and Scientist]. Almaty, 2003, 148 p. (in Russ.)
- Ayupova Z. K., Kusainov D. U.** Alash қозғалысы zhəne қазақ қорамындағы sayasi sananyң serpilisi [Alash Movement and the Renaissance of the Kazakh Society Political Consciousness]. *Kazak innovaciyalıq gumanitarlyq-zaq universitetiniq habarshysy* [Bulletin of Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University], 2017, no. 3 (35), p. 16–25. (in Kazakh.)
- Brainin S., Shafiro Sh.** Ocherki po istorii Alash-Ordy [Essays about the History of Alash-Orda]. Alma-Ata, Kazakhstanskoe kraevoe izdatel'stvo, 1935, 226 p. (in Russ.)
- Churkin M. K.** Korennoe naselenie Omskogo Priirtysh'ya v kolonizatsionnom diskurse i imperskoi obrazovatel'noi politike vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [The Indigenous Population of Omsk Irtysh Region in the Colonization Discourse and the Imperial Educational Policy of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In: Materialy XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) “Tobol'sk nauchnyi – 2018” [Proceedings of XV All-Russian Scientific-Practical Conference (With International Participation) “Scientific Tobolsk – 2018”]. Tobolsk, 2018, p. 135–142. (in Russ.)
- Kanafin K. K.** Raimzhan Marsekov. Formirovanie mirovozzreniya. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' (1879–1922 gg.) [Raimzhan Marsekov. Formation of the Worldview. Social and Political Activities (1879–1922)]. Abstract of Diss. Cand. of Hist. Sci. Almaty, 1999, 28 p. (in Russ.)
- Kovalyashkina E. P.** «Inorodcheskii vopros» v Sibiri. Kontseptsii gosudarstvennoi politiki i oblastnicheskaya mysl' [The Issue of “inorodtsy” in Siberia. The Concept of Public Policy and Siberian Separatists]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2005, 326 p. (in Russ.)
- Lysenko Yu. A.** K voprosu o sotsial'nom statuse novokreshchennykh kazakhov Omskogo Priirtysh'ya (XIX – nachalo XX v.) [Issue of the Social Status of the Newly Baptized Kazakhs in Omsk Irtysh Region (19th – Early 20th Centuries)]. In: I Yadrintsevskie chteniya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 170-letiyu so dnya rozhdeniya N. M. Yadrintseva [I Yadrintsev Readings. Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference, Dedicated to 170th Anniversary of N. M. Yadrintsev]. Omsk, 2012, p. 59–63. (in Russ.)
- Popov Yu.** Alikhan Bukeikhanov: vozvrashchenie imeni [Alikhan Bukeikhanov: Return of the Name]. *Rassvet* [Dawn], 1992, Nov. 14, p. 3. (in Russ.)
- Seitov E. G.** Bukeikhanov A. N. kak istorik i obshchestvenno-politicheskii deyatel' [Bukeikhanov A. N. as a Historian and Social and Political Activist]. Abstract of Diss. Cand. of Hist. Sci. Almaty, 1996, 28 p. (in Russ.)
- Shaimukhanova S. D., Erdenbekova Zh. S., Muratbekkyzy B. S.** Vklad Alikhana Bukeikhanova v politicheskuyu i nauchno-issledovatel'skuyu deyatel'nost' Kazakhstana [The Contribution

- of Alikhan Bukeikhanov to the Political and Research Activities of Kazakhstan]. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2016, no. 5, p. 330. (in Russ.)
- Smagulova S. O.** Natsional'naya intelligentsiya i agrarnyj vopros v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX veka [National Intelligentsia and the Agrarian Question in Kazakhstan in the late 19th – Early 20th Century]. Abstract of Diss. Cand. of Hist. Sci. Almaty, 1999, 25 p. (in Russ.)
- Subkhanberdina U., Dautov S., Sakhov K.** Қазақ gazeti. Alash azamattarynuň ruhynda baryshtalady [Newspaper in Kazakh. Alash-Orda as a National-Political Movement]. Almaty, Қазақ ehnciklopediyasy, 1998, 560 p. (in Kazakh.)
- Ternova I. K., Isetov R. K.** Zhizn', ozarennaya bor'boi. Posvyashchena 125-letiyu so dnya rozhdeniya Akhmeta Baitursynova [Life, Illuminated by the Struggle. Dedicated to the 125th Birthday Anniversary of Akhmet Baitursynov]. Kostanay, Kostanaiskii pechatnyi dvor, 1998, 75 p. (in Russ.)

Sources

- Bukeikhanov A. N.** “Kirgizy” [“Kyrgyz People”]. Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh [Forms of National Movement in Modern States]. St. Petersburg, 1910, 596 p. (in Russ.)
- Bukeikhanov A. N.** Svedeniya o kirgizskom khozyaistve Stepnogo kraya k 15 yanvarya 1902 goda [Information about the Kyrgyz Economy of the Steppe Region by January 15, 1902]. Omsk, 1902, 27 p. (in Russ.)
- Dulatuly M.** Shygarmalary [Selected Works]. Almaty, Zhazushy, 1991, 384 p. (in Kazakh.)
- Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei. Akmolinskaya oblast'. Omskii uezd [Materials about Kyrgyz Land Use, Collected and Developed by the Steppe Exploration Expedition. Akmola Region. Omsk County]. Omsk, 1902, 401 p. (in Russ.)
- Tynyshpaev M.** Materialy po istorii kazakhskogo naroda [Materials about the History of the Kazakh People]. Tashkent, 1925, 263 p. (in Russ.)
- Valikhanov Ch. Ch.** O musul'manstve v stepi [About Islam in the Steppe]. In: Valikhanov Ch. Ch. Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 5 vols. Alma-Ata, 1984, vol. 4, p. 71–76. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию

Received

18.12.2018

Сведения об авторе

Абсемиров Серикхан Ахметович, соискатель кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета (наб. Тухачевского, 14, Омск, 644099, Россия)
abselemovserikhan@yandex.ru

Information about the Author

Serikhan A. Abselemov, Applicant, Department of Russian History, Omsk State Pedagogical University (14 Tukhachevsky Emb., Omsk, 644099, Russian Federation)
abselemovserikhan@yandex.ru

УДК 94 (510).09 : 2
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-59-73

Обзор миссионерской деятельности Пекинской духовной миссии (вторая половина XIX – начало XX века)

Ю. А. Лысенко¹, Ян Цуйхун²

¹ Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

² Цзилиньский университет
Чанчунь, КНР

Аннотация

В статье выделяются этапы миссионерской деятельности Пекинской духовной миссии и анализируется содержание каждого из них. Подчеркивается, что начало миссионерской деятельности Пекинской миссии относится ко второй половине XIX в. и связано с передачей ею дипломатических и военно-разведывательных функций открывшемуся в 1861 г. российскому посольству в Китае. В начале XX в. Пекинская миссия вышла на качественно новый уровень организации и проведения религиозной пропаганды, сумев сформировать сеть миссионерских отделений, станов и школ в шести крупнейших и густозаселенных провинциях Китая. Период 1914–1917 гг. характеризуется постепенным снижением активности миссионерской работы Пекинской миссии. Это было обусловлено рядом объективных обстоятельств – начавшейся Первой мировой войной и снижением финансирования миссии Синодом.

Ключевые слова

Пекинская духовная миссия, Китай, миссионерство, новокрещеные китайцы

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00180). Статья также выполнена в рамках Национального проекта по общественным наукам Китая по теме «Азиатская библиотека. выявление и исследование документов», подтема «Исследования мировой истории на основе азиатской библиотеки» (№ 17ZDA215). Статья выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта Университета Цзилинь, междисциплинарный инновационный проект: «Русская православная церковь и социальные исследования (XVIII век)» (№ 2015QY029)

Для цитирования

Лысенко Ю. А., Ян Цуйхун. Обзор миссионерской деятельности Пекинской духовной миссии (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 59–73.
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-59-73

Review of the Pastoral Activity of the Russian Orthodox Mission in Beijing (The Second Half of the 19th – Early 20th Century)

Yu. A. Lysenko¹, Y. Cuihong²

¹ Altai State University
Barnaul, Russian Federation

² Jilin University
Changchun, China

Abstract

The article studies the place and role of the Russian Orthodox Mission as a tool of religious propaganda in China in the second half of the 19th – early 20th centuries. Heretofore, the primary goals were to fulfill the functions of the Russian diplomatic mission in China and to conduct research in the field of oriental studies and the natural sciences, which in its turn excluded the possibility of its missionary tasks. In the second half of the 19th century the Russian Orthodox Mission had to transfer diplomatic and military intelligence functions to the Russian embassy in China that was opened in 1861. This circumstance forced the Mission to search for new directions of development and eventually focus on missionary work. The structure of the Russian Orthodox Mission was gradually transformed, adapting to the needs of pastoral activity. Its financial and material-technical base strengthened, the staff of missionaries expanded, the system of Orthodox parishes, church schools, monastery cloisters and courtyards become more complicated. In order to involve the indigenous people in the religious propaganda and to significantly increase the number of newly baptized Chinese, from the second half of the 19th till early 20th centuries the Mission developed the network of missionary offices, mills and schools in the six largest and densely populated provinces of central China. Despite the fact that the Mission worked in extremely unfavorable conditions, mostly caused by the political games of the great powers for influence in the Far East, Russian Orthodox Church achieved undoubted success. The growth of the Mission was interrupted by the outbreak of the First World War, following a reduction in funding and a number of other circumstances. As a result, the activity of the Russian Orthodox Mission in China was gradually decreasing in 1914–1917.

Keywords

Russian Orthodox Mission in China, missionary, newly baptized Chinese

Acknowledgements

The research was made under the Russian Scientific Fund's grant (project no. 19-18-00180), also under the China's National Project on Social Sciences, theme: "Asiatic library: findings and researching of documents", part: "World history studies on the base of Asiatic library", also under realization of Jilin University's scientific project, interdisciplinary innovative project "Russian Orthodox Church and Social Studies (18th Century)"

For citation

Lysenko Yu. A., Cuihong Y. Review of the Pastoral Activity of the Russian Orthodox Mission in Beijing (The 2nd Half of the 19th – Early 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 59–73. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-59-73

Среди пяти зарубежных православных миссий Российской империи – Иерусалимской, Персидской, Японской, Корейской и Пекинской, последняя поистине является уникальной в истории миссионерства Русской православной церкви. Как известно, Русская православная миссия была направлена в Китай в 1715 г., в результате достигнутой договоренности между императорами Петром I и Сюань Е. Формальным поводом для ее отправки в Пекин стала необходимость духовного окормления русской православной общины. Она состояла из пленных «албазинцев» – защитников гарнизона Албазинского острога на Амуре, который был захвачен китайской армией в 1685 г. Однако в условиях перманентного расширения территории Российской и Цинской империй на протяжении XVI–XVII вв. и их сближения в Центральной Азии, Сибири и Дальнем Востоке, оба императора признавали необходимость установления двусторонних российско-китайских отношений. Именно поэтому Пекинская православная миссия должна была выступить связующим звеном между двумя государствами, обеспечив им межцивилизационное взаимодействие и развитие политических и культурных контактов.

Как показал ход истории, Пекинская духовная миссия успешно справилась с возложенными на нее задачами. В условиях отсутствия российского дипломатического представительства в Китае, Миссия на протяжении XVIII – 60-х гг. XIX в. выполняла его функции, оказывая определенное влияние на характер и содержание взаимоотношений между двумя империями. Многогранная научно-исследовательская и переводческая деятельность служащих Миссии заложила основы российской ориенталистики и ее направлений – синологии, маньчжуристики, монголоведения, а также внесла существенный вклад в развитие целого блока гуманитарных и естественно-научных дисциплин – истории, филологии, этнографии, культурологии, географии, ботаники и биологии, связанных с изучением Восточной и Центральной Азии. Посредством передачи книжных и картических коллекций, обменов выдающими произведениями искусства и предметами материальной культуры на уровне правительства, Пекинская духовная миссия внесла значительный вклад в формирование позитивного образа России в Китае и представлений о ее культуре, науке, религии.

Особенностью деятельности Миссии являлся тот факт, что вплоть до конца XIX в. она фактически не осуществляла миссионерскую пропаганду среди китайского населения. Миссия ограничивалась лишь проведением богослужебных практик для русской православной общины Китая, состоящей из потомков албазинцев и ее служащих. Ситуация была связана с 5-й статьей Кяхтинского договора, исключавшей возможность реализации Миссией ее прямых функций. И только в 60-х гг. XIX в. после подписания Цинской империей ряда внешнеполитических соглашений, прежде всего Тяньцзинского договора (1858 г.), иностранным государствам, в том числе Российской империи, было предоставлено неограниченное право проведения миссионерской работы на всей территории Поднебесной.

Основой для реконструкции истории миссионерства Пекинской духовной миссии выступило ее официальное периодическое издание, выходившее с 1904 г. как «Известия Братства Православной Церкви в Китае», в 1907 г. переименованное в «Китайский благовестник». В «Официальном разделе» журнала публиковались ежегодные отчеты и аналитические обзоры миссионерской деятельности Пекинской миссии, записки священников ее отделений и станов; в разделах «Корреспонденция» и «Хроника церковной жизни» находили отражение сюжеты, связанные с религиозными праздниками, открытием новых храмов и миссионерских школ, экономической деятельностью Миссии, жизнью новообращенных китайцев. Существенно дополняют историю миссионерства Русской православной церкви в Китае фонд 796 – Канцелярия Синода и фонд 797 – Канцелярия Обер-прокурора Синода Российского государственного исторического архива. В них содержатся делопроизводственные документы (переписка, рапорты, донесения), отражающие позицию Синода, МИД по вопросам организации и проведения миссионерской деятельности в Китае и позволяющие определить круг проблем, с которыми столкнулась Миссия в условиях проведения миссионерской работы.

Анализ миссионерства Русской православной церкви в Китае рассматривается в рамках цивилизационного подхода, позволяющего оценивать ее сквозь призму взаимодействия двух моделей культур с различными цивилизационными фундаментами: европейской (христианской) и китайской (преимущественно конфуцианской). В исследовании применялся ряд конкретно-исторических методов. Так, историко-генетический метод позволил выявить условия и факторы, определившие начало миссионерской деятельности РПЦ в Китае; историко-сравнительный метод – особенности организации православного миссионерства на фоне активизации усилий католических и протестантских миссий в Китае, историко-системный – рассматривать миссионерство Пекинской духовной миссии в конце XIX – начале XX в. в тесной взаимосвязи с динамикой развития двусторонних российско-китайских отношений.

В отечественной дореволюционной историографии большинство исследований, посвященных истории православия в Китае, были проведены священнослужителями православной церкви или служащими Пекинской духовной миссии. В работах данного круга авторов были представлены юбилейные исследования истории Миссии [Адоратский, 1887], а также исследования, отражающие отдельные аспекты деятельности Миссии в Китае и ее отдельных руководителей [Можаровский, 1896; Виноградов, 1889].

В отечественной историографии советского периода история Русской православной церкви, в том числе ее миссионерская деятельность, в силу господствовавших идеологических установок, оставалась вне сферы внимания исследователей. Только в 70–80-х гг. XX в. появились первые работы, в которых история Пекинской духовной миссии выступила предметом специального научного исследования. К настоящему времени накоплен значительный объем работ по данной проблеме, основной их массив посвящен хронологическому описанию истории Пекинской духовной миссии [Дацышен, 2010; 2015; История Российской духовной миссии..., 1997].

Отдельными направлениями российской историографии православной миссии в Китае являются сюжеты, представляющие нормативно-правовые аспекты ее функционирования [Бирюкова, 2013; Осьмакова, 2013; Шубина, 2017. С. 505–509], роль в развитии российско-китайских межгосударственных и дипломатических отношений [Андреева, 2011. С. 3–7; Лапин, 2014; Сизова, 2011; Шубина, 2010]. В ряде работ отечественных ученых представлен анализ научной деятельности Миссии, вклад ее служащих в становлении отечественного востоковедения [Дацышен, 2012; Крайнова, 2013; Чегодаев, 2011] и распространении русского языка и культуры в Поднебесной [Дмитриенко, 2017; Лапин, 2013]. Разработанным аспектом историографии можно считать изучение сведений о жизни и деятельности выдающихся русских ученых – членов Русской духовной миссии в Пекине [Дацышен, 2011; П. И. Кафаров и его вклад..., 1979; Хохлов, 1977]. Значительный вклад в изучение истории Пекинской миссии вносят церковные историки [Поздняев, 1998].

Многогранность изучения истории Пекинской духовной миссии обусловлена ее особой ролью в истории российско-китайских отношений. Усилия Миссии, направленные на решение задач расширения межцивилизационного диалога между двумя государствами, исключали возможность реализации ею в полном объеме непосредственной задачи – миссионерской работы среди китайского населения. Поэтому объективно данный сюжет истории Пекинской миссии не достаточно представлен в отечественной историографии. Эта статья является собой попытку восполнить существующий пробел.

Переход к выполнению миссионерских задач Пекинской духовной миссией был непосредственно связан с изменением ее статуса в системе российско-китайских отношений. В 50–80-х гг. XIX в., в соответствии с договоренностями между двумя империями, состоялось открытие дипломатической миссии в Пекине (1861 г.) и серии российских консульств в Западном Китае и Северной Монголии, в начале XX столетия – в Западной Монголии и Северо-Восточном Китае. Пекинская миссия передала им функции дипломатического представительства, работу по сбору информации политического и военного характера, развитию торговли и защите интересов российских подданных [Сизова, 2011. С. 103]. Изменение статуса Миссии в системе российско-китайских отношений было закреплено в 1861 г., когда она перешла из ведомства МИД в ведомство Святейшего Синода.

Однако приступить в полном объеме к реализации миссионерской пропаганды во второй половине XIX в. Миссия не могла. Во-первых, значительным препятствием выступала позиция МИД Российской империи, продолжавшего по инерции настаивать на невмешательстве Миссии во внутреннюю жизнь Цинской империи и ограничении миссионерской деятельности среди китайского населения [Хохлов, 2015]. Во-вторых, сказывалось отсутствие опыта и традиций такой работы, необходимой инфраструктуры, достаточного финансирования. В таких условиях Миссия не могла конкурировать с европейскими католическими и протестантскими миссионерами, значительно активизировавшимися во второй половине XIX в.

Однако наибольшим препятствием на пути миссионерской работы служащих Пекинской духовной миссии выступала внутриполитическая ситуация в Китайской империи, связанная с усилением давления на Цинское правительство западных государств. Серия опиумных войн (1840–1860 гг.) и последовавшее «открытие» Китая европейскими державами привели к росту недовольства со стороны местного населения, вылившегося в массовое протестное движение – тайпинское восстание (1850–1864 гг.) и позднее восстание ихетуаней (1899 г.) [Дацышен, 2010. С. 224–231]. Негативным явлением социальной жизни Китая в этот период

стали многочисленные погромы христианских миссий, первый из которых произошел в Пекине в 1870 г. [Андреева, 2002. С. 123–125].

Вся совокупность данных обстоятельств предопределила крайне низкую степень эффективности миссионерской деятельности Пекинской духовной миссии во второй половине XIX в. В инструкции, составленной Синодом для главы XV Миссии (1864–1878 гг.) архимандрита Палладия (П. Кафарова), в первую очередь подчеркивалась необходимость проведения ею богослужения в православных церквях в Пекине и поддержание веры в православном обществе, «состоящем из албазинцев... и из китайцев, принявших православную веру» и только по мере возможности «распространение оной между языческим населением»¹.

Как свидетельствуют источники, на протяжении второй половины XIX в. Миссия охватывала своей миссионерской деятельностью исключительно пригороды Пекина. Акцент в работе она продолжала делать на исполнении треб и совершении богослужений в двух церквях – северного подворья и дипломатической миссии, храме Святителя Иннокентия Иркутского, расположенного в дер. Дундинань в 50 верстах к юго-востоку от Пекина, в трех городах Китая – Калгане, Тянь-цзине и Ханькоу, где проживали русские торговые круги. По данным В. Г. Дацышена, в конце XIX в. прихожанами Сретенской церкви в Пекине были 30 русских, 141 албазинец, 113 православных маньчжур, 68 православных монгол, 47 православных китайцев, в Ханькоу – 50 русских, в Калгане – 40 русских, православных китайцев дер. Дундинъян – 31 чел. [Дацышен, 2010. С. 241]. По данным И. Коростовца – крупнейшего специалиста по истории Пекинской миссии дореволюционного периода, к концу XIX в. последняя окропляла около 400 чел. православной паствы [1898. С. 411]. Кроме этого, Пекинская миссия содержала мужское и женское училища, общее количество учеников которых не превышало 45 чел. [Бэй-гуань: Краткая история..., 2006. С. 118–121].

На протяжении второй половины XIX в. количество сотрудников Пекинской миссии оставалось самым малочисленным за весь период ее истории. Утвержденный Синодом штат был представлен архимандритом, тремя иеромонахами, священником, катехизатором и тремя учениками китайского языка. Таким образом, Миссия фактически не имела возможности организации широкой религиозной пропаганды среди китайского населения. В начале 80-х гг. XIX в. ею была предпринята попытка проведения христианского богослужения на китайском языке. Однако и это событие не позволило увеличить численность новообращенных китайцев.

При таких обстоятельствах собственно миссионерская работа Пекинской духовной миссии сводилась главным образом к переводу православной богословской литературы на китайский язык и подготовке методических рекомендации по улучшению религиозной пропаганды. Так, например, архимандрит Флавиан (Городецкий) – руководитель XVI Миссии перевел на китайский язык «Указание пути в Царство небесное» митрополита Московского Иннокентия, «Краткое изложение христианской веры» Н. Волобуева. Им также было подготовлено и издано «Объяснение православного богослужения для китайцев» и переведены краткие разъяснения к Евангелию. При участии иеромонахов Николая (Адоратского) и Алексия (Виноградова), а также Митрофана Цзи, архимандрит Флавиан завершил перевод воскресных служб Октоиха с греческого на китайский классический язык [Дацышен, 2010. С. 197, 203].

В период восстания ихэтуаней (1899 г.), носившего ярко выраженный антимиссионерский характер, российское правительство приняло решение о закрытии Пекинской православной миссии. И несмотря на то, что Миссия фактически была разрушена повстанцами, а большая часть ее православной паствы физически уничтожена, митрополит Иннокентий, на тот момент руководивший Миссией, принял решение остаться в Китае².

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 445. Д. 52. Л. 3.

² Там же. Ф. 796. Оп. 184. Д. 5210. Л. 3.

Расцвет миссионерской работы Пекинской духовной миссии пришелся на начало XX в.³ Данный период оказался достаточно сложным и противоречивым в истории российско-китайских отношений. Активные позиции Российской империи на Дальнем Востоке, связанные с получением концессии от китайского правительства на строительство КВЖД и права на аренду Дальнего и Порта-Артура, после русско-японской войны были утрачены. В сложившихся обстоятельствах МИД и Святейший Синод вновь стали рассматривать Пекинскую миссию как важный инструмент сохранения позиций России в Китае.

Поэтому в начале XX в. происходило достаточно стремительное укрепление материально-экономической базы и инфраструктуры Пекинской миссии и ее кадрового потенциала. Во многом это стало возможным не столько из-за увеличения финансирования со стороны Синода, сколько при помощи активной благотворительности российских промышленно-торговых предпринимателей, работающих на китайском рынке. Благодаря их пожертвованиям Миссии были приобретены земельные участки в Пекине и его окрестностях, пригороде Тяньцзина, Ханькоу, Шанхая (Китайский благовестник. 1914. Вып. 7–8. С. 26–28). Всего к 1914 г. Миссия владела участками в 50 пунктах Китая, в том числе два подворья в России, 3 – в Маньчжурии, 2 владения в Монголии, 19 – в Пекине и его окрестностях, остальные – в различных провинциях Китая. Часть участков сдавалась в аренду, другая – использовалась для нужд Миссии (Китайский благовестник. 1914. Вып. 1–2. С. 20).

В 1902 г. Миссия получила возможность построить собственный кирпичный завод и приступить не только к полномасштабной реконструкции ее старых и строительству новых помещений, но и принимать подряды и заказы (рис. 1). Например, она получила заказ от китайского правительства на постройку в Пекине здания университета. На местном рынке Пекина у Миссии имелись свои торговые ряды и лавка, в которых велась торговля сельскохозяйственными продуктами, прежде всего, рисом. На дворе лавки производился помол зерна на трех жерновах, что приносило Миссии дополнительный доход до 2 тыс. руб. в месяц (Китайский благовестник. 1910. Вып. 8. С. 20–23). К 1913 г. Миссия располагала метеорологической станцией, библиотекой, типографией, литографией, иконописной мастерской, механическими мастерскими, гальванопластической мастерской, паровой мельницей, молочной фермой, пасекой, светочным заводом, литейной, мастерской женского рукоделия, кирпичным заводом, ткацкой фабрикой, мастерской конвертов (Китайский благовестник. 1914. Вып. 1–2. С. 7).

Параллельно в начале XX в. Пекинская миссия расширяла сеть своих православных приходов, церковных школ, монастырских обителей, подворий, что в целом было связано с ростом численности русского православного населения в Китае, особенно в приграничных с Россией районах. Так, перед русско-японской войной в ведении Миссии состояли Успенский монастырь, посольская Сретенская и Ханькоуская церкви, отделения миссии в Шанхае, Харбине, Хайларе и на станции Маньчжурия, церкви в Урге и Бэйдайхэ, Урумчи, часовня в Юньцзякоу, а также не восстановленные после восстания ихэтуаней церкви в Калгане и Дундинъяне. Кроме этого, в ведении епископа Иннокентия находилось 13 приходских церквей на КВЖД, женская православная община и открывшиеся подворья в Москве, Петербурге, Харбине, на станции Маньчжурия КВЖД, г. Далянь (Дальний) (Китайский благовестник. 1910. Вып. 2. С. 27).

По штату Пекинской миссии, утвержденному Синодом, было положено содержание 14 служащих. Однако в действительности в Миссии до начала Первой мировой войны числилось в разные годы от 38 до 80 чел. На свои средства она содержала учителей церковно-приходских и миссионерских школ, переводчиков, штат рабочих типографии, кирпичного завода и прислуги. Согласно отчету начальника Миссии Святому Синоду от 23 мая 1909 г., ежегодный расход Миссии составил 80 тыс. руб. (Китайский благовестник. 1910. Вып. 8. С. 27).

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 177. Д. 3351. Л. 1.

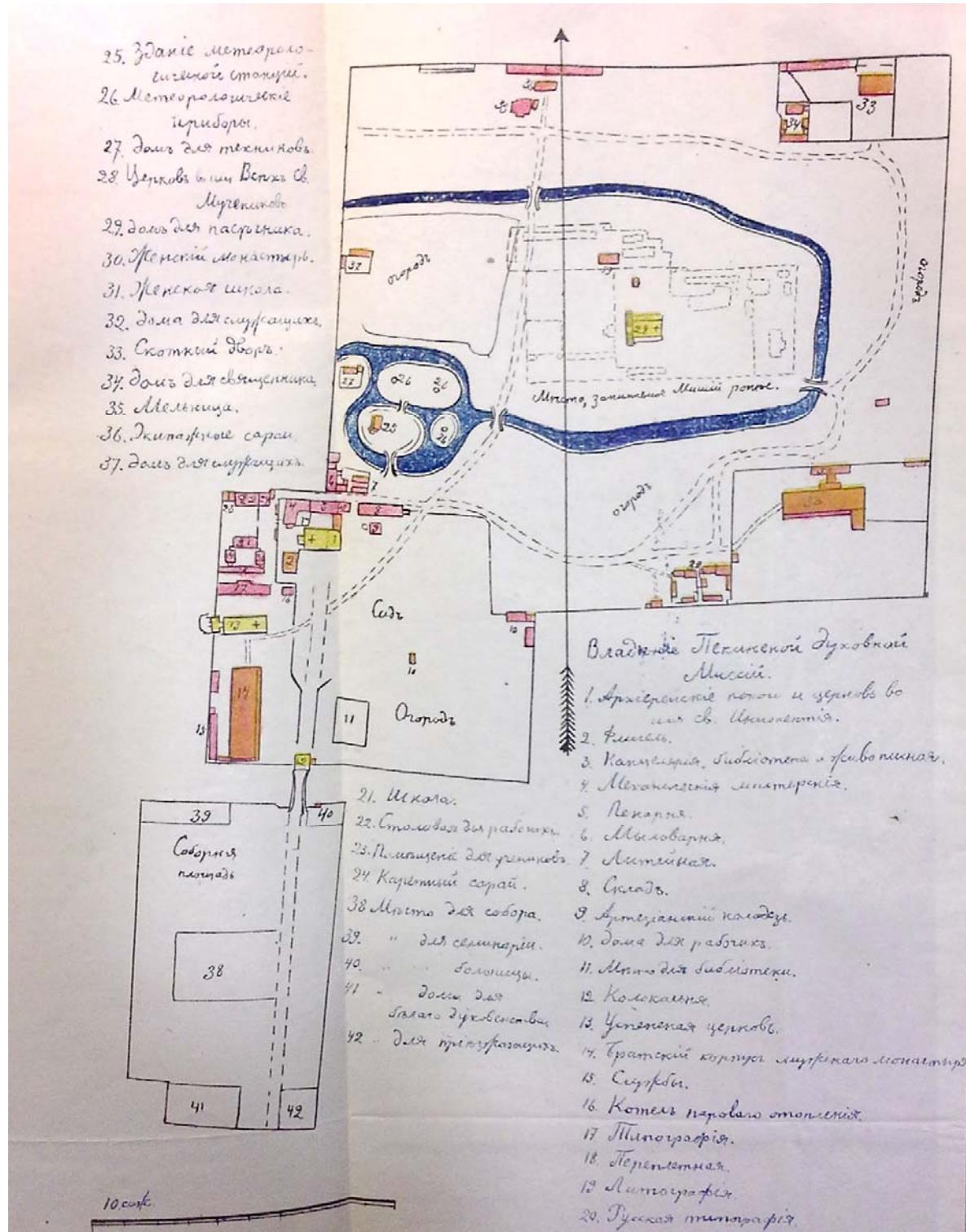

Рис. 1. План владений и построек Православной духовной миссии в Пекине в начале XX в.
 (Китайский благовестник. 1914. Вып. 7–8)

Fig. 1. The Map of Orthodox Spiritual Mission's Possessions and Buildings in Beijing, Early 20th Century

Собственно проведение миссионерской работы среди китайского населения стало практиковаться Миссией после окончания русско-японской войны. Поскольку в Маньчжурии сохранялась достаточно сложная ситуация, акцент был сделан на провинциях Цинской империи, расположенных в столичной области и южнее ее.

Необходимым условием создания миссионерского отделения / стана Пекинской миссии в отличие от внутренних православных миссий Российской империи являлось приобретение ею земельного участка. Размер участка составлял в зависимости от разных обстоятельств – от 2 до 30 десятин земли. Фиксировались случаи, когда для открытия стана Миссии земельный участок предоставляли сами китайцы. Так, например, для организации работы стана в г. Вэйхуйфу провинции Хэнань православный христианин Петр Фань, бывший чиновником пятого ранга, пожертвовал усадьбу с постройками (дом с 33 комнатами) в самом городе и участок земли за городом (81 китайская десятина), стоимостью 5 000 руб. (Китайский благовестник. 1914. Вып. 3–4. С. 8). На приобретенных участках поэтапно возводились здания церкви, молитвенные дома, школы, жилые и хозяйственный постройки для миссионера и служащих отделения Миссии. На территории стана Миссии в дер. Мынь-тоу-цунь провинции Чжили была построена ткацкая мастерская, в которой работали 20 учащихся миссионерской школы (Китайский благовестник. 1914. Вып. 3–4. С. 7).

Основной формой работы священников-миссионеров являлись поездки по населенным пунктам, прилегающим к территории отделений / станов Миссии, и проведение среди их населения религиозной пропаганды. Как отмечали сами миссионеры, во многих районах Китая слово Божье уже было знакомо китайцам благодаря деятельности католических миссий и «находило сочувствие и тяготение к православной церкви». С одной стороны, данный факт значительно упрощал работу православной миссии, с другой, при отсутствии опыта ведения религиозной пропаганды, она не могла конкурировать с европейскими миссиями в борьбе за паству (Китайский благовестник, 1914. Вып. 3–4. С. 2).

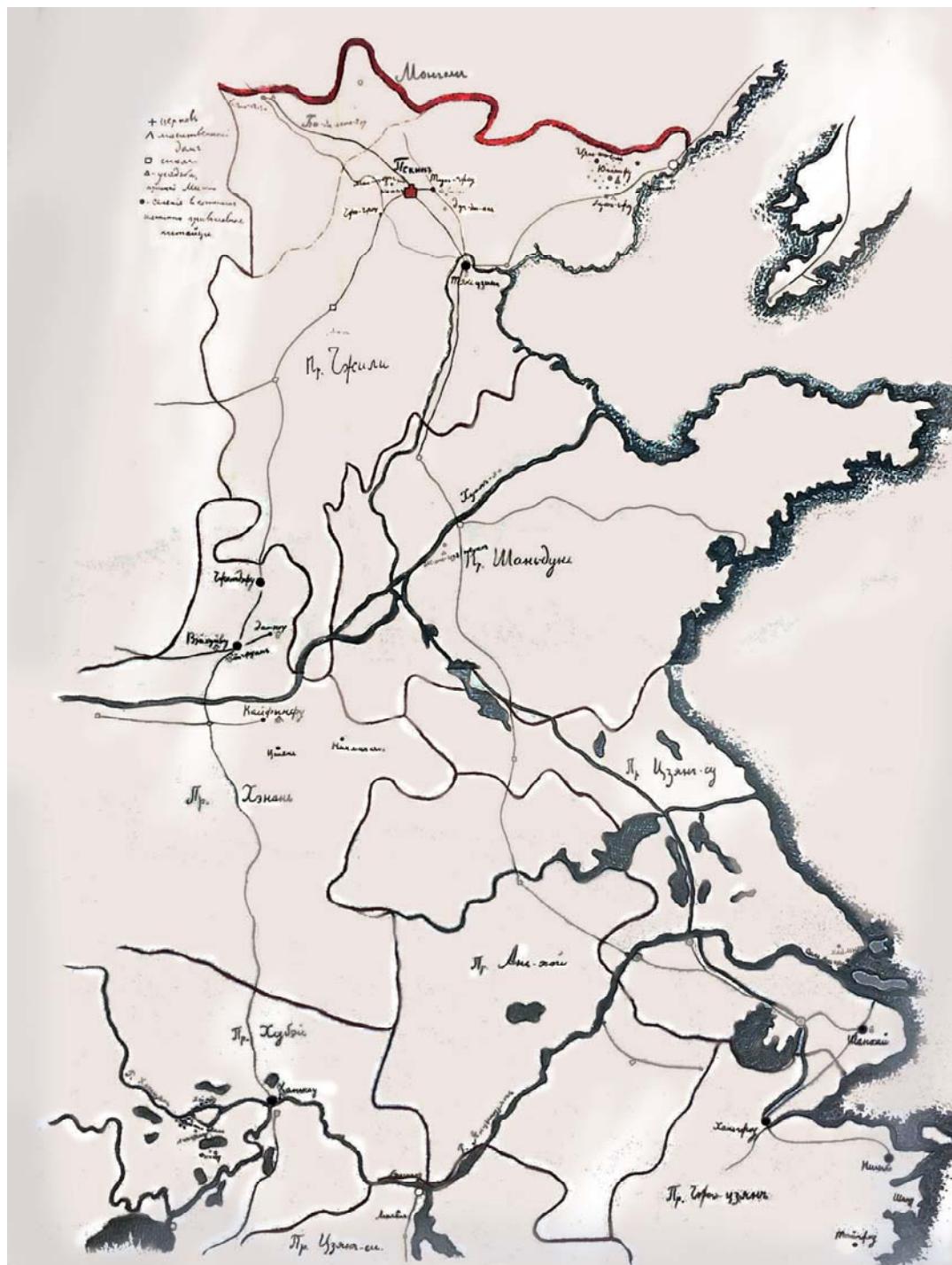
В столичной провинции Чжили в период с 1902 по 1914 г. Пекинской миссии удалось организовать станы в городах Тянь-цзин, Юн-пин-фу, Тай-ин, Цинь-ань-синь, Пей-та-хо, Цзянь-чань-ин, Тунь-чжоу, Чжо-чжоу, деревнях Дун-дин-ань, Мынь-тоу-цунь, Я-гэ-ин; в провинции Хэнань – в г. Вэйхуйфу, Даоноу, Чжандэфу, Кайфынфу, Цисянь, Нинлинсянь; в провинции Хубэй – в г. Ханькоу, в деревнях Юаньцзякоу, Фынкоу, Сянь-тао-чжене; в провинции Цзян-си – в деревнях Люлин, Сяо-чи-коу; в провинции Цзянь-су – в г. Шанхай, дер. Хаймынь; в провинции Чжэ-цзян – в г. Тайчжоу, г. Хань-Чжоу, г. Нинь-бо, г. Шипу (Китайский благовестник, 1914. Вып. 3–4. С. 2–20)⁴.

Таким образом, в составе Пекинской духовной миссии к 1914 г. находилось 29 миссионерских станов, располагавшихся в шести провинциях (рис. 2). Миссионеры этих станов охватывали своей работой 670 населенных пунктов. Православные общины некоторых станов были достаточно многочисленными. Так, в г. Вэйхуйфу община насчитывала 154 чел., в Кайфынфу – 144 чел., Цисинь – 77 чел. (Китайский благовестник, 1914. Вып. 3–4. С. 17). В большинстве миссионерских станов работали китайские священники или активисты. На 1914 г. в составе Миссии числилось 33 китайца: 24 – в качестве учителей и катехизаторов и 9 – в качестве служащих. Однако, как свидетельствуют отчеты о деятельности Пекинской миссии, проблема кадров не была решена вплоть до 1917 г. Это приводило к тому, что в некоторых станах миссионеры работали временно, проведение богослужебных мероприятий и исполнение обрядов не было регулярным (Китайский благовестник, 1914. Вып. 1–2. С. 13).

Признавая факт нехватки миссионеров-священнослужителей, знающих китайский язык, Миссия делала упор на подготовку служащих из числа китайцев. Для реализации данной задачи в 1903 г. было открыто катехизаторское училище на 30 чел. Нехватка кадров для миссионерской работы в некоторой степени компенсировалась деятельностью женского мона-

⁴ Названия населенных пунктов указаны как в источнике.

стыря при Пекинской духовной миссии. Женская община была создана в 1903 г. и в 1908 г. – преобразована указом Синода в монастырь. Учреждаемый монастырь должен был служить миссионерским целям, «поэтому наследницы его, кроме обычных монастырских послушаний, обязывались выполнять и чисто миссионерские поручения начальника Миссии» (Китайский благовестник, 1914. Вып. 19–20. С. 19).

*Рис. 2. Отделения Пекинской духовной миссии в Китае в начале XX в.
(Китайский благовестник. 1914. Вып. 7–8)*

Fig. 2. Beijing Spiritual Mission's Departments in China, Early 20th Century

Важным направлением миссионерской работы женского монастыря стала организация школы для китайских девочек, которая была создана в 1909 г. В разное время в ней обучалось от 12 до 20 учениц (Китайский благовестник, 1914. Вып. 7–8. С. 22).

Пекинская миссия считала своим долгом и обязанностью поддержание новокрещеных китайцев. Большинство из них работало на предприятиях и в мастерских Миссии. Ученики и ученицы, обучающиеся в школах Миссии, находились на полном ее обеспечении. Миссия также содержала богадельню и активно занималась благотворительностью.

Географическая локализация станов Миссии позволяет утверждать, что она распространяла сферу своей деятельности не на приграничные с Россией территории, а на внутренние города и провинции Китая. Данные факты, а также инфраструктурное развитие Пекинской миссии в начале XX в. вызывали озабоченность и беспокойство внешнедипломатического ведомства Российской империи. Бывший посланник России в Пекине Покотилов и МИД считали, что данная ситуация может осложнить отношения между двумя государствами. Они настаивали на том, что миссионерская деятельность Пекинской миссии противоречит традиционной политике России в этой стране, «где русские, в отличие от инославных миссионеров, никогда прозелитизмом не занимались». Поэтому они рекомендовали проповедническую деятельность Миссии переориентировать на Северную Маньчжурию, «главным образом, участки, прилегавшие к нашей железной дороге (КВЖД. – Ю. Л. Я. Ц.), где сильно наше экономическое и политическое влияние» (Китайский благовестник. 1910. Вып. 8. С. 22–23).

Служащие миссии признавали опасения со стороны МИД беспочвенными и в отличие от членов XVI–XVII Миссий были убеждены в успешности задачи утверждения христианства в качестве новой религии для населения Китая. Они считали, что на данном историческом отрезке времени «Китай, прия в соприкосновение с христианской культурой, колеблется в своих языческих устоях, и с усвоением христианской культуры начинает воспринимать и христианские верования (Китайский благовестник. 1910. Вып. 8. С. 22).

Итоги миссионерской деятельности Пекинской миссии среди китайского населения можно представить по следующим данным. В 1901–1902 гг. ею было крещено 55 чел., в 1903 г. – 43 чел., в 1904 г. – 71, в 1905 г. – 90, в 1906 г. – 96, в 1907 г. – 55, в 1908 г. – 56, в 1909 г. – 50, в 1910 г. – 142, в 1911 г. – 155, в 1912 г. – 352, в 1913 г. – 181, всего за 13 лет – 1 340 китайцев (Китайский благовестник. 1914. Вып. 1–2. С. 21). Анализ приведенных данных свидетельствует о том, что наиболее успешными с точки зрения результатов миссионерской деятельности Пекинской миссии стали 1910–1913 гг. Это было связано, на наш взгляд, в первую очередь с укреплением финансово-экономического положения Миссии и возможностью содержать ею широкий штат служащих, занимавшихся непосредственно данной работой. Всего с крещеными китайцами православная паства Пекинской миссии к началу Первой мировой войны составляла 6 255 чел. [Ломанов, 2007. С. 346].

Таким образом, в истории миссионерской работы Пекинской духовной миссии можно выделить ряд этапов. Во второй половине XIX в., в условиях роста противостояния европейских держав, Российской империи и США за влияние на Дальнем Востоке и связанных с этим трансформаций в российско-китайских отношениях, ей пришлось приспособливаться к новым geopolитическим реалиям и искать нишу в своей деятельности. Переориентация Миссии с дипломатической, военно-разведывательной и научной деятельности на миссионерскую проходила крайне болезненно. Объективно у нее отсутствовали опыт и традиции ведения миссионерской работы среди китайского населения, достаточное финансирование и подготовленные профессиональные кадры. Тем не менее, в этот период были подготовлены условия для качественного перехода в организации и проведении прозелитизма в Китае на последующем этапе.

Начало XX в. до 1914 г. – Первой мировой войны – можно с полным основанием считать периодом расцвета миссионерской деятельности Пекинской духовной миссии. В эти годы она вышла на качественно новый уровень организации и проведения религиозной пропаганды, сумев сформировать сеть миссионерских отделений, станов и школ в шести крупнейших

и густозаселенных провинциях Китая. Успех Миссии очевиден еще в связи с тем, что работа в данном направлении проводилась в крайне неблагоприятных для нее условиях, связанных с усилением соперничества великих держав за влияние на Дальнем Востоке. Период 1914–1917 гг. характеризуется постепенным снижением активности миссионерской работы Пекинской миссии. Это было обусловлено рядом объективных обстоятельств – начавшейся Первой мировой войной и снижением финансирования Миссии Синодом.

Особенностью деятельности священнослужителей Пекинской миссии, как и большинства зарубежных / внешних миссий Российской империи, являлся тот факт, что они наряду с выполнением собственно миссионерских задач уделяли значительное внимание исполнению обязанностей приходских священников. Окропление православной общины Китая занимало значительный объем их времени, что объективно снижало эффективность миссионерской работы.

Список литературы

- Адорацкий П. С.** Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования: Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам. Казань, 1887. Вып. 1–2. 76 с.
- Андреева С. Г.** Антимиссионерские выступления в Китае во 2-й половине XIX в. и особенности положения Пекинской духовной миссии // Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция. М., 2002. С. 116–125.
- Андреева С. Г.** Тяньцзинский и Пекинский договоры. Участие Пекинской духовной миссии в их заключении // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2011. С. 3–7.
- Бирюкова К. В.** Положение русской духовной миссии в Китае согласно русско-китайским соглашениям // Учен. зап. Российского государственного социального университета. 2013. Т. 1, № 4 (117). С. 56–59.
- Бэй-туань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б. Г. Александров. М.: Альянс-Архео, 2006. 217 с.
- Виноградов А.** Китайская Библиотека и ученыe труды членов Императорской Российской Духовной и Дипломатической Миссии в г. Пекине или Бэй-Цзине. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1889. 206 с.
- Дацышен В. Г.** Архимандрит Петр (Каменский) и становление русско-китайского взаимодействия в сфере медицины // Сибирское медицинское обозрение. 2012. № 6 (78). С. 96–100.
- Дацышен В. Г.** История российской духовной миссии в Китае. Гонконг: Православное Братство святых Первоверховых апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.
- Дацышен В. Г.** Митрополит Иннокентий Пекинский. Гонконг: Братство святых Первоверховых апостолов Петра и Павла, 2011. 432 с.
- Дацышен В. Г.** Трудовые годы «Пекинского братства»: из истории тринадцатой Российской духовной миссии в Пекине // Социогуманитарный вестник. 2015. № 1 (14). С. 118–130.
- Дмитриенко А. А.** История перевода Нового завета на китайский язык свт. Гурием Карповым // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47, № 1. С. 232–238.
- История Российской духовной миссии в Китае. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1997. 407 с.
- Коростовец И.** Китайцы и их цивилизация. СПб.: Изд. книжного магазина Ледерле, 1898. 643 с.
- Крайнова Л. Н.** Роль православного духовенства России в изучении буддийской церкви Монголии в XIX – начале XX в. // European Social Science Journal. 2013. № 9–2 (36). С. 380–385.
- Лапин П. А.** Албазинцы и русская община в Пекине (конец XVIII – начало XX в.) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2013. № 5. С. 54–66.

- Лапин П. А.** Секретная переписка Российской духовной миссии в Пекине с Россией (начало XVIII – первая половина XIX в.): методы, принципы, содержание // Общество и государство в Китае. 2014. Т. 44, № 1. С. 423–435.
- Ломанов А. В.** Российская духовная миссия в Китае // Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. М.: Вост. лит., 2007. Т. 2: Мифология. Религия. 869 с.
- Можаровский А.** Архимандрит Петр Каменский // Русская старина. 1896. Кн. 2. С. 317–342; Кн. 4. С. 97–108.
- Осъмакова О. Н.** Особенности формирования нормативно-правового регулирования миссионерской деятельности Российской православной церкви в Китае (в период деятельности первой – четвертой миссий) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12-2. С. 127–131.
- П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Материалы конференции: В 3 ч. М.: Наука, 1979.
- Поздняев Д. А.** Православие в Китае (1900–1997). М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1998. 277 с.
- Сизова А. А.** Политическое измерение деятельности консульской службы России в застенном Китае во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник ТГУ. 2011. № 1 (13). С. 103–107.
- Хохлов А. Н.** Миссионерская деятельности Гурия Карпова до и после преобразования Пекинской духовной миссии // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45, № 2. С. 846–915.
- Хохлов А. Н. Н. Я.** Бичурин и его вклад в русское востоковедение. М.: Наука, 1977. 141 с.
- Чегодаев А. Б.** Монгольско-маньчжурско-китайско-русско-латинский пятиязычный словарь П. И. Каменского: вопросы его создания и издания // Вестник ТГУ. История. 2011. № 1 (13). С. 128–130.
- Шубина С. А.** Дипломатическая деятельность Российской духовной миссии в Китае (XVIII–XIX в.) // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1, № 1. С. 189–193.
- Шубина С. А.** Религиозно-правовая основа деятельности Российской духовной миссии в Китае (XVIII – начало XX в.) // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков. Иваново, 2017. С. 505–509.

Список источников

Китайский благовестник. 1910. Вып. 2, 8; 1914. Вып. 1–2, 3–4, 7–8, 19–20.

References

- Adoratsky P. S.** Pravoslavnaya missiya v Kitae za 200 let eya sushchestvovaniya: Opyt tserkovno-istoricheskogo issledovaniya po arkhivnym dokumentam [The Orthodox Mission in China for 200 years of its Existence: The Experience of Church History Research Based on Archival Documents]. Kazan, 1887, iss. 1–2, 76 p. (in Russ.)
- Andreeva S. G.** Antimissionerskie vystupleniya v Kitae vo 2-i polovine XIX v. i osobennosti polozheniya Pekinskoi dukhovnoi missii [Antimissionaries Protests in China in the Second Half of the 19th Century and Position of Russian Orthodox Mission in China]. In: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXII Nauchnaya konferentsiya [Society and State in China: XXXII Scientific Conference]. Moscow, 2002, p. 116–125. (in Russ.)
- Andreeva S. G.** Tyantszinskii i Pekinskii dogovory. Uchastie Pekinskoi dukhovnoi missii v ikh zaklyuchenii [Tianjin and Beijing Treaties. Participation of the Russian Orthodox Mission in their Signing]. In: Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva [Russia and China: History and Perspectives of Cooperation]. Proceedings of International Scientific and Practic Conference. Blagoveshchensk, 2011, p. 3–7. (in Russ.)

- Biryukova K. V.** Polozheniye russkoi dukhovnoi missii v Kitae soglasno russko-kitaiskim soglaseniyam [Status of the Russian Orthodox Mission in China According to the Russian-Chinese Agreements]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [Scientific Notes of the Russian State Social University]*, 2013, vol. 1, no. 4 (117), p. 56–59. (in Russ.)
- Bey-guan:** Kratkaya istoriya Rossiyskoy dukhovnoy missii v Kitaye [Bei-Guan: a Brief History of the Russian Orthodox Mission in China]. Moscow, Al'yans-Arkheo, 2006, 217 p. (in Russ.)
- Chegodaev A. B.** Mongol'sko-manchzhursko-kitaysko-russko-latinskii pyatiyazychnyi slovar' P. I. Kamenskogo: voprosy ego sozdaniya i izdaniya [Mongolian-Manchurian-Chinese-Russian-Latin Five-Language Dictionary of P. I. Kamensky: Issues of its' Creation and Publication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Iстория [Bulletin of Tomsk State University. History]*, 2011, no. 1 (13), p. 128–130. (in Russ.)
- Datsyshen V. G.** Arkhimandrit Petr (Kamenskii) i stanovlenie russko-kitaiskogo vzaimodeistviya v sfere meditsiny [Archimandrite Peter (Kamensky) and the Development of Russian-Chinese Cooperation in the Field of Medicine]. *Sibirskoe meditsinskoе obozrenie [Siberian Medical Review]*, 2012, no. 6 (78), p. 96–100. (in Russ.)
- Datsyshen V. G.** Iстория rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae [History of the Russian Orthodox Mission in China]. Hong Kong, Pravoslavnoe bratstvo svyatых Pervoverhovnykh apostolov Petra i Pavla, 2010, 448 p. (in Russ.)
- Datsyshen V. G.** Mitropolit Innokentii Pekinskii [Metropolitan Innocent Of Beijing]. Hong Kong, Bratstvo svyatых Pervoverhovnykh apostolov Petra i Pavla, 2011, 231 p. (in Russ.)
- Datsyshen V. G.** Trudovye gody "Pekinskogo bratstva": iz istorii trinadtsatoi Rossiiskoi dukhovnoi missii v Pekine [Labor Years of "Beijing Brotherhood": from the History of the 13th Russian Orthodox Mission in Beijing]. *Sotsiogumanitarnyi vestnik [Sociohumanitarian Herald]*, 2015, no. 1 (14), p. 118–130. (in Russ.)
- Dmitrienko A. A.** Iстория perevoda Novogo zaveta na kitaiskii yazyk svt. Guriem Karpovym [The History of the Translation of the New Testament into Chinese by the Priest Gury Karpov]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*, 2017, vol. 47, no. 1, p. 232–238. (in Russ.)
- Iстория Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae [History of the Russian Orthodox Mission in China]. Moscow, Izdatel'stvo Svyato-Vladimirskogo bratstva, 1997, 407 p. (in Russ.)
- Khokhlov A. N.** Missionerskaya deyatel'nost' Guriya Karpova do i posle preobrazovaniya Pekinskoi dukhovnoi missii [Missionary Activity of Guri Karpov before and after the Reorganization of the Russian Orthodox Mission]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye [Society and State in China]*, 2015, vol. 45, no. 2, p. 846–915. (in Russ.)
- Khokhlov A. N.** N. Ya. Bichurin i ego vklad v russkoe vostokovedenie [N. Ya. Bichurin and his Contribution to Russian Oriental Studies]. Moscow, Nauka, 1977, 141 p. (in Russ.)
- Korostovets I.** Kitaitsy i ikh tsivilizatsiya [Chinese People and their Civilization]. St. Petersburg, Izdanie knizhnogo magazina Lederle, 1898, 643 p. (in Russ.)
- Kraynova L. N.** Rol' pravoslavnogo dukhovenstva Rossii v izuchenii buddiiskoi tserkvi Mongolii v XIX – nachale XX v. [The Role of the Russian Orthodox Clergy in the Study of the Buddhist Church of Mongolia in the 19th – early 20th Centuries]. *European Social Science Journal*, 2013, no. 9–2 (36), p. 380–385. (in Russ.)
- Lapin P. A.** Albazintsy i russkaya obshchina v Pekine (konets XVIII – nachalo XX v.) [Albazinians and the Russian Community in Beijing (End of 18th – Beginning of 20th Century)]. *Vostok. Afro-Aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost [Oriens. Afro-Asian Societies: History and Present]*, 2013, no. 5, p. 54–66. (in Russ.)
- Lapin P. A.** Sekretnaya perepiska Rossiiskoi dukhovnoi missii v Pekine s Rossiei (nachalo XVIII – pervaya polovina XIX v.): metody, printsipy, soderzhanie [Secret Correspondence of the Russian Orthodox Mission in Beijing with Russia (beginning of 18th – 1st Half of 19th Century): Methods, Principles, Content]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*, 2014, vol. 44, no. 1, p. 423–435. (in Russ.)

- Lomanov A. V.** Rossiiskaya dukhovnaya missiya v Kitaye [Russian Orthodox Mission in China]. In: Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya [Intangible Culture of China: Encyclopedia]. In 5 vols. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2007, vol. 2: Mifologiya. Religiya [Mythology. Religion], 869 p. (in Russ.)
- Mozharovsky A.** Arkhimandrit Petr Kamenskii [Archimandrite Peter Kamensky]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1896, book 2, p. 317–342; book 4, p. 97–108. (in Russ.)
- Osmakova O. N.** Osobennosti formirovaniya normativno-pravovogo regulirovaniya missionerskoi deyatel'nosti Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Kitae (v period deyatel'nosti pervoi-chetvertoi missii) [Features of Missionary Legislation of the Russian Orthodox Church in China (during 1st – 4th Missions)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current Issues / Challenges of Humanitarian and Natural Sciences], 2013, no. 12–2, p. 127–131. (in Russ.)
- P. I. Kafarov i ego vklad v otechestvennoe vostokovedenie (k 100-letiyu so dnya smerti) [P. I. Kafarov and his Contribution to the Russian Oriental Studies (dedicated to the 100th Anniversary of his Death)]. Proceedings of the Conference. In 3 parts. Moscow, Nauka, 1979. (in Russ.)
- Pozdnyayev D. A.** Pravoslavie v Kitae (1900–1997) [Orthodox Christianity in China (1900–1997)]. Moscow, Izdatel'stvo Svyato-Vladimirskogo Bratstva, 1998, 277 p. (in Russ.)
- Sizova A. A.** Politicheskoe izmerenie deyatel'nosti konsul'skoi sluzhby Rossii v zastennom Kitae vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Political Results of the Russian Consular Service in China in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2011, no. 1 (13), p. 103–107. (in Russ.)
- Shubina S. A.** Diplomaticeskaya deyatel'nost' Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae (XVIII–XIX v.). [Diplomatic Activity of the Russian Orthodox Mission in China (18th – 19th Centuries)]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2010, vol. 1, no. 1, p. 189–193. (in Russ.)
- Shubina S. A.** Religiozno-pravovaya osnova deyatel'nosti Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae (XVIII – nachalo XX v.). [Religious and Legal Basis of the Russian Orthodox Mission in China (18th – Early 20th Century)]. In: Gosudarstvo, obshchestvo, Tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov [State, Society, Church in Russian History of 20th – 21st Centuries]. Ivanovo, 2017, p. 505–509. (in Russ.)
- Vinogradov A.** Kitaiskaya Biblioteka i uchenye trudy chlenov Imperatorskoi Rossiiskoi Dukhovnoi i Diplomaticeskoi Missii v g. Pekine ili BeiTszine [Chinese Library and Scientific Works of Members of the Imperial Russian Orthodox and Diplomatic Mission in Pekin or Beijing]. St. Petersburg, Tipografiya brat'ev Panteleevykh, 1889, 206 p. (in Russ.)

Sources

Kitaiskii blagovestnik [Chinese Evangelist], 1910, iss. 2, 8. 1914, iss. 1–2, 3–4, 7–8, 19–20.

Материал поступил в редакцию
Received
23.05.2019

Сведения об авторах

Лысенко Юлия Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета (пр. Ленина, 61, Барнаул, 656023, Россия)
iulia_199674@mail.ru

Ян Цуйхун, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории в Средние века Института гуманитарных наук Цзилиньского университета (ул. Цяньцзиньдацзе, 2699, Чанчунь, КНР)
yangch319@163.com

Information about the Authors

Yuliya A. Lysenko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Altai State University (61 Lenin Ave., Barnaul, 656023, Russian Federation)
iulia_199674@mail.ru

Cuihong Yang, Doctor of History, Professor, Department of Medieval History of the World, School of Humanities, Jilin University (2699 Qianjin Str., Changchun, China)
yangch319@163.com

УДК 070 : 351.751 (57) (091)
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-74-88

Цензурная практика в отношении сибирской периодической печати последней трети XIX – начала XX века

Е. А. Невмержицкая, В. Ю. Рабинович

*Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия*

Аннотация

Исследуется содержание материалов сибирской прессы последней трети XIX – начала XX в., обращавших на себя внимание местной цензуры. Определен и рассмотрен круг тем, запрещавшихся к печати или вызывавших переписку представителей сибирской администрации, их количественное соотношение. Дан сравнительный анализ местной цензурной практики до изменений в правовом положении печати 24 ноября 1905 г. и после. До 1905 г. ее характерной чертой являлось повышенное внимание к содержащимся в заметках и корреспонденциях конкретным фактам, задевающим интересы местных должностных лиц и государственных учреждений, и незначительное – к общим рассуждениям о недостатках последних. С 1905 г. внимание местной цензуры смещается в сторону статей общего критического характера, количество которых резко увеличивается и преобладает за счет появления революционной тематики.

Ключевые слова

история сибирской цензуры, власть, сибирская пресса последней трети XIX – начала XX в.

Для цитирования

Невмержицкая Е. А., Рабинович В. Ю. Цензурная практика в отношении сибирской периодической печати последней трети XIX – начала XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 74–88. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-74-88

Materials of Siberian Periodicals in the Late 19th – Early 20th Centuries: Censorship Practice

E. A. Nevmerzhitskaya, V. Yu. Rabinovich

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

Abstract

The article analyzes the Siberian press of the last third of the 19th – early 20th centuries, which was banned from publishing, or, already being published, caused the scrutiny of the local administration. The study reveals typical features of the Siberian censorship practice until November 24, 1905 and after that, when the legal position of the press changed. The research is based on the examination of 387 items from 32 Siberian publications, that were censored. For the unit of material we take a separate genre unit, which served as the content of the printed issue. Up to 1905 the local censorship most of all paid attention to the notes and correspondence that contained descriptions of specific cases of abuse by officials and state institutions. They constitute the vast majority of the identified materials. In the first place, these are reports of various incidents (people's disasters, crimes, disorders in public institutions), directly or indirectly indicating the negligence and inaction of the authorities, in the second – information about the abuse of power. The larger number of such publications are connected with the officials of the lowest level. Attacks on the highest

© Е. А. Невмержицкая, В. Ю. Рабинович, 2019

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 8: History

level of local administration have a single character. There is no big quantitative and qualitative difference between the forbidden materials and the ones inadvertently admitted to publishing. Since 1905, the quantitative ratio of items changed towards a significant increase in articles of general critical nature, with the predominance of the revolutionary materials. Until 1905, the work of the censorship mechanism in Siberia was characterized not only by prohibitions of materials, but also by verification of facts of the content or investigation; the number of court cases was insignificant. After 1905 the actions of censorship acquire mostly punitive character: lawsuits evolved into a crucial method of influence on press.

Keywords

history of Siberian censorship, power, Siberian press of the last third of 19th – beginning of 20th centuries

For citation

Nevmerzhitskaya E. A., Rabinovich V. Yu. Materials of Siberian Periodicals in the Late 19th – Early 20th Centuries: Censorship Practice. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 74–88. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-74-88

Вопросы функционирования института цензуры в Сибири, неразрывно связанные с продолжающимся изучением истории дореволюционной сибирской журналистики, представляют собой достаточно большое поле для исследователя. Сегодня ведется планомерная работа по пересмотру прежних концепций: от крайне и однозначно негативных оценок советского времени современные авторы переходят к более осторожным и взвешенным выводам относительно места и роли института провинциальной цензуры в Российской империи. Исследованиями различных аспектов истории российской цензуры в этом направлении успешно занимаются такие ученые, как Г. В. Жирков [2001], В. Ф. Блохин [2009], Н. Г. Патрушева [2013], Н. А. Гринченко [2013] и ряд других. Весомый вклад в изучение вопроса также вносят издающиеся сборники научных трудов серии «Цензура в России: история и современность». Что касается исследований по истории сибирской цензуры в имперский период, то вышеуказанная тенденция заметна в работах С. И. Гольдфарба [2002], В. В. Шевцова [2012; 2013; 2015], Ю. Л. Мандрика [2013а; 2013б].

Проблемы взаимоотношений местных изданий с цензурным ведомством также поднимаются в рамках изучения истории печати как региона [Воробьев, 2003], так и отдельных городов [Жилякова, 2009; 2011; Миханев, 1998], а также вопросов взаимодействия местной власти и прессы [Морозова, 2009; Кузнецов, Аграфонов, 2014]. Несмотря на это, многие аспекты работы цензурного механизма в Сибири являются малоизученными.

Цель нашего исследования – выявить закономерности в отношениях местной цензуры к материалам сибирской прессы последней трети XIX – начала XX в., которые запрещались к печати, либо, уже будучи напечатанными, вызывали переписку представителей губернской администрации. В основе исследования лежит качественный и количественный анализ вышеуказанных материалов.

Среди публикаций, непосредственно затрагивающих нашу тему, можно отметить лишь две статьи: Ю. Л. Мандрика [2008], анализирующую цензурные гранки «Сибирского вестника» за 1888 г., и Н. В. Жиляковой [2016], исследующей содержание публикаций газеты «Сибирская жизнь» за 1897–1898 гг., вызвавших негативную оценку цензурного ведомства. Вместе с тем данная сторона вопроса представляет, на наш взгляд, значительный интерес.

Мы не умаляем роль личностного фактора в цензировании того или иного сибирского издания, но все же наша задача – найти общий подход лиц, осуществлявших надзор за печатью на местах, к тем материалам, которые поступали на цензурный просмотр; определить набор тем, привлекавших внимание, их количественное соотношение.

К сожалению, полный список материалов, обращавших на себя внимание местной цензуры, представить невозможно, так как цензурные полосы практически не сохранились. Однако отдельные корректурные листы сибирских газет и журналов, сохранившаяся в более полном виде переписка по их содержанию, а также судебные дела в отношении редакторов изданий позволяют решить эту проблему.

Источником для анализа служат 387 единиц материала 32 сибирских изданий (30 газет и 2 журнала) последней трети XIX – начала XX в., по которым удалось обнаружить цензур-

ную переписку. Полный список изданий и годы представлен в таблице. Мы не будем перечислять все номера изданий ввиду ограниченного объема статьи.

В перечне в основном присутствует частная пресса, которая в целом имела по отношению к местной администрации общий обличительный характер. Вместе с тем в списке значатся сибирские издания разной идеинно-политической направленности, в том числе и частные правомонархические газеты («Сибиряк», «Сусанин»). Из официальных изданий – «Иркутские губернские ведомости», которые также временами выходили за определенные законодательством рамки.

Список сибирских изданий
и годы, по которым обнаружена цензурная переписка
List of Siberian Periodicals and Years of Discovered Censorial Correspondence

Наименование газеты / журнала (место издания)	Годы
«Сибирь» (Иркутск)	1876, 1879–1881, 1886, 1887
«Восточное обозрение» (с 1888 г., Иркутск)	1889–1901, 1904, 1905
«Сибирская газета» (Томск)	1881
«Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» (Томск)	1890, 1891, 1893, 1897, 1898
«Сибирский сборник» (с 1888 г., Иркутск)	1897
«Енисей» (Красноярск)	1898, 1903, 1904
«Сибирская жизнь» (Томск)	1898, 1900, 1904
«Забайкалье» (Чита)	1901, 1906
«Иркутские губернские ведомости» (неофициальная часть) (Иркутск)	1902
«Голос Сибири» (Красноярск)	1905, 1911, 1912
«Азиатская Русь» (Чита)	1905
«Байкал» (Троицкосавск)	1905, 1906
«Сибирские вести» (Красноярск)	1906
«Восточный край» (Иркутск)	1906
«Восточная Сибирь» (Иркутск)	1906
«Сибирские врачебные ведомости» (Красноярск)	1907
«Забайкальская новь» (Чита)	1907
«Летопись Забайкалья» (Чита)	1907
«Сибирь» (Иркутск)	1907, 1909, 1913, 1914
«Сибиряк» (Иркутск)	1907
«Якутский край» (Якутск)	1907, 1908
«Якутская жизнь» (Якутск)	1908, 1909
«Сусанин» (Красноярск)	1908
«Якутская мысль» (Якутск)	1909
«Русский Восток» (Иркутск)	1909
«Восточная заря» (Иркутск)	1909, 1910
«Сибирская мысль» (Иркутск)	1910
«Сибирское слово» (Иркутск)	1913
«Сибирская неделя» (Иркутск)	1913
«Сибирские новости» (Иркутск)	1913
«Якутская окраина» (Якутск)	1914
«Минусинский листок» (Минусинск)	1915

Поскольку правовое положение сибирской печати в результате принятия Временных правил 24 ноября 1905 г. существенно изменилось, целесообразным является провести анализ материалов отдельно: до и после указанного периода.

За первый период (последняя треть XIX в. – 24 ноября 1905 г.) в нашем распоряжении имеются 268 единиц материала таких изданий, как газета «Сибирь», «Восточное обозрение», «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Енисей», «Сибирская жизнь», «Забайкалье», «Иркутские губернские ведомости» и журнал «Сибирский сборник». Из них полнее всего представлены материалы «Восточного обозрения» – 194 единицы.

За единицу материала мы будем принимать отдельную жанровую единицу, служившую наполнением печатного номера. Среди попавших в поле зрения цензуры присутствуют разнообразные с точки зрения жанра материалы: новостные сообщения телеграфных агентств, информационные заметки, корреспонденции, судебные отчеты, информационные обзоры, статьи, фельетоны, стихотворения.

Результаты проведенного анализа позволяют говорить о наличии определенной закономерности в подходе местной цензуры к материалам, поступавшим на просмотр. Сибирская цензура в первую очередь обращала внимание на конкретные факты, в которых задевались интересы местных должностных лиц и государственных учреждений, упуская из виду общие рассуждения о недостатках существующих установлений и т. п. Об этой тенденции свидетельствует и то, что из всего количества выявленных материалов большинство с точки зрения жанровой специфики (77 %, или 207 единиц материала) составляют заметки и корреспонденции с мест, содержащие описание конкретных случаев, затрагивающих интересы местной власти.

Не случайно министр внутренних дел В. К. Плеве в секретном циркуляре, разосланном в 1902 г. всем губернаторам и начальникам областей по поводу невнимательного отношения провинциальных цензоров к своим обязанностям, писал, что, «относясь более или менее строго к оглашению сведений, известий и толков, касающихся местных происшествий и нужд, они обыкновенно упускают общее направление цензируемых ими изданий»¹. Г. Н. Потанин в письме к Н. М. Ядринцеву также указывал на то, что главное затруднение при издании провинциальной газеты составляют «не идеи; не принципы, а намеки, обличения, частные интересы» [Потанин, 1987. С. 157]. И действительно, просматривая материалы, вызывавшие цензурную переписку, мы нашли совсем незначительное количество запрещенных к печати статей, содержащих общую критическую оценку тех или иных законоположений, государственных институтов.

Такой избирательный интерес к определенного рода материалам можно объяснить только «чувством самосохранения» со стороны местного чиновничества. Безусловно, забота о формировании и поддержании позитивного имиджа власти являлась важнейшей задачей государственных структур всех уровней. Однако местная цензура в первую очередь обращала внимание лишь на те материалы, которые могли принести наибольший ущерб, прежде всего, губернской администрации, стремящейся избежать не только репутационных рисков в виде публичной огласки неблагоприятных фактов о деятельности своих подчиненных, но и нежелательного внимания со стороны центральной власти.

По этой же причине местная цензура остро реагировала и на сообщения о различных слухах и происшествиях, которые могли посодействовать страх или недовольство среди населения, привести к волнениям и беспорядкам, а значит, опять же, вызвать нежелательный интерес центра. Охрана общественного спокойствия, служившего в немалой степени залогом стабильности политической системы, являлась другой важнейшей задачей государственной власти. Но и лишаться чиновниччьего кресла тоже никто не хотел. Кстати, вышеуказанные сообщения также наносили урон авторитету местных властей, поскольку свидетельствовали о бездействии администрации, не предпринявшей своевременных мер по предотвращению происшествий или сведению их минимуму для населения.

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К-994. Д. 170. Л. 12.

Исходя из этой выявленной закономерности вырисовывается и тематика материалов сибирской прессы, обращавших на себя внимание местной цензуры.

Абсолютное большинство материалов (а таких найдено 252 единицы из 268, т. е. 94 %) содержало указание на конкретные факты злоупотреблений местных органов власти и управления. Условно их можно разделить на два блока.

Основным содержанием первого блока материалов являлась деятельность должностных лиц крестьянского и «инородческого» управления, рассматривавшаяся, конечно, в негативном ключе.

Одна часть материалов фиксировала разнообразные должностные преступления и пропступки местных чиновников. Так, в 38 материалах указаны факты превышения полномочий со стороны представителей местной власти в отношении населения. В основном они были связаны с насильственными действиями. К ним относятся сведения о побоях в полицейском участке и телесных наказаниях крестьян и «инородцев» при сборе податей, эпизоды избиения рабочих на приисках и расправы над ссыльными, случаи рукоприкладства и применения грубой физической силы при расчистке дороги церковным служителям в храмах во время службы и при проезде высокопоставленных лиц. В подавляющем большинстве в представленных материалах фигурируют низшие чины сельской и городской полиции. Особенно часто объектом критики выступает иркутская городская полиция. Судя по переписке, иркутскому полицмейстеру постоянно приходилось писать донесения цензору и делать доклады по поводу поведения городовых. К превышению власти относятся также факты самоуправства местных властей: вмешательство в составление общественных приговоров, незаконные аресты крестьян и т. п. В 1899 и 1900 гг. в подобных корреспонденциях появляются фигуры крестьянских начальников.

Шесть материалов содержат сведения о присвоении и растрате общественных денег и хлеба. Еще 6 прямо или косвенно указывают на взяточническую деятельность представителей власти. В 5 корреспонденциях описаны случаи вымогательства (например, взимание с населения денег на расходы по переписи в 1897 г.² или организация в 1898 г. сбора денег на подарок балаганскому окружному исправнику по случаю его юбилея)³. Должностные нарушения можно также зафиксировать в сообщениях об открытии без согласия общества и содержании местными властями питейных заведений, в том числе и в инородческих ведомствах (3 единицы материала), бесплатных разъездах государственных служащих на обызвательских лошадях (2 единицы материала), формализме чиновников и бюрократической волоките при рассмотрении дел (4 единицы материала), судебных ошибках (1 единица материала) и др.

Часть материалов (16 единиц) делала акцент на недостойном нравственном поведении должностных лиц. Заботясь о репутации, местные власти сразу реагировали на подобные сообщения. Тем более этого требовал и закон. Статья 1198 Устава о службе гражданской предписывала начальству осуществлять надзор «над поведением и обхождением» своих подчиненных, побуждая их «к добродетелям и похвальному любочестию» и «удерживая от безбожного жития, пьянства, лжи и обманов» [Свод законов..., 1857. Т. 3. С. 252]. Поэтому грубость, невежество, карточная игра, пьянство, бранные выражения и другие проявления неблагопристойного поведения служили предметом цензурной переписки. В поле зрения корреспондентов оказывались должностные лица различных уровней. Так, в № 1 газеты «Восточное обозрение» за 1894 г. запрещена к печати корреспонденция из с. Уян о повальном пьянстве на селе, в которой, между прочим, отмечается, что питейные заведения «усердно посещают сельские власти» [Сенина, 2010. С. 415]. Газета «Енисей» в № 67 за 1898 г. в одной из заметок сообщает читателям: в полицейскую часть «в состоянии полной невменяемости» доставлены унтер-офицер и ефрейтор красноярской конвойной команды⁴. В корреспонденции из Средне-Колымска газеты «Восточное обозрение» (1898 г., № 88) цензор

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К-988. Д. 101. Л. 65, 75.

³ Там же. К-989. Д. 110. Л. 88, 95, 198.

⁴ Там же. Л. 93–94.

вычеркнул строки о том, что исправник выиграл у чукчей 700 руб. в штос⁵. А корреспонденция из Якутска той же газеты (1898 г., № 36) не была пропущена в печать в связи с тем, что рассказывала о неподобающем поведении (грубая брань) высокопоставленного лица во время плавания на теплоходе «Громов», намекая тем самым на персону якутского губернатора⁶.

Ряд корреспонденций и заметок (всего 15 единиц) содержит негативную оценку должностных лиц в рамках их профессиональной деятельности. Например, полицейские чины подвергаются критике за сбор недоимок и, как следствие, ухудшение экономическое положение сельских жителей, чины лесного ведомства – за бюрократические правила вырубки и вывоза леса, усложняющие жизнь населению, и т. п.

В рассматриваемых материалах встречаются нападки и на высший состав местной администрации. Однако они единичны. Критические замечания в адрес представителей губернаторского корпуса зафиксированы лишь в 13 материалах из 268. В большинстве своем они носят завуалированный характер и часто представлены в виде стихов, фельетонов, юмористических рассказов. Использование иносказательной формы открывало возможности для публикации. Отметим, что все имеющиеся в нашем распоряжении 14 единиц подобного жанра были пропущены в печать. Однако пропуск цензором такого рода сюжетов не проходил для газет без последствий. В 1890 г. в ряде фельетонов и корреспонденций «Восточное обозрение» высмеяло нового начальника Енисейской губернии Л. К. Теляковского, членов его семьи и приближенных к нему лиц, а также позволило негативные высказывания в адрес приамурского генерал-губернатора. За эту выходку газета была приостановлена на четыре месяца, а цензор уволен от занимаемой должности⁷. В 1897 г. за размещение в той же газете материалов о енисейском губернаторе В. Л. Приклонском и вице-губернаторе А. Я. Зейделе издание «Сибирского вестника» было приостановлено на 8 месяцев⁸.

Содержательной частью второго блока материалов являлись сведения о различных беспорядках и происшествиях, прямо или косвенно указывающие на бездействие или недостаточно эффективную деятельность властей по устранению их негативных последствий для населения.

Значительный массив материалов (всего 48 единиц) включает сообщения о народных бедствиях, как то: болезни, принявшие эпидемический характер; эпизоотии и массовые падежи скота; неурожай трав и бессеница и, как следствие, тяжелое экономическое положение крестьянского и «инородческого» населения, голод и увеличение смертности. Эти факты бросали тень на местную администрацию, как не предпринявшую своевременных мер для предотвращения масштабных трагедий, а также могли способствовать возникновению панических настроений и беспорядков среди жителей, а потому были нежелательны для нее с точки зрения публичной огласки. В ряде заметок находим прямые указания на недостаточность или отсутствие помощи населению со стороны властей. Встречаемые в материалах фразы: от эпидемии скарлатины «умирают массами»⁹, «ждут холеру... ждут назмы... сожгли одну деревню»¹⁰, «деятельность властей до сих пор выразилась в указании владельцам следить за скотом и сообщать о случаях падежа»¹¹, помочь голодающим дана «как мертвому кадо»¹² и др. не только обращали внимание местной цензуры, но и, как правило, запрещались к печати.

Почти половина вышеуказанных материалов (20 единиц) относится к 1897 и 1898 гг. Отметим, что именно в 1897 г. Министерство внутренних дел запретило до появления официальной информации публиковать сведения о появлении чумных и других эпизоотий. А в 1898 г.

⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К-989. Д. 110. Л. 264.

⁶ Там же. Л. 81–82.

⁷ Там же. Оп. 1. К-98. Д. 7. Л. 5, 26, 36–40.

⁸ Там же. Оп. 3. Д. 149. Л. 1–12.

⁹ Там же. Ф. 32. Оп. 1. К-88. Д. 1994. Л. 39–45.

¹⁰ Там же. Ф. 25. Оп. 30. К-1394. Д. 16. Л. 32–33.

¹¹ Там же. Оп. 10. К-989. Д. 110. Л. 125.

¹² Там же. Л. 357–363.

вышло дополнительное распоряжение с запретом публикации сообщений о распространении эпидемии в России¹³.

Рабочий вопрос мало представлен в материалах цензурной переписки этого периода. Сведения о тяжелых условиях труда приисковых рабочих, случаи забастовок и столкновений последних с казаками и полицией отражены лишь в трех корреспонденциях. И еще одна статья А. П. Щапова «Что такое рабочий народ в Сибири?» (№ 11 газеты «Сибирь» за 1876 г.) проводит мысль о невыносимом положении рабочего класса в Сибири в целом и эксплуатации его капиталистами¹⁴.

Равнодушие и попустительство сибирских чиновников также отмечается в корреспонденциях о тяжелом положении переселенцев, взаимоотношениях русских и «инородцев».

В этой же тональности написана еще одна часть материалов (всего 33 единицы), описывавшая конкретные случаи краж, разбоя, убийств, побегов из тюрьмы. В них обязательно подчеркивалось, что количество преступлений неуклонно растет. Обвинения в бездействии местных властей и особенно полиции ярко прослеживаются в таких замечаниях авторов, как «по улицам открыто разгуливают воры»¹⁵, «городовых поблизости не оказалось»¹⁶, «на крики о помощи, грабят, никто из 3 полицейской части не вышел»¹⁷, «...несмотря на частые... грабежи, местная администрация даже не додумается устроить обходы, даже нет ночных караульных»¹⁸ и т. д. Поэтому неудивительным является тот факт, что 12 марта 1901 г. Главное Управление по делам печати разослало всем губернаторам циркуляр за № 2099, согласно которому временно было запрещено публиковать статьи и известия, порицающие и «враждебно настраивающие читателей против полиции»¹⁹.

Материалы о неудовлетворительной работе государственных учреждений (всего 30 единиц), прежде всего, не входящих в аппарат управления и служащих нуждам населения, также косвенным образом свидетельствовали против местной администрации, как показатель халатности и отсутствия надзора за их деятельностью со стороны чиновников. В большинстве случаев речь шла о конкретных образовательных и медицинских учреждениях. В первых нарушения в основном касались плохого питания, отсутствия отопления в классах, невыплаты жалованья учителям и наличия телесных наказаний: во вторых – сводились к несвоевременному оказанию или неоказанию медицинской помощи, постановке неправильных диагнозов, плохим условиям содержания больных, низкому нравственному уровню медицинского персонала. Небольшая часть заметок была посвящена беспорядкам на железной дороге. В 1897–1898 гг. в поле зрения цензуры оказываются корреспонденции, критикующие работу почтово-телеграфного ведомства (огромные очереди, медленность работы телеграфа и т. п.). Именно в 1897 г., учитывая рост вышеуказанных сообщений в сибирской прессе, министр внутренних дел дал указание «подобные статьи, дискредитирующие это ведомство, не дозволять к печати»²⁰. Как видим, тематика выявленных материалов соприкасалась с тем перечнем запретов, которые публиковало из года в год Министерство внутренних дел.

Одна заметка из представленных материалов посвящена работе такого учреждения в структуре местной власти, как Иркутский окружной суд, и повествует о нелегких условиях службы самих чиновников (большой объем работы, отсутствие перерывов, плохое питание). Признавая достоверность сообщаемых в ней сведений, Председатель Иркутского окружного суда считал невозможным ее публикацию в печати, поскольку та «может привести к недовольству служащих»²¹. Оглашение информации об отсутствии заботы власти не только о населении,

¹³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К-990. Д. 119. Л. 35.

¹⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 9. К-2038. Д. 176. Л. 22–24.

¹⁵ Там же. Ф. 32. Оп. 1. К-88. Д. 1994. Л. 39–45.

¹⁶ Там же. Ф. 25. Оп. 10. К-1015. Д. 948. Л. 3–6.

¹⁷ Там же. К-988. Д. 110. Л. 328.

¹⁸ Там же. Д. 109. Л. 141–142.

¹⁹ Там же. К-990. Д. 119. Л. 88.

²⁰ Там же. К-988. Д. 101. Л. 168.

²¹ Там же. К-989. Д. 110. Л. 279.

но и о своих подчиненных могло нанести ей репутационный ущерб, вызвав недопустимые волнения в ее рядах, а потому было также в списке запретных тем.

Обращает на себя внимание тот факт, что в поле зрения цензуры мало материалов относительно злоупотреблений церковной администрации (всего восемь единиц). Их содержание разнопланово: от описания случаев безнравственного поведения сельских священников (игра в карты, участие в драке и т. п.) до сведений о тяжелом земельном положении крещеных бурят и плачевном состоянии церковно-приходских школ в Якутской области. Большая часть из них была запрещена к печати, и всегда в тех случаях, когда действия цензора согласовывались с мнением служителей церкви. По меткому выражению Ю. Л. Мандрика, в этом отношении священнослужители имели «охранную грамоту» [2008. С. 112].

Характер злоупотреблений должностных лиц в некоторых материалах не удалось установить. Несмотря на это, в целом можно сказать: на первом месте по числу обращаемых на себя внимание со стороны цензуры материалов были корреспонденции и заметки, содержащие сообщения о халатности и бездействии властей. На втором месте идут описания случаев превышения властных полномочий.

Только 16 материалов, вызвавших цензурную переписку, освещают вопросы общего характера. В подавляющем большинстве это статьи. Они содержат критику различных законодательных норм (городовое положение Иркутска), негативную оценку реализации государственных программ среди населения (проведение землеустройства в Восточной Сибири); проекты и предложения, идущие вразрез с официальной политикой (организация сети «иностранных» школ с преподаванием на родном языке и открытие доступа бурятам в высшие учебные заведения) и т. п. Более серьезные вопросы, связанные с изменениями государственного устройства, даны лишь в одной статье, запрещенной к размещению в № 144 за 1897 г. «Восточного обозрения», представляющей собой перепечатку из «Биржевых ведомостей» с воспоминаниями доктора Белоголового о проекте М. Т. Лорис-Меликова 1881 г.²²

В этой группе материалов отметились и «Иркутские губернские ведомости». В 1902 г. в передовой статье (№ 41) издание позволило себе указать на некоторые недостатки крестьянской реформы 1861 г. и выразить надежду на исправление их в будущем. По словам начальника Главного управления по делам печати кн. Н. В. Шаховского, газета не только вышла за обозначенные ей законом рамки, в ней были «высказаны суждения... не соответствующие политике правительства... служащие отголоском мнений частных газет либерально-го направления»²³. Только заступничество иркутского губернатора спасло редактора губернских ведомостей от увольнения от занимаемой должности²⁴.

В материалах этого периода революционная тематика не встречается. Исключением могла бы стать публикация в 1881 г. газетой «Сибирь» стенографического отчета о суде над народовольцами, искусно скомпонованного путем подбора отдельных выдержек таким образом, чтобы создать у читателей позитивный образ революционеров. Однако местная цензура не обратила на него внимание. Зато оно появилось у министра внутренних дел, потребовавшего «привести газету в законные рамки»²⁵.

Большой содержательной разницы между запрещенным материалом и пропущенным в печать, вызывавшим затем переписку местной администрации, нет, как нет существенной разницы и в количественном отношении. 100 материалов были запрещены; 126 – пропущены; 28 – пропущены частично, в урезанном виде; в отношении 13 действия цензуры не удалось установить. Отсутствие различий между пропущенным и не пропущенным в печать материалом доказывает ранее высказывавшиеся выводы о том, что плохо отлаженный механизм работы местной цензуры приводил к тому, что один и тот же материал в один день разрешался к печати, а в другой мог быть не допущен [Гольдфарб, 2002. С. 156].

²² ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К-988. Д. 109. Л. 93.

²³ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 131. Л. 19 об.

²⁴ Там же. Л. 20.

²⁵ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 922. Л. 57–58.

За второй период, начиная с 24 ноября 1905 г., в нашем распоряжении имеются 119 материалов различной жанровой направленности. Их качественный и количественный состав несколько отличается от материалов предыдущего периода.

Несмотря на то, что по-прежнему присутствуют заметки и корреспонденции, сообщающие читателям о разнообразных преступлениях и проступках конкретных должностных лиц (в содержательном плане спектр этих злоупотреблений ничем не отличается от первого периода), их количество незначительно (всего найдено 20 единиц материала). Большую же часть представляют статьи, содержащие общие рассуждения о недостатках государственного строя (всего 89 единиц, или 75 %). Такое изменение количественного соотношения материалов происходит за счет появления революционной тематики (76 единиц). Она присутствует в представленных материалах в основном за 1905 и 1906 гг., что является закономерным, учитывая накал революционной борьбы в эти годы. Материалы с революционной тематикой, обратившие внимание цензуры, включают в себя сообщения о проходящих съездах и митингах партий левого толка, изложение принятых на них программ, манифестов, революционных речей с призывом к свержению правительства, отказу от государственных платежей и исполнения воинской повинности; сведения о произведениях поэтов-социалистов и др.

В отличие от предыдущего периода рабочий вопрос здесь рассматривается в рамках революционной темы. Главный акцент делается не на простой констатации фактов тяжелого положения рабочего класса и бездействии власти, а на борьбе рабочих с буржуазией с помощью стачек и забастовок, создании различного рода комитетов с революционными задачами.

Помимо вышеуказанной тематики в статьях общего характера (всего 13 единиц) присутствует негативная оценка деятельности правительства и III Государственной Думы, содержится критика судебной системы и политических репрессий, в том числе и в отношении прессы, поднимаются такие вопросы, как национальный, вопросы городского самоуправления, вопрос о земстве в Сибири и др. Деятельность православной церкви отражена в материалах цензурной переписки лишь в одной статье.

Сравнивая оба периода, можно заметить разницу не только в количественном и качественном составе представленных материалов, но и в действиях цензуры по отношению к ним. Их анализ за первый период показывает, что по содержанию заметок и корреспонденций, даже тех, которые не были пропущены в печать, в большинстве случаев проводилась проверка, которая могла в случае необходимости перерасти в полноценное следствие. Если информация о каких-либо должностных нарушениях подтверждалась, чиновнику грозило наказание в зависимости от тяжести преступления от небольшого дисциплинарного взыскания до увольнения с занимаемой должности и судебного разбирательства. Вот лишь несколько эпизодов эффективности использования местной администрацией материалов сибирских изданий. В газете «Сибирь» за 1876 г. не была пропущена корреспонденция из Енисейского округа, в которой сообщалось о наказании местным участковым заседателем розгами пожилого крестьянина за неуплату недоимки. В результате проведенного расследования представитель сельской власти был предан суду и уволен с занимаемой должности²⁶. В № 13 от 22 января 1897 г. в газете «Восточное обозрение» не была разрешена к печати заметка из Черемхово, Балаганского округа о росте грабежей и убийств. Однако уже 3 февраля было отдано распоряжение об учрежденииочных разъездов по дорогам в целях предупреждения преступлений²⁷. В том же году к публикации в № 34 той же газеты были запрещены стихи «Школьная быль», свидетельствовавшие о плачевном положении бирюльского училища Верхоленского округа Якутской области по вине местных властей (отсутствие дров, невыплата жалованья учителю). Результатом проведенного дознания стало устранение всех вышеуказанных нарушений. На сельского старосту было наложено взыскание в виде ареста

²⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К-2038. Д. 176. Л. 67, 83–85.

²⁷ Там же. Ф. 25. Оп. 10. К-988. Д. 101. Л. 68, 98, 99.

на пять суток. Земскому заседателю 1-го участка округа по приказанию иркутского генерал-губернатора был сделан выговор²⁸.

Письменные запросы о проверке достоверности сообщений и принятых мерах по устранению беспорядков в случае подтверждения фактов отправлялись и первым лицам территории, и начальникам, возглавляющим отдельно взятые государственные учреждения и структуры.

По поводу некоторых пропущенных в печать статей и заметок следовало письменное обращение цензора к соответствующим начальствующим лицам с просьбой обратить внимание на данные публикации.

Некоторые представители высшего корпуса местной администрации понимали ту несомненную пользу, которую могла оказать сибирская пресса в деле повышения эффективности управления краем. Так, иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин «просил приносить ему гранки, говоря, что даже если материалы не пойдут в печать по цензурным соображениям, благодаря им он будет лучше знать положение края и при необходимости сможет принимать меры» [Кузнецов, 2010. С. 77]. О внимании генерал-губернатора к излагаемым в корректурных листах проблемам говорят следующие примеры. По поводу не пропущенной в № 7 «Восточного обозрения» за 1898 г. статьи о неправильном распределении врачей и фельдшеров в Иркутской губернии, в результате чего Урик с пятью деревнями лишился даже фельдшера, А. Д. Горемыкин попросил предоставить план Иркутского округа с обозначением границ участков врачей²⁹. В № 13 газеты он не только разрешил к печати статью из Усолья о вреде открытия для населения частных кабаков, но и обратился к министру государственных и земельных имуществ с письменной просьбой прекратить выдачу разрешений на открытие в поселении новых увеселительных заведений подобного типа³⁰.

Также отметим присутствие сравнительно небольшого количества судебных дел в отношении редакторов по отношению к общей массе представленных материалов в этот период. Мы нашли лишь 21 эпизод, по которому редакторы газет и журналов были привлечены к уголовной ответственности в судебном порядке. Возбуждение уголовных дел в основном происходило по инициативе «обиженных» сибирской прессой должностных лиц.

С 1905 г. ситуация меняется. Действия цензуры в основном носят карательный характер. Из 119 материалов лишь в отношении двух проведена проверка достоверности их содержания. В большинстве же случаев редакторы привлечены к судебному разбирательству, которое становится основным принципом работы цензуры. Результатом большинства судебных дел в этот период являются обвинительные приговоры, по которым редакторы подвергнуты аресту, тюремному заключению или административным штрафам. Во всех случаях номера газет арестованы; в некоторых приостановлен выпуск самого издания до вынесения судебного решения.

Анализ действий цензуры, исходя из представленных материалов, подтверждает ранее высказывавшуюся мысль о том, что отношение местной администрации к сибирской прессе менялось в разные периоды. Если до 1905 г. оно носило двойственный характер: присутствовали не только контроль и запреты, но и моменты сотрудничества, например, в деле раскрытия должностных преступлений, решения проблем населения, помощи в предоставлении точных сведений о различных аспектах народной жизни и т. п., то в 1905 г. стало открыто враждебным. Революционные выступления заставили администрацию усмотреть в печати, оппозиционной власти, реальную угрозу существующему государственному порядку и предпринять ответные меры по установлению контроля над ней [Гимельштейн и др., 2007. С. 101].

Таким образом, до 1905 г. местная цензурная практика имела свои характерные черты, сводившиеся к повышенному вниманию к конкретным фактам, задевающим интересы местной власти, и незначительному – к общим рассуждениям критического характера, содержав-

²⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К-988. Д. 10. Л. 115.

²⁹ Там же. Д. 109. Л. 33–34, 42.

³⁰ Там же. Л. 82.

шимся в материалах сибирской прессы. Данную закономерность можно объяснить, тем, что цензура обращала свой взор в первую очередь на те сведения, которые могли нанести наибольший репутационный ущерб именно местной администрации, вызвать беспорядки и волнения на местах и тем самым привлечь нежелательное внимание со стороны центра. Обвинения в бездействии и халатности сибирских чиновников и превышении должностных полномочий являлись самыми распространенными темами сообщений, которые попадали в поле зрения цензоров. Плохо отлаженный механизм работы цензуры приводил к тому, что тематика не разрешенных и пропущенных в печать материалов существенно ничем не отличалась между собой. С 1905 г. внимание местной цензуры смещается в сторону статей общей критической направленности. Количество последних за счет появления в этот период революционной тематики резко увеличивается и преобладает над материалами с описанием конкретных фактов злоупотреблений властей.

Местная цензурная практика на протяжении второй половины XIX – начала XX в. претерпевала существенные изменения и под воздействием ряда факторов общероссийского значения (ситуация в стране, государственная политика и, соответственно, законодательство в отношении печати и др.). В пореформенный период сибирская пресса рассматривалась местной администрацией не только в качестве объекта контроля, но и временного помощника в деле повышения эффективности управления краем. Поэтому в действиях цензуры наблюдаются не только запреты, но и всяческие проверки и расследования по фактам, изложенным в корректурных листах. После 1905 г. местная пресса, оппозиционная власти, воспринимается в связи с революционными событиями как угроза стабильности государственной системы. Соответственно, все действия цензурного механизма, в том числе и в Сибири, направлены на усиление контроля над ней. Отсюда и резкое увеличение судебных дел в отношении редакторов, и меры административного воздействия.

Полученные в результате исследования выводы помогут в изучении проблем, связанных с особенностями освещения сибирскими изданиями тем, затрагивающих интересы местной администрации. Также основой для дальнейших исследований должно быть последовательное решение двух вопросов. Первый: являются ли выявленные закономерности в сибирской цензурной практике местной особенностью или это общий подход, характерный и для высшей цензурной инстанции. Второй вопрос: если это все же местная особенность, то является ли она специфической чертой Сибири, или ее можно отнести к провинции в целом.

Список литературы

- Блохин В. Ф.** Провинция газетная: Государственное управление периодической печатью и становление печатного дела в российской провинции (1830-е – 1870-е гг.). Брянск: Курсив, 2009. 384 с.
- Воробьев В. В.** Либерально-буржуазная печать Сибири в общественно-политической жизни края в 1907–1914 гг. Омск: Изд-во ОМГУ, 2003. 124 с.
- Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Сенина Е. А.** Образ «кинородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 320 с.
- Гольдфарб С. И.** Газетное дело в Сибири: Первая половина XIX – начало XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. 312 с.
- Гринченко Н. А.** Цензурное ведомство и его чиновники (1804–1863 гг.) // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. СПб., 2013. С. 192–227.
- Жилякова Н. В.** Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. 446 с.
- Жилякова Н. В.** «Сибирская печать вообще отличается пессимистическим направлением...»: цензурная оценка публикаций «Сибирской жизни» конца XIX века // Век информации. СПб., 2016. № 3. С. 11–19.

- Жилякова Н. В.** Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) // Вестник ТГУ. Сер. Филология. 2009. № 3. С. 102–115.
- Жирков Г. В.** История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект-Пресс, 2001. 368 с.
- Кузнецов А. А.** Из истории взаимодействия чиновников МВД и периодической печати Восточной Сибири во второй половине XIX века // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2010. № 4 (55). С. 68–81.
- Кузнецов А. А., Аграфонов М. Ю.** Чиновники и периодическая печать Восточной Сибири во второй половине XIX века. Контроль и сотрудничество // Изв. ИГУ. Серия: История. 2014. Т. 9. С. 72–77.
- Мандрика Ю. Л.** Провинциальная частная печать и цензура // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2008. № 1. С. 109–120.
- Мандрика Ю. Л.** Цензура как регулятор идеологических рисков гласности (практика применения законодательства о печати в сибирской провинции в XIX в.) // Тр. ГПНТБ СО РАН. 2013а. № 3. С. 9–26.
- Мандрика Ю. Л.** Цензура поэтики и поэтика цензуры: коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX – начала XX в. в жанре patchword. Тюмень, 2013б. Ч. 1. 300 с.
- Миханев А. П.** Периодическая печать Красноярска в общественно-политической жизни Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1998. 181 с.
- Морозова Н. Н.** Администрация Западной Сибири и местная пресса (1857–1866 гг.): Автограф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 32 с.
- Патрушева Н. Г.** Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. 620 с.
- Сенина Е. А.** Цензурные условия репрезентации образа власти на страницах газеты «Восточное обозрение» // Материалы Всерос. науч. конф. «Сибирское общество в контексте мировой и российской истории (XIX–XX вв.)», посвящ. 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. Иркутск, 2010. С. 413–418.
- Шевцов В. В.** «Пасынок сибирской печати»: неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» 1900–1919 годов // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2013. № 2 (12). С. 40–53.
- Шевцов В. В.** «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 414 с.
- Шевцов В. В.** Цензурная практика в отношении губернских ведомостей в Сибири // Цензура в России: История и современность: Сб. науч. тр. СПб., 2015. Вып. 7. С. 192–205.

Список источников

- Потанин Г. Н.** Письма: В 5 т. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987. Т. 1. 280 с.
- Свод законов Российской империи: В 34 т. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1857. Т. 3: Уставы о службе гражданской. 1416 с.

References

- Blokhin V. F.** Provintsiya gazetnaya: Gosudarstvennoe upravlenie periodicheskoi pechat'yu i stannovlenie pechatnogo dela v rossiiskoi provintsii (1830-e – 1870-e gg.) [Newspaper Province: State Control of Periodicals and Formation of Printing in the Russian Province of the 1830s – 1870s]. Bryansk, Kursiv Publ., 2009, 384 p. (in Russ.)
- Goldfarb S. I.** Gazetnoe delo v Sibiri: Pervaya polovina XIX – nachalo XX v. [Newspaper Business in Siberia: First Half of 19th – the Beginning of 20th Century]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002, 312 p. (in Russ.)

- Grinchenko N. A.** Tsenzurnoe vedomstvo i ego chinovniki (1804–1863gg.) [Censorship Department and its Officials (1804–1863)]. In: Tsenzura v Rossii: istoriya i sovremennoст' [Censorship in Russia: History and Modernity]. Collected Papers. St. Petersburg, 2013, p. 192–227. (in Russ.)
- Himelstein A. V., Dameshek L. M., Senina E. A.** Obraz “inorodtsev” na stranitsakh sibirskoi periodicheskoi pechati (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The Image of “Inorodets” on the Pages of the Siberian Periodical Press (Second Half of 19th – Early 20th Century)]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya, 2007, 320 p. (in Russ.)
- Kuznetsov A. A.** Iz istorii vzaimodeistviya chinovnikov MVD i periodicheskoi pechati Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX veka [From the History of Interaction between Officials of the Ministry of Internal Affairs and Periodicals of Eastern Siberia in the Second Half of 19th Century]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii* [Bulletin of Eastern-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2010, no. 4 (55), p. 68–81. (in Russ.)
- Kuznetsov A. A., Agrafonov M. Yu.** Chinovniki i periodicheskaya pechat' Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX veka. Kontrol' i sotrudnichestvo [Officials and Periodicals of Eastern Siberia in the Second Half of the 19th Century. Control and Cooperation]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History], 2014, vol. 9, p. 72–77. (in Russ.)
- Mandrika Yu. L.** Provintsial'naya chastnaya pechat' i tsenzura [Provincial Private Press and Censorship]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University, series 10: Journalism], 2008, no. 1, p. 109–120. (in Russ.)
- Mandrika Yu. L.** Tsenzura kak reguljator ideologicheskikh riskov glasnosti (praktika primeneniya zakonodatel'stva o pechati v sibirskoi provintsii v XIX v.) [Censorship as a Regulator of the Ideological Risks of Transparency (Practical Experience of Applying Legislation about the Press in Siberia in the 19th Century)]. *Trudy Gosudarstvennoi publicnoi nauchno-tehnicheskoi biblioteki SO RAN* [Works of the State Public Scientific and Technical Library, Siberian Branch of Russian Academy of Science], 2013, no. 3, p. 9–26. (in Russ.)
- Mandrika Yu. L.** Tsenzura poetiki i poetika tsenzury: kollektsiya svedenii o sibirskoi chastnoi pechati kontsa XIX – nachala XX v. v zhanre patchword [Censorship of Poetics and Poetics of Censorship: Data Collection about the Siberian Private Press of the Late 19th – Early 20th Century in the Genre of Patchword]. Tyumen, 2013, pt. 1, 300 p. (in Russ.)
- Mikhanev A. P.** Periodicheskaya pechat' Krasnoyarska v obshchestvenno-politicaleskoi zhizni Eniseiskoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Periodicals of Krasnoyarsk in Public and Political Life of the Yenisei Province in the Second Half of 19th – Beginning of 20th Centuries]. Dissertation of Cand. Hist. Sci. Krasnoyarsk, 1998, 181 p. (in Russ.)
- Morozova N. N.** Administratsiya Zapadnoi Sibiri i mestnaya pressa (1857–1866 gg.) [Western Siberia Administration and the Local Printed Media (1857–1866)]. Abstract of Dissertation of Cand. Hist. Sci. Novosibirsk, 2009, 32 p. (in Russ.)
- Patrusheva N. G.** Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoi sisteme Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Censorship Department in the State System of Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. St. Petersburg, Severnaya zvezda, 2013, 620 p. (in Russ.)
- Senina E. A.** Tsenzurnye usloviya reprezentatsii obraza vlasti na stranitsakh gazety “Vostochnoe obozrenie” [Censorship Conditions for Representation of the Image of Power on the Pages of the Newspaper “Eastern Review”]. In: Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii “Sibirskoe obshchestvo v kontekste mirovoi i rossiiskoi istorii (XIX–XX vv.)”, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya general-gubernatora Vostochnoi Sibiri N. N. Murav'yeva-Amurskogo [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference “Siberian Society in the Context of the World and Russian History (19th – 20th Centuries)”, Dedicated to the 200th Birthday Anniversary of the Governor-General of Eastern Siberia N. N. Muravyov-Amursky]. Irkutsk, 2010, p. 413–418. (in Russ.)

- Shevtsov V. V.** “Pasynok sibirskoi pechati”: neofitsial’naya chast’ “Irkutskikh gubernskikh vedomostei” 1900–1919 godov [“Stepson of the Siberian Press”: Informal Part of the “Irkutsk Provincial Sheets” 1900–1919]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences]*, 2013, no. 2 (12), p. 40–53. (in Russ.)
- Shevtsov V. V.** “Tomskie gubernskie vedomosti” (1857–1917 gg.) v sotsiokul’turnom i informacionnom prostranstve Sibiri [“Tomsk Provincial Sheets” (1857–1917) in the Sociocultural and Information Space of Siberia]. Tomsk, Izdatel’stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, 414 p. (in Russ.)
- Shevtsov V. V.** Tsenzurnaya praktika v otnoshenii gubernskikh vedomostei v Sibiri [Censorship Practice towards Provincial Records of Siberia]. In: *Tsenzura v Rossii: Istoriya i sovremennost’ [Censorship in Russia: History and the Present]*. Collected papers. St. Petersburg, 2015, iss. 7, p. 192–205. (in Russ.)
- Vorobyev V. V.** Liberal’no-burzhuaznaya pechat’ Sibiri v obshchestvenno-politicheskoi zhizni kraja v 1907–1914 gg. [Liberal Bourgeois Press of Siberia in the Social-and Political Life of the Region in 1907–1914]. Omsk, Izdatel’stvo Omskogo universiteta, 2003, 124 p. (in Russ.)
- Zhilyakova N. V.** “Sibirskaya pechat’ voobshche otlichaetsya pessimisticheskim napravleniem...”: tsenzurnaya otsenka publikatsii «Sibirskoi zhizni» kontsa XIX veka [“The Siberian Press in General is Characterized by Pessimistic Direction...”: Censorship Assessment of Publications of «The Siberian Life» in the End of the 19th Century]. In: *Vek informatsii [Age of Information]*. St. Petersburg, 2016, no. 3. p. 11–19. (in Russ.)
- Zhilyakova N. V.** Tsenzurnaya istoriya gazety “Sibirskaya zhizn” (1894–1919, g. Tomsk) [History of Censorship towards Newspaper “Siberian Life” (1894–1919, Tomsk)]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Seriya Filologiya [Bulletin of the Tomsk State University. Journal of Philology]*, 2009, no. 3, p. 102–115. (in Russ.)
- Zhilyakova N. V.** Zhurnalista goroda Tomska (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitiye [Journalism in Tomsk (19th – Beginning of 20th Century): Formation and Development]. Tomsk, Izdatel’stvo Tomskogo universiteta, 2011, 446 p. (in Russ.)
- Zhirkov G. V.** Iстория цензуры в России XIX–XX vv. [History of Censorship in Russia in 19th – 20th Centuries]. Moscow, Aspekt-Press, 2001, 368 p.

Sources

- Potanin G. N.** Pis’ma [Letters]. In 5 vols. Irkutsk, Izdatel’stvo Irkutskogo universiteta, 1987, vol. 1, 280 p. (in Russ.)
- Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Digest of Laws of the Russian Empire]. In 34 vols. St. Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1857, vol. 3: Ustavy o sluzhbeye grazhdanskoi [Statutes of the Civil Service], 1416 p. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию

Received

15.03.2019

Сведения об авторах

Невмержицкая Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия)
senina-elena@yandex.ru

Рабинович Владимир Юльевич, кандидат исторических наук, зав. кафедрой рекламы факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия)
rabinovichv@mail.ru

Information about the Authors

Elena A. Nevmerzhitskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Advertising Department of the Faculty of Service and Advertising, Irkutsk State University (1 Karl Marx Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation)
senina-elena@yandex.ru

Vladimir Yu. Rabinovich, Candidate of Historical Sciences, the Head of Advertising Department of the Faculty of Service and Advertising, Irkutsk State University (1 Karl Marx Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation)
rabinovichv@mail.ru

УДК 94 (47).083
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-89-101

Военная печать в борьбе за реформы: газета «Военный голос» и ее сотрудники (1906 год)

A. Ю. Фомин

*Санкт-Петербургский институт истории РАН
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Рассматривается история возникшей на волне революции в конце 1905 г. первой в России частной, независимой военной газеты «Военный голос». Особое внимание уделяется представленным в газете политическим идеям, оценке авторами текущего положения дел в стране, их видению того, как свершающиеся на глазах масштабные государственные преобразования должны отразиться на вооруженных силах. На основе сведений, собранных об авторах и сотрудниках редакции газеты, удалось провести просопографическое исследование и создать своего рода обобщенный социально-психологический портрет деятелей сформировавшегося вокруг «Военного голоса» кружка представителей молодого поколения интеллектуальной элиты русской армии.

Ключевые слова

Русско-японская война, революция 1905–1907 гг., военная интелигенция, военная периодическая печать, «Военный голос»

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90046

Для цитирования

Фомин А. Ю. Военная печать в борьбе за реформы: газета «Военный голос» и ее сотрудники (1906 год) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 89–101. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-89-101

Military Press in Struggle for Reforms: Newspaper “Voennyi Golos” and Its Personnel (1906)

A. Yu. Fomin

*St. Petersburg Institute of History RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

Tremendous defeat in a war against Japan, that shortly before was not considered as “civilized nation”, questioned capability of tsarist autocracy to maintain Russia’s credibility as a great power. Failure of the Russian army, which was more or less as strong as the Japanese one in terms of numbers and weapons, to deliver victory in any major battle became a subject of scrupulous reflection among military professionals. Shocking combat experience inspired military thought. The decade after the Russo-Japanese war has passed under the sign of “military renaissance”. If some people preferred to explain poor performance of the Russian army mostly by incompetence of particular commanders, others saw deeper reasons – the whole ineffective and malicious Russian government system couldn’t provide a war victory. Crucial changes in political environment during the First Russian revolution of 1905–1907 provided the second group with a possibility to advocate their views in a public sphere. The article deals with the history of the first Russian pri-

© А. Ю. Фомин, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 8: History

vate, independent military newspaper “Voennyi Golos” founded at the end of 1905. Political ideas and sympathies, reviews of current political situation, speculations about how legislative and administrative changes would or could affect the army expressed on the pages of the newspaper are subjects of particular interest for the author. The article provides prosopographic study of a group of young military intellectuals, which formed around “Voennyi Golos”, based on the evidence collected about this newspaper’s authors and employees.

Keywords

Russo-Japanese war, Russian Revolution of 1905, military intellectuals, military periodicals, “Voennyiy Golos”

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project no. 19-39-90046

For citation

Fomin A. Yu. Military Press in Struggle for Reforms: Newspaper “Voennyi Golos” and its Personnel (1906). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 89–101. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-89-101

В начале XX в. шедшее по пути углубления профессионализации российское военное общество нуждалось в регулярном обмене экспертными мнениями и возможности оказывать влияние на механизмы принятия решений. Печать являлась для него средством транслирования различных взглядов и идей в публичном пространстве.

Обращение к военной печати как к голосу профессионального сообщества – не самый востребованный прием для исследований в области истории российских вооруженных сил. История российской военной периодики мало изучена. Пожалуй, единственным фундаментальным исследованием по теме является докторская диссертация С. Б. Белогурова [1997]. Следует отметить недавнюю работу Д. В. Пирогова [2016]. Он изучил публикации о «подготовке русской армии к войне» в пяти, по его мнению, ведущих военных изданиях страны за период с 1905 по 1914 г. Однако исследований, посвященных «Военному голосу», на сегодняшний день не обнаружено. В литературе практически не встречаются и ссылки на публикации этого издания. Исключение составляют работы Уильяма Фуллера [Fuller, 1985. P. 198–201] и В. Л. Кожевина [2011. С. 40, 62, 64].

До 1905 г. российская военная периодика была представлена почти исключительно официальными и официозными изданиями. Интересы центральной и местной военной администрации являлись решающим фактором при формировании редакционной политики. В реалиях первой половины 1900-х гг. у органов военной печати не существовало возможностей для систематического отстаивания независимой позиции. Многое изменилось в результате расширения политических свобод, произошедшего в ходе революции 1905–1907 гг. Характерный для того периода рост общественной активности в определенной степени затронул и военную среду, традиционно считающуюся инертной и консервативной.

После окончания боевых действий на Дальнем Востоке часть российского офицерства испытывала потребность в свободном публичном обсуждении итогов Русско-японской войны, которая, по указанным выше причинам, не могла быть удовлетворена на страницах существовавших военных изданий. В. А. Березовский, редактор-издатель единственного к тому моменту частного и коммерчески успешного органа военной печати – журнала «Разведчик», в свое время потратил слишком много усилий на то, чтобы убедить недоверчивую администрацию в полезности и благонадежности своего издания. Он был не готов поставить под удар свое успешное предприятие, выказывая излишнюю независимость суждений и тем самым рискуя потерять с трудом завоеванную благосклонность министерства¹. Не могла соответствовать предъявляемым требованиям и гражданская печать, хотя и более независимая, но для профессиональных военных имевшая слишком мало авторитета в том, что касалось вооруженных сил.

¹ Издательство Березовского выпускало массу справочных и образовательных брошюр, предназначавшихся для офицеров, учащихся военно-учебных заведений и нижних чинов, получавших санкцию на распространение в войсках (и мощнейшую бесплатную рекламу) в виде циркуляров Главного штаба, рекомендовавших их к прочтению (РГВИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 736. Л. 160, 183, 280; Д. 775. Л. 79–80, 84; Ф. 400. Оп. 3. Д. 5299. Л. 39–40).

В этих условиях в конце 1905 г., в установившейся атмосфере политической неопределенности и ожиданий основополагающих реформ, в Петербурге группой офицеров была основана первая в России «частная, независимая военно-общественная газета “Военный голос”». При всех прочих предпосылках появление этого полностью легального органа было бы все равно невозможно без изменений в законодательстве о печати, внесенных императорским указом от 24 ноября 1905 г. «Временными правилами» 24 ноября окончательно упразднялась предварительная цензура, а главное – запрещалось внесудебное (административное) преследование периодической печати, что положило начало настоящему газетному буму. К хору различных «голосов» прибавился и «Военный голос».

Газета начала выходить с 1 января 1906 г. В редакционной статье, помещенной в первом номере «Военного голоса», была отчетливо отражена «программа» издания: «редакция “Военного голоса” теперь же считает нужным заявить, что она будет стремиться к согласованию предстоящих военных реформ с возвещенными Высочайшим Манифестом 17-го октября 1905 года “незыблыми” принципами нового государственного устройства России», поскольку «было бы пагубным заблуждением думать, что это великое ответственное дело (реформирование вооруженных сил. – А. Ф.) может быть совершено теми же приемами, теми же путями и средствами, которыми оно вершилось до сих пор и которые привели наши военные силы к Мукдену и Цусиме с одной стороны, к Владивостоку, Кронштадту, Севастополю – с другой» (Военный голос, 1906. 1 янв. С. 1).

В первом же материале новой военной газеты было сделано значимое политическое заявление. По мнению редакции «Военного голоса», успешные реформы в армии были возможны только при условии перестройки всей государственной жизни России на «новых (имеется в виду конституционных. – А. Ф.) началах». Давняя аксиома освободительного движения, согласно которой никакие современные и «прогрессивные» явления государственной жизни невозможны при сохранении бесконтрольного произвола бюрократии, была воспринята и частью военной среды.

По мнению одного из авторов «Военного голоса» – подполковника Генерального штаба Д. П. Парского, искусственно сдерживающий, умаляющий «силы народа» государственный строй не мог не оказать пагубного влияния на исход войны: «Наш государственный режим – режим бюрократии, господства и привилегий высших классов и небрежения интересами низших – не мог не оказаться во всей своей полноте в таком сложном явлении, как война» [Парский, 1906. С. 11]. В такой парадигме мысли вполне естественным выглядит сравнение Русско-японской и Крымской войн, к которому в самом деле и обращается Парский: «...чем, в самом деле, последняя кампания лучше печальной памяти Крымской? <...> Далеко ли в общем ушли мы за эти 50 лет? И что же, как не общий режим, является тормозом к лучшему?» [Там же. С. 13].

Подполковник Парский не являлся инициатором создания «Военного голоса», его нельзя отнести и к числу центральных фигур в редакции газеты. Куда более деятельным сотрудником издания являлся его сослуживец, полковник Генерального штаба В. Ф. Новицкий, впоследствии давший характеристику политических воззрений Парского и всего круга лиц, сотрудничавших в «Военном голосе» и сочувствовавших его направлению: Парский «стал в ряды нашего передового, либерального офицерства, выделившего из себя в то время сильную группу, создавшую военно-революционный орган “Военный голос”. Собственно говоря, Д. П. Парский фактически не входил в состав какого-либо кружка или партии, оставаясь беспартийным, но по духу своих идей, своих надежд и стремлений он близко примыкал к создателям и руководителям “Военного голоса”, считавшим, что армия и флот, являющиеся kostью от кости и плотью от плоти русского народа, не могут стоять вне того движения, которое охватило в то время Россию, и должны подвергнуться коренным реформам соответственно изменению политического и социального устройства страны» [Новицкий, 1922. С. 191].

Конечно, при оценке свидетельства Новицкого, нельзя не принимать во внимание обстоятельства, при которых создавался этот текст. Цитата взята из некролога Парскому, написан-

ного в 1922 г. и помещенного в журнале «Военная наука и революция». Новицкий почтил память своего давнего товарища, будучи профессором Военной академии РККА. В свою очередь, появление этого некролога в советской печати было возможно благодаря тому, что Парский также провел последние годы своей жизни на службе в Красной армии [Ганин, 2014. С. 227–231]. В этом контексте становится ясно, что определение «военно-революционный орган», которое Новицкий дал «Военному голосу», является по меньшей мере преувеличенным и в большей степени характеризует время, в которое происходила работа над текстом, чем саму газету.

В то время как делопроизводитель Главного управления Генерального штаба, полковник Новицкий, был среди активных сотрудников газеты первым по чину и служебному положению, руководителем предприятия, «душой» всего дела, являлся «скромный» обер-офицер – отставной корнет В. К. Шнеур. Кавалерийский чин корнета соответствовал пехотному подпоручику, однако именно Шнеур являлся бессменным издателем и первым редактором газеты. Его имя также носило существовавшее при «Военном голосе» небольшое книгоиздательство. Биография Шнеура полна «темных страниц» и выдает в нем ловкого авантюриста.

После Октябрьской революции корнет Шнеур оказался в числе первых кадровых офицеров, предложивших свои услуги новой власти. В ноябрьские дни 1917 г. Шнеуру довелось стать исполнителем важнейших поручений советского правительства. Его первая секретная миссия состояла в том, чтобы, перейдя линию фронта, передать немецкому командованию советское предложение о мире. Шнеур успешно справился с заданием, в ночь на 14 ноября подписав соглашение о начале мирных переговоров в Бресте. Из первого поручения логически вытекало второе. Переговоры могли состояться лишь при условии полного контроля над командными структурами армии со стороны новой власти. Соответственно, насущной необходимостью стала ликвидация могилевской Ставки, как вероятного очага сопротивления сепаратным переговорам. Хорошо зарекомендовавшему себя Шнеуру выпало руководить сосредоточением войск, предназначавшихся для занятия Ставки, в статусе начальника полевого штаба советского главкома Н. В. Крыленко. После успешного завершения операции по «владению» Ставкой главком Крыленко, минута три ступени, произвел Шнеура из корнетов в полковники. К званию добавилась почетная приставка «народный». Однако уже 24 ноября «народный полковник» был арестован по подозрению в связях с Департаментом полиции. Поводом явилось напечатанное в оборонческой газете «Полночь» («День») датируемое 1910 г. письмо Шнеура на имя тогдашнего вице-директора Департамента полиции С. П. Белецкого с предложением своих услуг в качестве сотрудника Заграничной агентуры. Несмотря на отсутствие иных доказательств сотрудничества обвиняемого с Департаментом полиции и косвенное заступничество Крыленко, новая власть объявила его лицом, «лишенным общественного доверия». Шнеур был осужден революционным трибуналом². В свою очередь, деятельное добровольное сотрудничество с советской властью и причастность к «расправе» над генералом Духониным сделали Шнеура крайне одиозной фигурой для противников большевиков [Оберучев, 1918. С. 36]. Дискредитированный со всех сторон бывший полковник оказался отвергнут и презираем ведущими политическими силами. Блестящее начало карьеры порученца новой власти, сулившее Шнеуру заметную роль в событиях разгоравшейся Гражданской войны, обернулось трехлетним заключением в «Крестах»³.

По причине отсутствия документов сложно прояснить вопрос о финансировании «Военного голоса». Если газета и стала приносить прибыль, то это произошло далеко не сразу. На запуск издания необходимы были довольно значительные средства. В статье о «Военном голосе» в Военной энциклопедии Сытина, редактором которой являлся В. Ф. Новицкий – в прошлом один из инициаторов создания газеты, говорится: «Дело было совершенно идеическое, начатое на средства, собранные вскладчину среди инициаторов, участников и сотрудни-

² ГАРФ. Ф. Р1005. Оп. 7. Д. 73. Л. 16–23.

³ Там же. Л. 23–25.

ков издания» [Военная энциклопедия, 1912. С. 584]. «Совершенная идеяность» дела как будто и не подразумевала желания добиться коммерческого успеха или даже окупаемости издания. Но откуда же все-таки пришли деньги? Едва ли небольшая группа офицеров могла начать издавать ежедневную газету в столице, рассчитывая лишь на свои скромные служебные доходы. Амбициозность предприятия предполагала более серьезные инвестиции. Скорее всего, наибольший вклад в капитал издания принадлежал бывшему гвардейскому офицеру и военному атташе российского посольства во Франции А. Н. Брянчанинову. Крупный псковский помещик, сын рязанского губернатора, а впоследствии сенатора Н. С. Брянчанинова, зять К. А. Горчакова (сына канцлера), А. Н. Брянчанинов располагал весьма значительными средствами. Помимо родовых имений, Брянчанинову принадлежал доставшийся в приданое роскошный петербургский особняк канцлера А. М. Горчакова на Большой Монетной. Военную службу Брянчанинов сменил на гражданскую, заняв выгодную должность чиновника особых поручений при департаменте железнодорожных дел Министерства финансов. Брянчанинов участвовал в деятельности «Союза 17 октября», затем состоял членом ЦК Партии прогрессистов, сотрудничал в газетах «Слово», «Страна» [Партии демократических реформ..., 2002. С. 192]. Также на средства Брянчанинова с 1908 г. издавалась газета «Псковская жизнь». К началу Первой мировой войны Брянчанинов был гласным Петербургской городской думы, членом комитета российской экспортной палаты и издателем журнала «Новое звено» [Петров, 2007. С. 487–488]. В 1906 г. Брянчанинов помещал статьи и в «Военном голосе» [Fuller, 1985. Р. 199].

Среди авторов газеты выделялась солидная группа военных юристов: П. А. Коровиченко, В. А. Апушкин, Н. П. Вишняков, В. Н. Нечаев, кн. С. А. Друцкой и А. В. Тавасташерна. В этом усматривается легко объяснимая закономерность. В начале XX в. военные юристы составляли в армии совершенно особую прослойку. Военно-юридическая академия была основана в 1866 г. по инициативе одного из лидеров либеральной партии при дворе Александра II – военного министра Д. А. Милютина. Задача академии состояла в подготовке кадров для обновленной на началах, близких к гражданской судебной реформе 1864 г., системы военных судов. В числе первых преподавателей академии был выдающийся правовед и общественный деятель либерального направления К. Д. Кавелин. В соответствии с заложенными в «милютинские» времена традициями этого заведения, которые не удалось изжить в эпоху контрреформ, его слушатели получали подготовку, практически идентичную той, что проходили гражданские юристы. На протяжении первых двух лет обучения слушатели академии вовсе не касались военной юриспруденции. Учебный процесс в академии был построен таким образом, что развитию законодательства и судебной практики конституционных государств Европы уделялось не меньшее, а иногда даже большее внимание, чем российскому уголовному и общему праву. С особенностями же функционирования военной судебной системы и спецификой военного законодательства слушатели академии начинали знакомиться лишь на последнем – третьем году обучения. Как следствие, выпускники академии по большей части были носителями того же самого «легалистского этоса», что и их коллеги – гражданские юристы, которые уже по самому своему призванию являлись поборниками законности и установления «правового строя» [Fuller, 1985. Р. 124–127]. Это приводило к множественным сбоям в случаях, когда правительство прибегало к военным судам в надежде на «скорую расправу» с государственными преступниками. Значительной части военных судей претило осуществление «карательного правосудия». Они отказывались без разбирательств и в кратчайшие сроки выносить обвинительные приговоры и, будучи связанными жесткостью военных законов, все же стремились рассматривать подробности каждого дела и зачастую изыскивали возможность для максимального смягчения участии осужденных. Именно недовольство тем, как сложенными на них карательными функциямиправляются военные суды, привело к учреждению в 1906 г. печально известных «военно-полевых» судов, где приговоры уже выносились не имеющими какой-либо юридической подготовки строевыми офицерами безо всяких лишних формальностей и процедур [Ibid. Р. 173–186]. Можно заключить, что по образованию, складу ума и убеждениям военные юристы были

ближе к либеральной интеллигенции, нежели к строевым офицерам, вместе с которыми они носили погоны царской армии.

Не имея возможности сколько-нибудь подробно рассказать обо всех остальных сотрудниках «Военного голоса», следует еще, по крайне мере, упомянуть в 1906 г. слушателя Николаевской академии, а впоследствии полковника Генерального штаба, автора воспоминаний о Русско-японской войне А. А. Рябинина; капитана Генерального штаба, будущего генерал-лейтенанта армии Финляндии и начальника финляндского генштаба О. А. Энкеля; лейтенанта, будущего командующего флотом Финляндии Г. К. фон Шульца; подполковника, главного библиотекаря Николаевской инженерной академии Н. Е. Духанина; полковников Генерального штаба П. И. Залесского, Е. И. Мартынова и А. М. Хвостова; подполковников Генерального штаба П. А. Режепо и Д. И. Надежного; штабс-капитана Генерального штаба Л. З. Соловьева; капитана Генерального штаба И. Н. Шевцова; капитана, делопроизводителя Главного артиллерийского управления Р. А. Башинского; капитана, помощника заведующего артиллерийского исторического музея, автора ряда популярных исторических брошюр («Граф Д. А. Милютин», «Генерал Кондратенко», «Славные партизаны 1812 г.» и др.) Н. П. Жерве; полковников артиллерийской службы А. В. Шелова и А. Ф. Гилленшмидта; подполковников артиллерийской службы Д. Я. Миловича, М. Д. Гуржина, Н. Н. Яжинского и А. В. Белина; капитанов инженерной службы А. В. Модраха, Е. А. Филаретова и знаменитого участника обороны Порт-Артура, а впоследствии коменданта крепости Ивангород в годы Первой мировой войны А. В. фон Шварца.

Что объединяло упомянутых выше людей? Во-первых, практически все они в том или ином качестве (непосредственных участников боевых действий, служащих тыловых управлений и / или корреспондентов) побывали на театре Русско-японской войны, не понаслышке знали о проблемах русской армии и тяжело (как личную трагедию и профессиональный провал) переживали ее многочисленные неудачи. Во-вторых – высокий образовательный ценз. Сотрудники «Военного голоса» в абсолютном большинстве случаев являлись выпускниками высших военно-учебных заведений: Николаевской академии Генерального штаба, Александровской военно-юридической академии, Николаевской инженерной академии и Михайловской артиллерийской академии. Эти люди составляли новое поколение интеллектуальной элиты армии. Штабс-капитаны и подполковники в 1906 г., к октябрю 1917 почти все они получили штаб-офицерские или генеральские чины. Важнейшей вехой их профессионального становления оказалась проигранная Россией война. Рефлексируя над опытом неудач, они пришли к выводу о негодности неизбежно влияющего на военную организацию государственного строя России. Именно военный профессионализм привел их в сферу публичной политики (якобы традиционно не интересовавшую военных), заставив высказываться в печати по наболевшим вопросам и возлагать надежды на народное представительство.

Завершая разговор о круге авторов «Военного голоса», следует привести характеристику этой газеты и ее коллектива, данную одним известным мемуаристом: «С приближением первой революции и ослаблением цензурных стеснений, уста печати отверзлись – первым делом для борьбы с правительством, потом – для вящего поношения армии. Как говорило сухое правительственные сообщение, “печать полна статьями, колеблющими авторитет военной власти иющими внушать населению враждебное отношение к отдельным войсковым частям”. Такое же направление приняла газета “Военный голос”, издававшаяся в Петербурге в 1906 г. штабс-капитаном запаса Шнеуром (брат крыленковского нач. штаба)⁴. Представляя извращенное отражение армейских настроений, “Военный голос”, отодвинув военные реформы на задний план, первое место отводил демагогии и широкому политианству. Правительство, прия в себя, закрыло газету Шнеура, в связи с чем пострадало и несколько горячих голов – случайных сотрудников ее» [Деникин, 2005. С. 215–216]. А. И. Деникин, автор

⁴ Автор ошибается. У В. К. Шнеура действительно были братья, также состоявшие на военной службе – А. К. и Н. К. Шнеуры, но начальником штаба у Крыленко являлся именно В. К. Шнеур.

этих строк, умалчивает здесь об одном неудобном факте – он сам (пускай и лишь однажды) писал для «Военного голоса». Вероятно, в то время его отношение к этому изданию было несколько иным. Просуществуй газета дольше, их сотрудничество вполне могло продолжиться – генштабист Деникин принадлежал к числу «прогрессивно» настроенных офицеров. Его смелые и провокационные высказывания в печати служили причиной множественных конфликтов с начальством. Едва ли генерал о чем-то забыл. Скорее к моменту написания мемуаров его отношение к «Военному голосу» определялось тем, что наиболее видные сотрудники газеты в большинстве оказались на службе у красных, и, с точки зрения бывшего лидера белого движения, являлись «предателями». Д. П. Парский, В. Ф. Новицкий, его брат Ф. Ф. Новицкий (последний дожил до возвращения генеральских званий и стал в 1943 г. генерал-лейтенантом Красной армии) оказались в числе первых, перешедших на службу к Советам генералов «старой армии». Служили в составе различных подразделений РККА Н. П. Вишняков, В. А. Апушкин, Е. И. Мартынов, Р. И. Башинский, А. А. Рябинин и Д. И. Надежный. Последний командовал армией в ходе отражения наступления Юденича и был награжден орденом Красного знамени за оборону Петрограда. Все они в разное время занимались научной и преподавательской деятельностью в составе различных подразделений Наркомвоенмора. Их профессиональная подготовка и опыт оказались востребованы в процессе становления системы военного образования и науки СССР. Офицеры, сотрудничавшие в «Военном голосе», во многих случаях несомненно добровольно переходили на службу в Красную армию.

«Военный голос» не добивался того, чтобы армия перешла на сторону «освободительного движения» и поучаствовала в борьбе со «старым режимом». Но как же на страницах газеты решался вопрос об участии армии в политике? «Говорят, что политика и войско – несовместимы, поскольку политика является участием в активной политической борьбе партий. В этом смысле войско должно быть непартийным. Но в то же время “политика” неотделима от военнослужащего, как от всякого другого взрослого человека и право на нее нельзя отнять у него, как нельзя лишить человека мысли и чувства», – говорилось в одной из редакционных статей «Военного голоса» [Войско и политический строй государства, 1906. С. 2]. Сделав это положение отправной точкой, автор перешел к другой проблеме: «Для нас сейчас важен вопрос, безразличен ли для войска и для его интересов тот или иной политический строй? На это вопрос мы отвечаем категорическим отрицанием: нет, не безразличен. <...> Наша пресловутая “неподготовленность” в связи с “отдаленностью театра войны”, – но разве это не продукт той безгласности и бесконтрольности всей внешней и внутренней политики, которая может быть устранена только установлением действительного контроля за нашими внешними и внутренними делами со стороны общественного мнения и его главных выразителей, народных представителей?» [Там же]. Из этих рассуждений делался следующий вывод: «Армия заинтересована в том, будет или не будет народное представительство; для нее не безразлично, каковы будут его права, в каком положении к нему станет военный министр; она заинтересована, как и все живое, в свободе печати, дающей место всякому мыслящему и честному голосу о нуждах армии, заинтересовано в свободе общественного контроля за всеми совершающимися злоупотреблениями, в свободе развития всех творческих сил страны. Все это вопросы правовые, вопросы политики. Детали их могут быть для войска безразличны, но основные начала государственного устройства затрагивают его интересы так же, как и интересы всей страны. И с этой, даже чисто войсковой, не только общегражданской точки зрения, армия имеет полное основание желать, она не может не желать коренного переустройства нашего старого режима на новых началах» [Там же].

Что же следовало из того, что армия была обязана воздерживаться от участия в политической борьбе, но в то же время для своего собственного блага должна была желать созыва народного представительства, облеченного самыми широкими законодательными и контрольными полномочиями? Не скрывалось ли здесь противоречие? Во всяком случае, первое следствие довольно очевидно – армия должна была противиться стремлению бюрократии (на страницах «Военного голоса» неизменно представавшей в качестве однородной и злове-

щей силы) поставить ее на службу своим эгоистическим интересам, использовать вооруженную силу в борьбе за сохранение своего бесконтрольного господства. Одним из средств превращения армии в орудие реакционных сил авторам «Военного голоса» виделось распространение среди военнослужащих агитационных материалов крайне правых организаций. Политические организации правых, вполне ожидаемо, не рассматривались в газете в качестве самостоятельных акторов – им отводилась лишь функция обслуживания интересов все той же могущественной бюрократии. Против попыток посредством черносотенных прокламаций поддержать в армии политические настроения выгодные бюрократической элите в «Военном голосе» выступил полковник П. А. Залесский: «Население гибнет под гнетом бесправия, произвала и от собственного невежества, культивированного чиновниками в целях лучшей его эксплуатации; вырождается от хронических голодовок и болезней, а вы (авторы прокламаций. – примеч. авт.) пичкаете его фразами: “Мы сумеем постоять за царя, за себя и за честь земли русской”. Да ведь это вы хлопочете за себя – чиновника, рыцаря 20 числа, а не за них – темных, забитых, голодных, бесправных; вернее, даже и не за себя, а за тех, от коих чаете получить “ласку” за усердие по искоренению тех начал гражданской свободы, которые объявлены манифестом 17 октября!» [Залесский, 1906. С. 1].

Но если сознательный военнослужащий должен был игнорировать призывы черносотенных прокламаций, понимая от кого и почему они на самом деле исходят, то как ему следовало поступить при получении приказа, направленного против блага страны и армии в том виде, в каком оно понималось в «Военном голосе»? Должен ли он был применить силу против собственного народа, защищая интересы бюрократии, которая являлась и врагом армии, препятствуя ее модернизации? Если представить конкретную ситуацию, то имела ли армия право не подчиниться приказу разогнать демонстрантов, протестующих против незаконного распуска Государственной думы – учреждения воплощавшего в себе новый порядок? Незаконным распуск Думы делало отсутствие в указе даты созыва следующей Думы. Это означало попытку ликвидации института народного представительства – государственный переворот, возвращавший страну ко временам неограниченного самодержавия. Могли ли войска, по мнению авторов «Военного голоса», нарушить в этом случае присягу? Дать однозначный ответ трудно. На страницах газеты этот вопрос никогда не ставился так резко. Однако из логики публикаций следует, что, выполняя подобный приказ, военные бы действовали вопреки интересам армии и народа, позволяя силам реакции реставрировать старый порядок. Но что если Дума (как это впоследствии и произошло в действительности) будет распущена с соблюдением всех формальных процедур? В этом случае также могли последовать массовые протесты, и, подавляя их, армия бы снова действовала в интересах бюрократии – своего злейшего врага, давая ей передышку от столкновения с оппозиционными силами в парламенте. Несмотря на то, что в данном случае соблюдалась законность, от военных, разделявших идеи, которые пропагандировал «Военный голос», было бы сложно ожидать необходимых рвения и самоотдачи. В этой ситуации был слишком велик риск того, что теория о беспрекословном подчинении войск любым законным требованиям начальства не выдержит испытания жизнью.

Здесь «Военный голос» вставал на опасную почву. Именно в этом его противникам справа виделась «политическая агитация» в войсках крайне нежелательного свойства. Фактически «Военный голос» стремился заменить традиционную монархическую лояльность армии новой – конституционной. В этом случае воля императора подлежала исполнению лишь постольку, поскольку она не противоречила бы закону, который он был уже не в силах единолично изменить. По тщательно оберегаемому «священному единению» войска и его «верховного вождя» наносился сокрушительный удар. На практике к тому же получалось, что армия могла нарушить данную монарху присягу ради защиты «нового строя» и воплощавшего его учреждения – Государственной думы. Ведь армии следовало ждать столь нужных ей реформ и улучшения своего в том числе и материального положения лишь от народного представительства – авторы газеты не уставали раз за разом повторять эту мысль. Не трудно

представить себе, до какой степени эта программа была неприемлема для консерваторов и пресловутых бюрократов.

Газета «Военный голос» просуществовала менее девяти месяцев. Военное министерство пустило в ход административные рычаги. В начале июля 1906 г. вышел циркуляр Главного штаба, в котором говорилось, что статьи «Военного голоса» «могут произвести впечатление на молодых офицеров и тем способствовать уклонению их от служебного долга». В связи с этим предлагалось принять меры для того, чтобы «ограничить распространение газеты среди нижних чинов». В чем же заключались эти меры? Для ограждения «нижних чинов» от дурного влияния «Военный голос» запрещалось выписывать в библиотеки офицерских собраний («Военный голос», 1906. 2 июля. С. 1). Текст циркуляра только на первый взгляд кажется абсурдным. Дело в том, что военное министерство не имело права напрямую запретить офицерам читать «Военный голос» (как и любое другое легальное издание). Для того чтобы все-таки помешать распространению газеты в войсках, министерству пришлось пойти на юридическую уловку. Офицеры, конечно, могли продолжать выписывать «Военный голос» в индивидуальном порядке, однако посыпал циркуляра был ясен – газета объявляется «вредной», и ее чтение начальство признает нежелательным.

«Военный голос» отозвался на появление циркуляра статьей «Кому и почему мы неугодны?». Это был своего рода политический памфлет. Военное ведомство и лично министр А. Ф. Редигер выставлялись в самом негативном, уничижительном свете: «Мы неугодны г. военному министру потому, что прямо и косвенно неустанно повторяем, что он не хозяин у себя дома, в армии, в военном ведомстве. Его генералами, его офицерами, судами и войсками распоряжается министерство внутренних дел. <...> Мы неугодны военному министру потому, что непрестанно побуждаем его к делу, требуем серьезной коренной реформы армии <...> И мы неугодны военному министру потому, что смеем говорить – и будем говорить! – что в наше серьезное время всеобщего обновления во главе военного управления не место посредственным и бездарным людям, без великих идей в голове, без “Святого духа” в сердце... Что те, кого эта пора застала “не на месте” – должны уйти» [«Кому и почему мы неугодны?», 1906. С. 1].

Точных данных о том, насколько уменьшилась читательская аудитория газеты вследствие принятых министерством мер, не имеется. Однако циркуляр не мог привести к немедленному краху «Военного голоса». Газета продолжала выходить, ничуть не изменив своего «направления», и потому представляла, во всяком случае, потенциальную угрозу. Противостояние могло затянуться надолго, если бы в распоряжении властей не было более радикального средства. В начале сентября военный министр обратился к петербургскому градоначальнику с просьбой воспользоваться чрезвычайными полномочиями, которыми он был обличен в силу того, что город находился на положении усиленной охраны, и приостановить издание «Военного голоса». Градоначальник незамедлительно исполнил волю министра. Последний (196-й) номер «Военного голоса» вышел 5 сентября 1906 г.

В письме подписчикам «Военного голоса», число которых к сентябрю достигло трех тысяч человек при ежедневном тираже газеты в пять тысяч экземпляров [«Военная энциклопедия», 1912. С. 584]⁵, разосланном 5 декабря 1906 г., говорилось, что редакцией принимались и принимаются меры к возобновлению издания⁶. В чем бы не заключались эти усилия, им не суждено было увенчаться успехом.

⁵ Для сравнения: у официального органа военного министерства и старейшего военного издания России – газеты «Русский инвалид» в 1906 г. было 6 604 подписчика (РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2892. Л. 9 об.). «Военному голосу» за восемь месяцев удалось набрать почти половину этого числа. Конкуренция со стороны нового издания беспокоила редакцию официоза: «Если к сказанному добавить, что общая пресса и вновь возникший “Военный Голос” постоянными нападками и грубыми выходками старались дискредитировать правительственный военный орган, то станет ясным, насколько трудно было время, пережитое в отчетном году нашими изданиями» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2892. Л. 7 об.) – писал в ежегодном отчете редактор «Русского инвалида» и «Военного сборника» Ф. А. Макшеев.

⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3138. Л. 1.

Почему «Военный голос» закрыли именно тогда? Очевидно, это событие следует воспринимать в контексте общего усиления правительственные репрессий в конце лета 1906 г. Закрытие «Военного голоса» явилось следствием того поворота в политике властей, который ознаменовался сперва распуском I Думы, а затем учреждением военно-полевых судов.

Следует обозначить еще одну важную линию конфликта. Абсолютное большинство сотрудников «Военного голоса», как уже говорилось, составляли выпускники военных академий – образованные профессионалы, занимавшие не последнее место в армейской иерархии. Среди авторов газеты практически нельзя встретить представителей другой влиятельной военной прослойки – гвардейского офицерства. В этом нет ничего удивительного. Несмотря на то, что многие офицеры генштаба начинали свою службу в гвардии, между двумя элитными прослойками существовало коренное противоречие. В общих чертах, генштабисты являлись носителями профессионализма, основанного на научном знании, тогда как гвардейское офицерство представляло церемониальные, придворно-аристократические традиции [Steinberg, 2010. Р. 273–277].

Офицеры круга «Военного голоса» испытывали неприязнь к гвардии. В газете часто появлялись призывы к скорейшей отмене не основанных на реальных заслугах и несправедливых по отношению к остальному офицерству гвардейских привилегий [Об офицерах гвардии, 1906. С. 3; Обоснование гвардейских привилегий, 1906. С. 2; Единство армии, 1906. С. 1] (Военный голос, 1906. 2 июля. С. 1). Публицисты газеты не могли простить гвардии ее верность «старому режиму», участие в «карательных экспедициях». В одной из заметок редакция «Военного голоса» обращалась к «прославившемуся» в ходе подавления забастовки на Московско-Казанской железной дороге командиру одного из батальонов Семеновского полка Н. К. Риману: «...вами были расстреляны без следствия и суда около полутораста человек, причем два из них – рабочий коломенского завода Стопчук и студент Александр Сапожков – по ошибке вместо своих братьев – приведенных <...> пунктов достаточно, чтобы сказать вам, носящему военный мундир: Полковник Риман, вас обвиняют публично в печати в позорном для военачальника совмещении в одном лице беззаконного судьи и палача... Оправдайтесь!» [Полковник Риман, оправдайтесь!, 1906. С. 2]. Заседание «Военного общества обновления», на которое в редакции газеты возлагали надежды, сорвал есаул императорского конвоя Безладнов, заявивший, что в одном из пунктов устава общества следует «поместить целиком дисциплинарный устав или начертать – армия исполняет волю единого верховного вождя, и если государь прикажет, то мы вырежем и самую конституцию» [Шнейдер, 1906. С. 1–2]. Редакция «Военного голоса» посвятила несколько заметок тому, что из-за участия гвардейских офицеров, подобных Безладнову, «Общество обновления» не сможет принести пользу армии и больше не представляет интереса для сторонников реформ (Военный голос, 1906. 1 июня. С. 1–2; 3 июня. С. 2–3). Комментируя появившиеся в «общей» прессе слухи о «гвардейском заговоре» против Думы, обозреватель «Военного голоса» писал, что в понимании офицеров гвардии такое учреждение, как Дума даже не стоит «настоящего заговора», но при этом, не может быть сомнений в решимости этих людей «разогнать Думу» по первому слову [К гвардейскому заговору, 1906. С. 2].

Гвардия, со своей стороны, отвечала (по крайне мере частичным) бойкотом «Военного голоса». Еще за несколько недель до циркуляра главного штаба в редакцию «Военного голоса» пришло письмо от офицера, заведовавшего библиотекой лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, с требованием «впредь не высылать» газету «в собрание вышепоименованного полка» – так решило общество офицеров (Военный голос, 1906. 15 июня. С. 2).

Можно заключить, что история «Военного голоса» явилась эпизодом противостояния гвардейской аристократии и новой – профессиональной военной элиты, стремившейся к приведению военной организации и государственного устройства России в соответствии с требованиями начала XX в. Имел место и конфликт поколений – авторы «Военного голоса» были сравнительно молоды – в среднем их возраст колебался от 35 до 40 лет. Неслучайно в годы гражданской войны многие бывшие сотрудники газеты, как и вообще большинство офицеров Генерального штаба [Каминский, 2011. С. 419], поступили на службу в Красную

армию. Пришедшая к власти «контрэлита» оказалась им ближе сохранявших верность традициям «старой армии» участников белого движения.

Список литературы

- Белогуров С. Б.** История военной периодической печати в России (XIX – начало XX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. 462 с.
- Ганин А. В.** Первый красный боевой генерал: Дмитрий Павлович Парский // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2014. Т. 16. С. 205–294.
- Каминский В. В.** Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб.: Алетейя, 2011. 734 с.
- Кожевин В. Л.** Российское офицерство и февральский революционный взрыв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. 260 с.
- Петров С. Г.** Провинциал в столице (А. Н. Брянчанинов) // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире: VII Международные Лихачевские научные чтения, 24–25 мая 2007 г. СПб., 2007. С. 487–488.
- Пирогов Д. В.** Вопросы подготовки русской армии к войне в военной периодике 1905–1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 282 с.
- Fuller W.** Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881–1914. Princeton, Princeton Uni. Press, 1985, 408 p.
- Steinberg J.** All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Baltimore, Johns Hopkins Uni. Press, 2010, 383 p.

Список источников

- Военная энциклопедия / Под ред. В. Ф. Новицкого, А. В. фон Шварца и др. СПб.: Товарищество И. Д. Сытина, 1912. Т. 6. 645 с.
- Военный голос. 1906. 1 янв.; 1, 3, 15 июня; 2 июля.
- Войско и политический строй государства // Военный голос. 1906. 8 янв. С. 2.
- Деникин А. И.** Старая армия; Офицеры. М.: Айрис-пресс, 2005. 512 с.
- Единство армии // Военный голос. 1906. 29 июня. С. 1.
- Залесский П. А.** Дело и правда – прежде всего // Военный голос. 1906. 17 мая. С. 1.
- К гвардейскому заговору // Военный голос. 1906. 28 мая. С. 2
- Кому и почему мы неугодны? // Военный голос. 1906. 4 июля. С. 1.
- Новицкий В.** Памяти Д. П. Парского // Военная наука и революция. Военно-научный журнал. 1922. Кн. 1. С. 190–195.
- Оберучев К. М.** Офицеры в русской революции. Нью-Йорк: Первое рус. изд-во в Америке, 1918. 46 с.
- Обоснование гвардейских привилегий // Военный голос. 1906. 16 мая. С. 2.
- Об офицерах гвардии // Военный голос. 1906. 19 февр. С. 3.
- Парский Д. П.** Причины наших неудач на войне с Японией: Необходимые реформы в армии. СПб.: В. К. Шнеур, 1906. 71 с.
- Партии демократических реформ, Мирного обновления, Прогрессистов: документы и материалы, 1906–1916 гг. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.
- Полковник Риман, оправдайтесь! // Военный голос. 1906. 24 мая. С. 2.
- Шнеур В. К.** Первое заседание общества «Обновления» // Военный голос. 1906. 31 мая. С. 1–2.

References

- Belogurov S. B.** Istoriya voennoi periodicheskoi pechati v Rossii (XIX – nachalo XX v.) [The History of Military Periodicals in Russia, 19th – Early 20th Centuries]. Diss. Doct. of Hist. Sci. Moscow, 1997, 462 p. (in Russ.)

- Fuller W.** Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881–1914. Princeton, Princeton Uni. Press, 1985, 408 p.
- Ganin A. V.** Pervyi krasnyi boevoi general: Dmitrii Pavlovich Parskii [First Red Combat General: Dmitry Pavlovich Parskiy]. In: Russkii sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii [Russian Anthology. Russian History Studies]. Moscow, 2014, vol. 16, p. 205–294. (in Russ.)
- Kaminsky V. V.** Vypuskniki Nikolaevskoi Akademii General'nogo Shtaba na sluzhbe v Krasnoi Armii [Graduates of the Nicholas General Staff Academy at Service of the Red Army]. St. Petersburg, Aleteiya, 2011, 734 p. (in Russ.)
- Kozhevnik V. L.** Rossiiskoe ofitserstvo i fevral'skii revolyutsionnyi vzryv [Russian Officers and the February Revolution]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, 260 p. (in Russ.)
- Petrov S. G.** Provintsial v stolitse (A. N. Bryanchaninov) [Provincial in the Capital City (A. N. Bryanchaninov)]. In: Dialog kultur i tsivilizatsii v global'nom mire [The Dialogue of Cultures and Civilizations in the Global World]. VII International Likhachev Academic Readings, May 24–25, 2007. St. Petersburg, 2002, p. 487–488. (in Russ.)
- Pirogov D. V.** Voprosy podgotovki russkoi armii k voine v voennoi periodike 1905–1914 gg. [Issues of the Preparation of the Russian army for War in Military Periodicals in 1905–1914]. Diss. Cand. of Hist. Sci. Moscow, 2016, 282 p. (in Russ.)
- Steinberg J.** All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Baltimore, Johns Hopkins Uni. Press, 2010, 383 p.

Sources

- Denikin A. I.** Staraya armiya; Ofitsery [Old Army; Officers]. Moscow, Airis-press, 2005, 512 p. (in Russ.)
- Edinstvo armii [Unity of the Army]. *Voennyi golos* [The Military Voice], 1906, June 29, p. 1. (in Russ.)
- K gvardeiskomu zagovoru [About Guards Conspiracy]. *Voennyi golos* [The Military Voice], 1906, May 28, p. 2. (in Russ.)
- Komu i pochemu my neugodny? [To Whom and Why are We Unwanted?]. *Voennyi golos* [The Military Voice], 1906, July 4, p. 1. (in Russ.)
- Novitsky V.** Pamyati D. P. Parskogo [In Memory of D. P. Parsky]. *Voennaya nauka i revolyutsiya. Voенно-nauchnyi zhurnal* [Military Science and Revolution. Military Science Journal], 1922, vol. 1, p. 190–195. (in Russ.)
- Ob ofitserakh gvardii [About the Guards Officers]. *Voennyi golos* [The Military Voice], 1906, Feb. 19, p. 3. (in Russ.)
- Oberuchev K. M.** Ofitsery v russkoi revolyutsii [Officers in the Russian Revolution]. New York, Pervoye russkoe izdatel'stvo v Amerike, 1918, 46 p. (in Russ.)
- Obosnovanie gvardeiskikh privilegi [Grounding for the Guards Privileges]. *Voennyi golos* [The Military Voice], 1906, May 16, p. 2. (in Russ.)
- Parsky D. P.** Prichiny nashikh neudach na voine s Yaponiei: Neobkhodimye reformy v armii [The Reasons for our Failures in the War with Japan: Urgent Reforms in the Army]. St. Petersburg, V. K. Shneur, 1906, 71 p. (in Russ.)
- Partii demokraticeskikh reform, Mirnogo obnovleniya, Progressistov: dokumenty i materialy, 1906–1916 gg. [Parties of Democratic Reforms, Peaceful Renovation, Progressist: Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN, 2002, 528 p. (in Russ.)
- Polkovnik Riman, opravdaites'! [Colonel Riman, Exonerate Yourself!]. *Voennyi golos* [The Military Voice], 1906, May 24, p. 2. (in Russ.)
- Shneur V. K.** Pervoe zasedanie obshchestva «Obnovleniya» [First Meeting of the «Renovation» Society]. *Voennyi golos* [The Military Voice], 1906, May 31, p. 1–2. (in Russ.)
- Voisko i politicheskii stroi gosudarstva [Army and the Political System of the State]. *Voennyi golos* [The Military Voice], 1906, Jan. 8, p. 2. (in Russ.)

- Voennaya entsiklopediya [Military Encyclopedia]. Eds. V. F. Novitsky, A. V. von Shvarts et al. St. Petersburg, Tovarishchestvo I. D. Sytina, 1912, vol. 6, 645 p. (in Russ.)
- Voennyi golos [The Military Voice], 1906, Jan. 1; June 1, 3, 15; July 2. (in Russ.)
- Zalessky P. A. Delo i pravda – prezhe vsegd [Act and Truth above Anything Else]. *Voennyi golos* [The Military Voice], 1906, May 17, p. 1. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию

Received

10.03.2019

Сведения об авторе

Фомин Антон Юрьевич, аспирант, младший научный сотрудник лаборатории комплексного исследования рукописных памятников Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (ул. Петрозаводская, 7, Санкт-Петербург, 197110, Россия)

a.fomin1511@gmail.com

Information about the Author

Anton Yu. Fomin, Postgraduate Student, Junior Research Fellow at the Laboratory of Complex Research of the Manuscripts of Scientific and Historical Archive of St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (7 Petrozavodskaya Str., St. Petersburg, 197110, Russian Federation)

a.fomin1511@gmail.com

УДК 94(57) «19/20»
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-102-111

Инородческий дискурс в словаре власти и науки в период революции и социалистических преобразований в Сибири (1917–1930-е годы)

А. Ю. Конев

Тюменский научный центр СО РАН
Тюмень, Россия

Аннотация

Изучение процесса замены в Советской России и СССР терминологии, применявшейся в отношении сибирских народов в Российской империи, важно для понимания особенностей социалистического строительства в так называемых «национальных окраинах». Соционим «инородцы» не сразу уступил место лексике советской национальной политики. Это обуславливалось помимо прочего: сохранением в первые послереволюционные годы таких институтов, как инородные управы и ясак; политическими условиями затянувшегося здесь гражданского противостояния; самоидентификацией автохтонов посредством категорий дореволюционной социальной стратификации; связью инородческого дискурса с актуальной для исследователей областью исторического опыта. Радикальное переосмысление этого опыта и формирование образа социалистического будущего «коренных народов» имели следствием замещение новыми дефинициями термина «инородцы» и «изгнание» его в начале 1930-х гг. из языкового обихода.

Ключевые слова

инородцы, коренные народы, история понятий, национальная политика, Советская власть

Благодарности

Работа выполнена по госзаданию (проект № АААА-А17-117050400150-2)

Для цитирования

Конев А. Ю. Инородческий дискурс в словаре власти и науки в период революции и социалистических преобразований в Сибири (1917–1930-е годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 102–111. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-102-111

Aliens' Discourse in the Vocabulary of Authority and Science During the Period of Revolution and Socialist Transformations in Siberia (1917–1930s)

A. Yu. Konev

Tyumen Scientific Center SB RAS
Tyumen, Russian Federation

Abstract

The evolution of terminology for describing Siberian ethnicities in Soviet Russia and the USSR, and Russian Empire has recently become the subject of research interest for historians. Studying this subject is important for understanding the features of socialist construction in so-called *national outskirts*. This article focuses on the term “*inorodtsy*” (*aliens*). Analysis of sources showed that the language for describing the autochthonous population was rather conservative and was changing considerably slower than political transformations appeared. Former names for social groups were not immediately replaced by new emerging concepts. Challenging the new Soviet political vocabulary, the term *aliens* was still actively used until the late 1920s due to the following reasons. First of all, such institutions

© А. Ю. Конев, 2019

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 8: History

of the Imperial Russia as *inorodtsy* local governments and *yasak* were still functioning during the first years after the revolution. Second, political environment of protracted civil confrontation in the region. Third, the self-identification of the indigenous ethnicities by the means of imperial categories of social stratification (*yasak aliens*) which the peoples used to justify their special case in post-revolutionary Russia. The usage of this terminology in scientific and popular literature was also caused by the *aliens' discourse* being associated with the field of historical experience relevant for the researchers. Ideology trends aimed at radically rethinking this experience and creating an image of socialist future for the indigenous ethnicities, hence the term *inorodtsy* was replaced with new definitions, and moreover it was banished from the language in the early 1930s.

Keywords

aliens (*inorodtsy*), indigenous peoples, history of concepts, national policy, Soviet power

Acknowledgements

The work is done in accordance with the state assignment (project no. AAAA-A17-117050400150-2)

For citation

Konev A. Yu. Aliens' Discourse in the Vocabulary of Authority and Science during the Period of Revolution and Socialist Transformations in Siberia (1917–1930s). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 102–111. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-102-111

Инеродческий дискурс как язык / способ описания включавшихся в орбиту Руси / России «иных», «чужих» народов посредством соответствующих лексем возник еще до законотворческой и кодификационной деятельности М. М. Сперанского, в результате которой термин *инородцы* стал означать особую социально-правовую категорию, включавшую различные разряды и этносословные группы нерусского населения на восточной периферии империи. В XVII–XVIII вв. для обозначения автохтонов Сибири использовались такие обобщающие термины, как *иноземцы*, *туземцы*, *иноверцы* и производные от них словосочетания [Конев, 2014; Зуев, Игнаткин, 2016]. Эта терминология отражала особенности положения соответствующей части подданных, отношение государства к населению окраин и связь автохтонов с территорией их обитания. В склонности имперских, а затем и советских россиян описывать коренных жителей Сибири посредством обобщающих категорий, согласно Ю. Л. Слэзкину, заключается особый способ восприятия и конструирования «чуждости», одновременно говорящий и о «восприятии россиянами самих себя» [2008. С. 7–8].

Исследованиями, положившими начало специальному изучению обобщающих терминов, применявшихся для номинации нерусских народов в Российской империи и СССР, стали работы С. В. Соколовского [1998] и Дж. У. Слокума [Slocum, 1998]. Авторы сошлись во мнении, что термин «инородцы» был изъят из официального употребления в самые первые годы Советской власти. При этом российский антрополог подметил, что придумать язык, «одновременно понятный народу и новый, рвущий нити... связей с ненавистным прошлым, было чрезвычайно трудно». Задача решалась сочетанием партийного жаргона с отобранными по идеологическому принципу старыми терминами. Спешная замена, в том числе и в научной литературе, «инородцев» на «туземцев» после Октябрьской революции объяснялась политической некорректностью, а также негативными коннотациями, которые слово из имперского прошлого – «инородцы» приобрело в общественно-политическом языке еще к началу XX в. [Соколовский, 1998. С. 79, 82–83]. В. О. Бобровников, согласившись в целом с выводами С. В. Соколовского, обоснованно предположил, что «инородческий» дискурс продолжал оказывать влияние на советские проекты по нациестроительству даже после отказа от использования термина «инородцы» в официальном языке [2012. С. 286–291]. Е. П. Мартынова, пожалуй, первой обратила внимание на то, что в сибиреведческих работах этнографического характера 1920-х гг. слово «инородцы» продолжало употребляться, хотя революционные перемены политического характера «не могли не сказаться на позиции исследователей» [2012. С. 15].

Следует признать, что исчерпывающего ответа на вопрос о том, как шел процесс замены в Советской России и СССР имперской классификационной терминологии, применявшейся в отношении нерусских народов Сибири, в отечественной и зарубежной литературе пока не дано. Изучение этого процесса на материалах Западной Сибири, чему посвящена настоящая статья, важно для понимания начальных этапов социалистического строительства в так

называемых «национальных окраинах». При этом можно оценить степень устойчивости и адекватности выработанных в XVIII–XIX вв. в российском законодательстве и управлениемской практике лексем, означавших социально-правовые статусы и этнокультурные особенности соответствующих групп населения империи. С учетом того, что советская судьба термина «туземцы» в литературе рассмотрена более подробно, внимание будет сфокусировано на термине «инородцы».

На наш взгляд, целесообразно несколько изменить исследовательскую оптику, переходя от декретов и распоряжений центра к изучению материалов обсуждений и решений местных властей и институтов самоуправления. Следует анализировать тексты не только специальных этнографических трудов, но и работ историков, языковедов, географов, экономистов 1920–1930-х гг., выпущенных тогда справочных изданий, в частности статьи первых советских энциклопедий.

Кратко обращаясь к истории термина «инородцы», отметим, что, появившись в V части Словаря Академии Российской [1794. Ст. 37], он вошел в политico-правовую лексику империи только с принятием «Устава об управлении инородцев» 1822 г. и в дальнейшем имел устойчивую тенденцию к расширению своего влияния. «Положение об инородцах» 1892 г. распространилось почти на всех нерусских (из числа индигенных) жителей не только Сибири, но и Европейского Севера, Урало-Поволжья, Кавказа и Средней Азии. П. Луппов, указывая число «инородческих детей» в церковных школах империи на 1899 г., перечислил все заметные группы нерусских подданных, включая даже немцев, поляков, литвинов, китайцев, эстов, чехов [Труды Особого совещания..., 1905. С. 255–257], которые законодательством в число инородцев никогда не включались. Такое, выходящее за рамки правовой категории, употребление интересующего нас термина закрепляется к началу XX в., особенно в публицистической литературе, иногда приобретая уничтожительный, обидный оттенок. Тогда же начинают раздаваться критические голоса о пригодности соответствующих классификаций в российском законодательстве. В частности, об этом писал Л. Я. Штернберг в 1910 г., отметив двоякий, политический и технико-юридический смысл обозначения «инородцы» [1910. С. 531–532]. В официальном и академическом языке этого времени конкурирующим термину «инородцы» было слово «туземцы». В XIX – начале XX в. термин «инородцы» чаще использовался применительно к автохтонам Сибири и Дальнего Востока. Это фиксирует и Вл. Даль в своем словаре. При этом он четко определяет нюансы значения слов «туземец» («тамошний уроженец, природный житель страны») [1882. С. 441] и «инородец» («уроженец другого племени или народа») [1881. С. 46].

Формально сословно-правовая категория «инородцы», в ряду прочих, была упразднена «Декретом об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г. [Декреты Советской власти, 1957. С. 72]. Но это не могло отменить того факта, что новая власть продолжала иметь дело со сложившимися социальными группами и административно-территориальными структурами, соответствующими им идентичностями и представлениями, не исчерпавшими себя окончательно. 14 августа 1919 г., во время разворачивавшегося наступления на Восточном фронте, ВЦИК и СНК РСФСР выступили с «Обращением» к «рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири», пытаясь заручиться их поддержкой. Объявляя адмирала Колчака и его правительство «вне закона», «Обращение» подтверждало действие «Декларации прав народов России» в отношении инородческого населения региона и заявляло, что «земли фактического пользования инородцев... поступают в полное их общественное распоряжение» [Декреты Советской власти, 1973. С. 29–30]. Еще один примечательный факт. В начале 1921 г. информационно-инструкторским подотделом Петроградского губисполкома был подготовлен и опубликован указатель к законоположениям, изданным с октября 1917 г. – «Иностранны и инородцы» [1921]. Таким образом, термин «инородцы» и производные от него определения не были «выброшены» и не «исчезли» вскоре после революции из официального языка, как это принято думать [Соколовский, 1998. С. 79, 83; Slocum, 1998. Р. 190]. Более того, они получили своеобразную «временную прописку» в политico-правовом пространстве Советской России, хотя эта легитимация и была

вынужденной. При этом под «инородцами» понимались нерусские народы бывшей империи, освобожденные Советской властью от «угнетения».

Наиболее насыщенными «инородческой» лексикой были документы, исходившие от местных органов власти, самоуправления и их представителей. Обращает на себя внимание контекст, в котором она употребляется. Томский губисполком, возражая против идеи национального самоуправления, в начале 1920-х гг. полагал, что выделение Нарымского края «в автономную инородческую область с Тобольским Севером обрекает этот край на долгое время оставаться безлюдным и живущим за счет государства» [Слэзкин, 2008. С. 163]. Инструктор-организатор Тюменского губвоенревкома С. С. Гимгин в марте 1920 г., констатируя невозможность избрания сельских советов в волостях Березовского уезда, объясняет это кочевой жизнью «инородцев» и неподготовленностью «совершенно отсталого инородческого населения» [Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, 1994. С. 60]. В докладе заведующего финотделом Тюменского губисполкома Э. Матча выражено сожаление, что «самоеды и другие инородцы и их промыслы настолько не обследованы и так мало привлекали внимание... что совершенно не представляется возможным внести какие-либо пожелания в смысле улучшения указанных сторон жизни инородцев» [Там же. С. 63]. Инструктор Березовского укома РКП(б) И. Кузьмин, командированный в октябре 1921 г. в Казымскую волость, сообщал, что население волости «состоит исключительно из инородцев», и из частных бесед он убедился, насколько оно отсталое: «во всем царит совершенное невежество... все пахнет тем же старым царским духом». Для них, отмечает И. Кузьмин, «не существует никаких законов и приказов, у них свои обряды, которые трудно искоренить» [Там же. С. 69]. Аналогичными суждениями полпредов революции изобилуют источники, касающиеся автохтонного населения восточных районов Сибири. Ю. Л. Слэзкин связывает резкость подобных оценок с назначением на губернские и уездные административные посты приезжих коммунистов из южных районов Сибири и Европейской России [2008. С. 160]. Характерно явное и неявное соотнесение маркеров «инородцы» / «инородческий» с определениями «отсталые» и «невежественные». В этом смысле язык процитированных советских функционеров мало чем отличался от бюрократического языка описания автохтонного населения конца XVIII – XIX в., с той разницей, что синонимом отсталости и косности теперь стала сама «царская Россия». Такая соотнесенность и активное употребление старорежимного словарного запаса рано или поздно должны были вызвать соответствующую реакцию. Одним из первых по данному поводу высказался заведующий отделом нацменьшинств Наркомнаца А. Е. Скачко. В 1923 г. в своем докладе он, в частности, указал, что «в отчетах фигурирует термин “инородец”. Для местного населения туземец не человек, а “лесной зверь”, самой природой предназначенный для эксплуатации» (цит. по: [Алексеева, 2004. С. 96]).

Следует отметить, что в первые послереволюционные годы во многих частях Сибири оставались неупраздненными такие институции Российской империи как инородные управы / родовые управы и ясак. Быстро ликвидировать их не представлялось возможным и в условиях Гражданской войны, и на этапе восстановления власти большевиков в районах, оставленных Белой армией. К тому же в феврале-июле 1921 г. Тюменская и Омская губернии были охвачены крупнейшим антибольшевистским вооруженным мятежом (Западно-Сибирское восстание). В 1920 г. на Обском Севере вместо инородческого управления был создан инородческий отдел при исполкоме [Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, 1994. С. 63], а в январе 1921 г. собранием ненцев и хантов Обдорской волости решено «восстановить инородческий суд» [Там же. С. 65]. Создание инородческих отделов и подотделов больше походило не на ликвидацию, а на реорганизацию бывших управ. Вот как характеризуется деятельность такого подотдела в Обдорском районе в докладе райисполкома от 15 октября 1924 г.: «Инородческий подотдел является связующим звеном между инородцем-кочевником и административными органами власти... разрешает спорные вопросы, возникающие среди кочевого населения... через старшин, выбираемых общим собранием кочующих родов, проводит распоряжения власти, касающиеся инородческого быта... несет ответственную работу по сбору сельскохозяйственного налога – ясака» [Там же. С. 84]. Приведенный отрывок ин-

тересен тем, что в отличие от выше цитированных сообщений местных партийных и административных чиновников он является собой пример своеобразной бюрократической деконструкции стереотипа об «инородцах» и включения этого понятия в контекст советских преобразований на Севере, что можно рассматривать как еще один способ легитимации соответствующей дореволюционной терминологии.

И все же положение автохтонов Сибири и Дальнего Востока с момента Октябрьской революции и до середины 1920-х гг. оставалось юридически неопределенным. Не случайно сотрудник Комитета Севера Н. И. Леонов отметил, что утвержденное ВЦИК в 1926 г. «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР явилось на смену “Уставу 1822 года об инородцах”» [1929. С. 224]. Е. В. Перевалова подчеркнула, что этот законодательный акт «впервые выделил такую категорию населения, как “малые народы Севера (племена)”, являющуюся объектом особой политики» [2017. С. 227]. Реализация этого «Положения», на наш взгляд, положила начало решительному повороту в сторону отказа от классификационной терминологии, связанной со словом «инородцы», применительно к индигенному населению Сибири. В конце 1920-х гг. его представители в документах, исходивших от местных органов власти (не говоря о центральных), чаще всего назывались «туземцами», а также «малыми народностями» и «нацменами». Использование термина «инородцы» стало редким и нехарактерным, хотя никаких прямых директивных указаний на предмет его ограничения не выявлено.

Важно выяснить, а как сами «коренные» жители определяли свой социально-правовой статус в новых условиях. Источники позволяют, если не напрямую, то опосредованно услышать их голос. Вот несколько примеров. Выписку из протокола съезда ватажных старшин Обдорского района от 3 февраля 1922 г. подписали «инородческие старшины Василий Тайшин и Никифор Вануйто» [Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, 1994. С. 71–72]. Выступая в 1924 г. на 3-й сессии окрисполкома старшина В. И. Тайшин, говоря о советской торговле на Севере, отметил, что она «сначала привлекла бедного инородца, а потом оттолкнула» (цит. по: [Перевалова, 2017. С. 224]). Протокол общего собрания ненцев местности Хадытта от 26 апреля 1927 г. содержит следующую фразу его участников по вопросу записи актов гражданского состояния, зафиксированную как прямая речь: «Мы, инородцы местности Хадытта, все, как один, против внедрения в тундру ЗАГСа...». При этом указано, что собрание проводилось «под председательством инородца Хар-Тэтта» [Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, 1994. С. 125, 128]. Сотрудник Томского краевого музея П. Г. Иванов, по результатам проведенного им в 1927 г. этнографо-лингвистического обследования чулымских татар (карагасов), отметил, что «сами себя они большей частью называют ясачными. Кроме того, одни из них называют себя оседлыми, другие – кочующими инородцами» [1927. С. 98]. В это же время на общем собрании остыки юрт Иготкиных и Теголовых Колпашевского района Томского округа заявили, что хотят отделиться от крестьянского сельского совета и «желают самостоятельно свой с/с как инародцы¹» [Леонов, 1929. С. 232]. Последний пример весьма показателен и отнюдь не единичен, когда представители туземных сообществ для обоснования прав на самоуправление или какие-то привилегии апеллировали к своему прежнему статусу.

Немаловажную роль в формировании языка описания нерусских народов края сыграли ученые: историки, этнографы, лингвисты, географы, экономисты. С. В. Соколовский полагает, что «едва ли не последней публикацией с “инородческой” терминологией» была работа И. Серебренникова, изданная в 1917 г., и что «в последующих научных трудах “туземцы” решительно потеснили “инородцев”» [Соколовский, 1998. С. 79]. Но более пристальное знакомство с научной и научно-популярной литературой рассматриваемого нами периода позволило выявить целый ряд работ, в которых активно используется интересующее нас понятие. В их числе труды известного историка, профессора Иркутского и Дальневосточного университетов В. И. Огородникова, изданные в 1919–1924 гг. [1920; 1924. С. 5], опублико-

¹ Сохранена орфография текста протокола этого собрания.

ванное в 1921 г. исследование фольклориста и историка, профессора Томского университета А. Д. Григорьева, наконец, знаменитый исторический очерк С. В. Бахрушина «Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года», увидевший свет в 1929 г., в котором он задействовал практически весь арсенал интересующего нас инеродческого дискурса, включая такие термины, как «иноземцы», «ясачные», «инородцы». Особого внимания заслуживают статьи в кн. 6 сборника «Культура и письменность Востока», вышедшего в 1930 г.

Анализ использования термина «инородцы» в этих, отражающих тенденции своего времени, работах привел к следующим выводам. До середины 1920-х гг. исследователи (например, В. И. Огородников и А. Д. Григорьев), в соответствии с дореволюционной традицией конца XIX – начала XX в., применяют его как основное обобщающее название индигенных обитателей вне зависимости от временного периода, будь то начальный этап русской колонизации Сибири или XVIII–XIX вв. Ни в названиях публикаций, ни в самих текстах слово *инородцы* и производные от него не берутся в кавычки и не несут какой-либо негативной или ярко выраженной оценочной коннотации. В работе А. Д. Григорьева соотношение терминов *инородцы / инородческое население* и термина *туземцы* имеет подавляющий перевес в пользу первых, что нашло отражение в пристатейном «Указателе мест и лиц» [1921. С. 93, 106]. В. И. Огородников в «Очерках истории Сибири до начала XIX столетия», в отличие от ранее изданных им статей, отходит от «инородческой» лексики, употребив ее только в предисловии [1924. С. 5], и далее в тексте использует в основном слово *туземцы*. С. В. Бахрушин в своем историческом очерке [1929] совершенно определенным образом расставил акценты при номинации сибирских автохтонов. Этот очерк отличается критической заостренностью в оценке форм и методов колониального подчинения народов Сибири Российской державе. В качестве основных терминов для их обозначения были выбраны: *туземцы, туземное население*, которые используются без кавычек. При этом С. В. Бахрушин учитывал лексику первоисточников в ее исторической динамике, вводя изредка в текст повествования слова *иноземцы* и *иноверцы*, когда речь шла о периоде XVII–XVIII вв. Переходя к анализу российской политики XIX – начала XX в., он часто использует термин «инородцы», обязательно заключая его в кавычки [Там же. С. 85–97]. Характеризуя судьбы «инородческого» / туземного населения в до- и предреволюционной России, историк подчеркивает его неполноправное положение, утрату им «племенной самостоятельности и культурной самобытности», сокращение его численности [Там же. С. 96]. Аналогичная линия, в еще более жесткой форме, прослеживается в упомянутом выше сборнике «Культура и письменность Востока», посвященном языкам и вопросу латинизации алфавита тюркских и славянских народов СССР. В качестве примера приведем статью И. Левина с характерным названием «Материалы к политике царизма в области письменности “инородцев”». Обращает на себя внимание крайне политизированная риторика автора: «Для того чтобы упрочить свое господство в “инородческих” окраинах, царизму нужно было глубоко внедрить казенную русскую идеологию в жизнь “инородцев”, вытравить сознание национальной специфики» [1930. С. 3].

Таким образом, в научной литературе во второй половине 1920-х гг. идет не просто замена «инородческой» терминологии новым языком, формирующимся под влиянием идеологических установок и реформ Советской власти, определявших настоящее и будущее малых / коренных народов / племен. Происходит целенаправленная дискредитация понятия «инородцы», актуализация его негативных коннотаций. Из относительно нейтрального оно превращается в инструмент разоблачения политики «национального угнетения» прошедшей эпохи. Тем не менее на этом этапе историки не отказались окончательно от применения соответствующих терминов, учитывая их адекватность языковым реалиям XIX – начала XX в.

Своебразная черта этому процессу была подведена в статье «Инеродцы», опубликованной во втором томе Сибирской Советской Энциклопедии в 1931 г. В ней определялись два значения этого термина. Первое, в узком смысле, «принадлежность к определенному сословию, приравненному к крестьянскому, но отличному от последнего в некоторых отношениях». Второе, более широкое, «этнографический термин для обозначения многочисленных коренных народностей окраин» [Инеродцы, 1931. Ст. 267]. В этих значениях данный термин

продолжал использоваться, как мы видели, в первые полтора десятилетия после Октябрьской революции в официальном языке, в научной и публицистической литературе. Но наибольший интерес представляет заключительный абзац названной статьи: «Термин И.[нородцы], отражавший угнетенное положение туземцев, в настоящее время является архаизмом. Вот почему с установлением сов.[етской] власти в Сиб.[ири] и в процессе форсированной ликвидации доставшегося от прошлого фактического культурно-экономического неравенства различных т.[ак] наз.[ываемых] “отсталых” народностей, термин “инородец” совершенно изгнан из обихода, как остаток былого угнетения, и заменяется получившим всеобщее признание новым термином “коренных местных народностей”» [Инородцы, 1931. Ст. 269]. Данная формулировка в такого рода издании фактически выносила «приговор» и ставила своеобразную точку (оказавшейся все-таки запятой) в судьбе термина «инородцы».

Подводя итог, важно отметить следующее. Доставшиеся Советской России в наследство от предшествующих периодов истории Российского государства классифицирующие термины, использовавшиеся для идентификации индигенного населения Сибири, не могли быть немедленно заменены в силу целого ряда причин. Консервации и легитимации терминов, связанных с понятием «инородцы», способствовали: политическая обстановка – Гражданская война и антибольшевистское восстание в Сибири начала 1920-х гг.; сохранявшиеся институты самоуправления в виде инородных и родовых управ, практика сбора ясака; устоявшаяся самоидентификация автохтонов посредством категорий имперской социальной стратификации, которые использовались ими для обоснования своего особого положения в новой России. Можно констатировать, что до середины 1920-х гг. имели место конкуренция и взаимовлияние «старого» и «нового» языков описания автохтонных социумов. В этом находили отражение особенности начальных этапов советской модернизации и формирующейся национальной политики, проявлялись стереотипы мышления о «коренных» и «малых» народах. Для исследователей, прежде всего историков, этнографов и лингвистов, этого периода важное значение имела связь инородческого дискурса с реалиями исторического прошлого. Идеологически обусловленное переосмысление этого прошлого, требование его резкой критики и формирование на этой основе образа будущего «угнетенных царизмом» народов, четко обозначившееся к началу 1930-х гг., не оставляло места для термина «инородцы» в языке власти и науки.

Список литературы

- Алексеева Л. В.** Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. 427 с.
- Бахрушин С. В.** Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года // Советский Север. Первый сборник статей. М., 1929. С. 66–97.
- Бобровников В. О.** Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слокому из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 2. С. 259–291.
- Григорьев А. Д.** Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Изв. Ин-та исследования Сибири. Томск: Изд. Томск. губерн. отд-ния Гос. изд-ва, 1921. № 6. 117 с.
- Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. 779 с.; 1882. Т. 4. 683 с.
- Зуев А. С., Игнаткин П. С.** «Иноземцы» – «свои» и «иные»: понятийно-терминологическая классификация социально-политического статуса сибирских аборигенов в Московском государстве (конец XVI – начало XVIII века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 67–85.
- Иванов П. Г.** Томские татары (материалы по обследованию Томских карагасов летом 1927 г.) // Тр. Общества изучения Томского края. Томск, 1927. Вып. 1. С. 92–104.
- Инородцы // Сибирская Советская Энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. Ст. 267–269.

- Конев А. Ю.** Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44), ч. 1. С. 81–86.
- Левин И.** Материалы к политике царизма в области письменности «инородцев» // Культура и письменность Востока. Баку, 1930. Кн. 6. С. 3–19.
- Леонов Н. И.** Туземные советы в тайге и тундрах // Советский Север. Первый сборник статей. М., 1929. С. 219–258.
- Мартынова Е. П.** Народы Северо-Западной Сибири: дефиниции и научно-политический дискурс // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 13–19.
- Огородников В. И.** Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Иркутск, 1920. Вып. 1. С. 16–27.
- Огородников В. И.** Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Владивосток: Тип. Гос. Дальневост. ун-та, 1924. Ч. 2, вып. 1. 108 с.
- Перевалова Е. В.** Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2017. Т. 1. 515 с.
- Слёзкин Ю.** Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 512 с.
- Соколовский С. В.** Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 74–89.
- Штернберг Л. Я.** Инородцы: Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия. СПб., 1910. С. 531–574.
- Slocum J. W.** Who and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia. The Russian Review, 1998, vol. 57, no. 2, p. 173–190.

Список источников

- Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 626 с.; Политиздат, 1973. Т. 6. 584 с.
- Иностранцы и инородцы: Предметно-алфавитный указатель к законоположениям Советской власти за время с октября 1917 по январь 1921 г. Пг.: [Б. и.], 1921. 30 с.
- Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. 5. 602 с.
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): Сб. док. / Отв. ред. Д. И. Копылов. Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. 320 с.
- Тр. Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / Под ред. А. С. Бутиловича. СПб., 1905. 366 с.

References

- Alekseeva L. V.** Severo-Zapadnaya Sibir' v 1917–1941 gg.: politicheskaya, ekonomicheskaya i kul'turnaya transformatsiya [North-Western Siberia in 1917–1941: Political, Economic and Cultural Transformation]. Thesis Doc. Hist. Sci. Yekaterinburg, 2004, 427 p. (in Russ.)
- Bakhrushin S. V.** Sibirske tuzemtsy pod russkoi vlast'yu do revolyutsii 1917 goda [Natives Siberian under Russian Rule before the 1917 Revolution]. In: Sovetskii Sever. Pervyi sbornik statei [Soviet North. The First Collection of Articles]. Moscow, 1929, p. 66–97. (in Russ.)
- Bobrovnikov V. O.** Chto vyshlo iz proektorov sozdaniya v Rossii inorodtsev? (otvet Dzhonu Slokumu iz musul'manskikh okrain imperii) [What Came out of the Projects to Create Aliens in Russia? (Answer to John Slocum from the Muslim Outskirts of the Empire)]. «Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda [“Concepts about Russia”: Towards Historical Semantics of the Imperial Period]. Moscow, 2012, vol. 2, p. 259–291. (in Russ.)

- Dahl V.** Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg, Moscow, Izdanie M. O. Wolfa, 1881, vol. 2, 779 p.; 1882, vol. 4, 683 p. (in Russ.)
- Grigoryev A. D.** Ustroistvo i zaselenie Moskovskogo trakta v Sibiri s tochki zreniya izucheniya russkikh govorov [The Arrangement and Settlement of the Moscow Tract in Siberia from the Point of View of the Study of Russian Dialects]. Izvestiya Instituta issledovaniya Sibiri [Proceedings of the Institute for the Study of Siberia]. Tomsk, Izdanie Tomskogo gubernskogo otdeleniya Gosudarstvennogo izdatel'stva, 1921, no. 6, 117 p. (in Russ.)
- Inorodtsy [Aliens]. In: Sibirskaya Sovetskaya Entsiklopediya [Siberian Soviet Encyclopedia]. Novosibirsk, 1931, vol. 2, p. 267–269. (in Russ.)
- Ivanov P. G.** Tomskie tatars (materialy po obsledovaniyu Tomskikh karagashov letom 1927 g.) [Tomsk Tatars (Materials on Inspection of Tomsk Karagas in the Summer of 1927)]. In: Trudy Obshchestva izucheniya Tomskogo kraja [Proceedings of the Society for the Study of the Tomsk Province]. Tomsk, 1927, iss. 1, p. 92–104. (in Russ.)
- Konev A. Y.** Kolonial'nyi diskurs imperskikh klassifikatsii: istoriki o termine «inozemtsy» v otnoshenii narodov Sibiri [The Colonial Discourse of Imperial Classifications: Historians on the Term “Foreigners” Regarding Natives Siberian]. *Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2014, no. 6 (44), pt. 1, p. 81–86. (in Russ.)
- Leonov N. I.** Tuzemnye sovety v taige i tundrakh [Native Soviets in Taiga and Tundra]. In: Sovetskii Sever. Pervyi sbornik statei [Soviet North. The First Collection of Articles]. Moscow, 1929, p. 219–258. (in Russ.)
- Levin I.** Materialy k politike tsarizma v oblasti pis'mennosti «inorodtsev» [Materials for the Tsarist Policy in the Field of Writing System of “Aliens”]. In: Kul'tura i pis'mennost' Vostoka [Culture and Writing System of the East]. Baku, 1930, book 6, p. 3–19. (in Russ.)
- Martynova E. P.** Narody Severo-Zapadnoi Sibiri: definitsii i nauchno-politicheskii diskurs [Peoples of North-Western Siberia: Definitions and Political Science Discourse]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2012, no. 2, p. 13–19. (in Russ.)
- Ogorodnikov V. I.** Ocherk istorii Sibiri do nachala XIX stoletiya [Essay on the History of Siberia Until the Beginning of the 19th Century]. Vladivostok, Tipografiya gosudarstvennogo Dal'nenvostochnogo universiteta, 1924, pt. 2, iss. 1, 108 p. (in Russ.)
- Ogorodnikov V. I.** Russkaya gosudarstvennaya vlast' i sibirskie inorodtsy v XVI–XVIII vv. [Russian State Power and Siberian Aliens in the 16th – 18th Centuries]. In: Sbornik trudov professirov i prepodavatelei Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta [Proceedings of Professors and Lecturers of the State Irkutsk University]. Irkutsk, 1920, iss. 1, p. 16–27. (in Russ.)
- Perevalova E. V.** Obskie ugrы i nentsy Zapadnoi Sibiri: etnichnost' i vlast' [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power]. Thesis Doc. Hist. Sc. Ekaterinburg, 2017, vol. 1, 515 p. (in Russ.)
- Shternberg L. Y.** Inorodtsy: Obshchii obzor [Aliens : Overview]. In: Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh: Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya [Forms of the National Movement in Modern States: Austria-Hungary. Russia. Germany]. St. Petersburg, 1910, p. 531–574. (in Russ.)
- Slezkine Yu.** Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2008, 512 p. (in Russ.)
- Slocum J. W.** Who and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia. *The Russian Review*, 1998, vol. 57, no. 2, p. 173–190.
- Sokolovsky S. V.** Ponyatie «korennoi narod» v rossiiskoi nauke, politike i zakonodatel'stve [The Concept of “Indigenous People” in Russian Science, Politics and Legislation]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1998, no. 3, p. 74–89. (in Russ.)
- Zuev A. S., Ignatkin P. S.** «Inozemtsy» – «svoi» i «inye»: ponyatiino-terminologicheskaya klassifikatsiya sotsial'no-politicheskogo statusa sibirskikh aborigenov v Moskovskom gosudarstve

(konets XVI – nachalo XVIII veka) [“Foreigners” – “Their” and “Other”: Terminological Classification for Social and Political Status of Siberian Natives in the Moscow State (End of the 16th – Beginning of the 18th Century)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 8, p. 67–85. (in Russ.)

Sources

- Dekrety Sovetskoi vlasti [Decrees of Soviet Power]. Moscow, Gospolitizdat, 1957, vol. 1, 626 p.; Politizdat, 1973, vol. 6, 584 p. (in Russ.)
- Inostrantsy i inorodtsy: Predmetno-alfavitnyi ukazatel' k zakonopolozheniyam Sovetskoi vlasti za vremya s oktyabrya 1917 po yanvar' 1921 g. [Foreigners and Aliens: Subject-Alphabetical Index to the Laws of Soviet Power During the Period from October 1917 to January 1921]. Petrograd, 1921, 30 p. (in Russ.)
- Slovar' Akademii Rossiiskoi [Dictionary of Academy of Russia]. St. Petersburg, 1794, vol. 5, 602 p. (in Russ.)
- Sud'by narodov Ob'-Irtyshskogo Severa (Iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. 1822–1941 gg.) [The Fate of the Peoples of the Ob-Irtysh North (From the History of Nation-Building. 1822–1941s)]. Collection of Documents. Tyumen, IPP “Tyumen”, 1994, 320 p. (in Russ.)
- Trudy Osobogo soveshchaniya po voprosam obrazovaniya vostochnykh inorodtsev [Proceedings of the Special Council on the Education of Eastern Aliens]. St. Petersburg, 1905, 366 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редакцию
Received
20.06.2019*

Сведения об авторе

Конев Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр» Сибирского отделения Российской академии наук (ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625000, Россия)
aldimoks@mail.ru

Information about the Author

Aleksei Yu. Konev, Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Federal Research Centre “Tyumen Scientific Center” of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (86 Malygina Str., Tyumen, 625000, Russian Federation)
aldimoks@mail.ru

УДК 331.108.2 (571)
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-112-125

«О частичном делатышизировании Алтгубкома»: кадровая политика областного партийного руководства Сибири в отношении Алтайского губернского комитета РКП(б) (март – июнь 1924 года)

Т. И. Морозова

*Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена Алтайскому губернскому комитету РКП(б) и кадровой политике, осуществлявшейся по отношению к нему Сибирским бюро ЦК и Сибирским краевым комитетом РКП(б). На основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, установлен персональный состав бюро Алтайского губкома и проанализированы взаимоотношения его членов друг с другом. Показано, что неспособность секретаря губкома А. И. Поднека и председателя губисполкома Л. Е. Гольдича к нормальной совместной работе вынудила Сибкрайком РКП(б) прибегнуть к кадровым перестановкам, сводившимся, главным образом, к откомандированию из губернии ответственных работников латышей. Сделан вывод, что в первой половине 1920-х гг. кадровые переброски были универсальным средством борьбы с политическими кланами, однако областное партийное руководство Сибири, тем не менее, старалось использовать их лишь в крайнем случае.

Ключевые слова

кадровая политика, коммунистическая партия, Алтайский губком, Л. Е. Гольдич, Л. А. Папардэ, А. И. Поднек, Я. Я. Тупин, Сибирь

Для цитирования

Морозова Т. И. «О частичном делатышизировании Алтгубкома»: кадровая политика областного партийного руководства Сибири в отношении Алтайского губернского комитета РКП(б) (март – июнь 1924 года) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 112–125. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-112-125

“On Partial Delatvization of Altgubcom”: The Personnel Policy of the Regional Party Leadership of Siberia Towards the Altai Provincial Committee of the RCP(B) (March – June 1924)

T. I. Morozova

*Institute of History SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The functioning of any organization depends, in many ways, on the personnel policy. The implementation of the directives of the Russian Communist party and any changes in the political course required dedicated and efficient cadre. In scientific literature one can often come across the statement according to which the party authority successfully resisted political clans, formed at the local level, through intensive personnel replacements. This article aims to describe the human resource policy of the Siberian regional party administration towards to the Altai provincial Commit-

© Т. И. Морозова, 2019

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 8: History

tee of the RCP(b) in March – June 1924. In particular, the author planned to find out whether employee transfers were actually effective, who made decisions about the replacement of the staff members and how they reacted to these replacements. Studying historical sources, that were found in the State archive of the Novosibirsk region and the State archive of the Altai territory, the author revealed the staffing structure of the Bureau of the Altai gubkom and analyzed the relationships bound themembers of this organization. The research showed that the Altai gubkom secretary A. I. Podneck and the chairman of the provincial executive committee L. E. Goldich completely failed cooperation work, and this circumstance forced the Siberian krai committee of RCP(b) to start personnel replacements, which mainly meant sending away high-ranking officials-Latvians from the province. The paper concludes by arguing that in the first half of the 1920s, employee transfers were a universal means of fighting political clans. However, Siberian regional party leadership used them only as a last resort, because of the difficulties to find an appropriate successor for the dismissed official.

Keywords

personnel policy, Communist Party, Altai provincial Committee, L. E. Goldich, L. A. Papardé, A. I. Podneck, Ya. Ya. Tupin, Siberia

For citation

Morozova T. I. “On Partial Delatvization of Altgubcom”: the Personnel Policy of the Regional Party Leadership of Siberia towards the Altai Provincial Committee of the RCP(b) (March – June 1924). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 112–125. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-112-125

Функционирование любой организации, органа или учреждения в значительной мере зависит от того, какую кадровую политику ведет ее / его руководство. Принципы и итоги подбора кадров, их состав и расстановка в большинстве случаев заметно влияют на направления, методы и результаты всей деятельности в целом.

В полной мере эти утверждения справедливы для Российской коммунистической партии большевиков. Весной 1922 г. на XI Всероссийском партийном съезде В. И. Ленин заявил, что «гвоздь всего положения не в политике, в узком смысле слова», «не в резолюциях, не в учреждениях, не в переорганизации», а прежде всего «в подборе людей» [Протоколы Одиннадцатого съезда РКП(б), 1936. С. 43–44]. Такая оценка роли кадров и кадровой политики являлась базовой для большевистской партии на всем протяжении ее существования.

Отношение высшего партийного руководства к кадрам определило принципы их подбора и расстановки на всех уровнях. Уездные, губернские, областные и краевые комитеты РКП(б) являлись выборными органами лишь формально. На самом деле их персональный состав в большинстве случаев заранее согласовывался с вышестоящими партийными инстанциями. Более того, ЦК активно применял практику откомандирования в области и края одних и отзыва в свое распоряжение других работников, тем самым непосредственно контролируя персональный состав областных / краевых партийных органов. Точно так же обкомы и крайкомы поступали по отношению к подотчетным им губкомам, а последние, в свою очередь, – к укомам РКП(б).

На первый взгляд такая система обеспечивала жесточайший контроль над партийным аппаратом на всех уровнях власти. Отсюда – довольно прочно укоренившееся в историографии представление о местных партийно-советских работниках как послушных ставленниках Центра. Однако в последние годы как зарубежные, так и отечественные исследователи все чаще стали обращать внимание на существование неформальных межличностных взаимосвязей и ту роль, которую они играли в центр-периферийных отношениях в 1920-е гг. В научной литературе приведено немало примеров того, как личные знакомства, родственные связи или национальность оказывались определяющим фактором для занятия человеком той или иной ответственной должности (см.: [Истер, 2010; Люшилин, 2013; Морозова, 2015] и др.).

За счет таких неформальных взаимоотношений в партийных и советских органах разного уровня нередко формировались относительно сплоченные группы, организованные по родственному или национальному признаку. В научной литературе неоднократно встречается утверждение, согласно которому партийное руководство успешно боролось с такими группами путем интенсивных кадровых перебросок (см., например: [Никулин, 1997; Чистиков, 2007; Павлюченков, 2008]). Но действительно ли этот метод борьбы с политическими кланами и «местничеством» был эффективен? Кто и по какому принципу принимал решение о пе-

ремещениях работников? Как реагировали на них сами «перебрасываемые»? Выявленные в Государственном архиве Новосибирской области и Государственном архиве Алтайского края сведения о взаимоотношениях областного партийного руководства Сибири с Алтайским губкомом весной 1924 г. позволяют в первом приближении ответить на поставленные вопросы.

К началу 1924 г. самой многонаселенной из шести губерний Сибири была Алтайская. По данным на 1 января, в ней проживало 1 643 297 чел.¹ Из них чуть больше десяти тысяч, или примерно 0,65 % населения, состояли в РКП(б), что соответствовало аналогичному показателю по Сибири в целом. Руководство Алтайской губернской партийной организацией осуществлял губернский комитет РКП(б) во главе с бюро. Последнее состояло из девяти человек: секретаря губкома А. И. Поднека, членов бюро Л. Е. Гольдича, М. И. Ковалева, Л. А. Папардэ, Я. Я. Тупина и кандидатов в члены бюро П. Г. Важнова, О. И. Марка, М. А. Палькина, Л. В. Решетникова. Такой персональный состав бюро Алтайского губернского комитета был сформирован далеко не единовременно.

Самым опытным среди членов бюро губкома, по всей видимости, был М. И. Ковалев. Максим Иванович родился в 1887 г. в Симбирской губернии в семье русского крестьянина. В 1902 г. окончил четырехклассное городское училище, в 1905 г. вступил в РСДРП(б), в 1911–1912 гг. находился в эмиграции в Болгарии, после возвращения в Россию проживал в Барнауле. С января 1920 г. работал по советской, хозяйственной и кооперативной линиям. Благодаря дореволюционному стажу и наличию руководящего опыта в начале января 1922 г. М. И. Ковалев был назначен заведующим организационным отделом Алтайского губкома РКП(б). Занятие этой должности по сложившемуся в большевистской партии негласному правилу обеспечило его избрание в члены президиума (так до 1924 г. называлось бюро) губкома. 28 ноября 1922 г. М. И. Ковалев был назначен председателем Алтайского губернского совета профессиональных союзов², сохранив за собой при этом членство в президиуме губкома.

Следующим по стажу работы в составе президиума / бюро губкома был А. И. Поднек. Август Иванович родился в 1895 г. в крестьянской латышской семье в Курляндской губернии, окончил городское четырехклассное училище, в 1913 г. вступил в РСДРП(б). С лета 1920 г. служил в Красной армии: являлся начальником политотдела сначала Тульской, а затем 48-й стрелковых дивизий, помощником начальника политуправления Московского военного округа. В июле 1922 г. был демобилизован и отправлен на ответственную работу в Алтайскую губернию. 7 августа 1922 г. в ходе закрытого заседания президиум губкома принял решение кооптировать А. И. Пондека в ряды своих членов, «возложив на него обязанности зам[естителя] секретаря губкома и заведывание агитотделом»³. А всего несколько дней спустя, 11 августа, президиум постановил «признать возможным немедленное вступление тов. Поднек[а] в должность секретаря губкома РКП[(б)], о чем сообщить Сиббюро ЦК»⁴.

Такая поспешность, судя по всему, была обусловлена позицией являвшегося тогда секретарем губкома члена РСДРП(б) с 1915 г. А. В. Перимова. В середине августа 1922 г. он направил секретарю Сиббюро ЦК РКП(б) И. И. Ходоровскому небольшое письмо, в котором просил как можно скорее санкционировать его откомандирование из Алтайской губернии. О своем преемнике А. В. Перимов писал: «Мы все наблюдали тов. Поднека, я нарочно, чтобы дать возможность ему быстро освоиться с работой секретаря, посадил его на свое место и лишь помогал ему советами и фактическими справками. Тов. Поднек отличается способностью быстро ориентироваться, действует вдумчиво и осторожно; с партийной работой (в узком смысле слова) тов. Поднек знаком вполне. В вопросах персональных, хозяйственных и общеполитических, при решении которых необходимо знать организацию и условия Алтайской губернии, ему, безусловно, смогут дать необходимые сведения и советы целый

¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 563. Л. 3.

² Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 34. Л. 257.

³ Там же. Оп. 2. Д. 272. Л. 66 – 66 об.

⁴ Там же. Л. 52.

ряд товарищей – старых работников Алтгубернии: т.т. Грансберг, Ковалев, Канцелярский, Марк и др.»⁵. Ходатайство А. В. Перимова было удовлетворено путем его отзыва в распоряжение Сиббюро ЦК РКП(б), благодаря чему А. И. Поднек занял пост секретаря губкома.

На этом кадровые перестановки в губернском руководстве не закончились. В декабре 1922 г. вместо М. И. Ковалева, занявшего пост председателя Алгубпрофсовета, заведующим организационным отделом Алтайского губкома был назначен Я. Я. Тупин. Ян Янович происходил из крестьянской латышской семьи. Он родился в 1895 г. в Курляндской губернии, в 1911 г. окончил торговую школу и вступил в РСДРП(б). С ноября 1919 по май 1922 г. служил в Красной армии, поочередно занимая должности комиссара управления запасных частей 15-й армии, комиссара 142-й и 143-й бригад 48-й стрелковой дивизии, помощника комиссара той же дивизии и командира 424-го стрелкового полка. В июне 1922 г. по решению ЦК РКП(б) был откомандирован в Барнаул, где работал в должностях сначала заведующего орготделом райкома, а затем – секретаря райкома г. Барнаула⁶.

Убедительных доказательств того, что Я. Я. Тупин до своего прибытия в Барнаул был лично знаком с А. И. Поднеком, обнаружить не удалось. Однако нет сомнений, что их многое связывало. Я. Я. Тупин и А. И. Поднек были ровесниками по возрасту и латышами по национальности, происходили из крестьян одной губернии, служили в одной стрелковой дивизии, почти в одно время были демобилизованы и откомандированы на Алтай. Все это позволяет предположить, что секретарь губкома вполне мог способствовать назначению Я. Я. Тупина на пост заведующего организационным отделом губкома, тем самым сделав его, по сути, своей правой рукой. По сложившейся в РКП(б) традиции именно заведующий орготделом, как правило, замещал ответственного секретаря в случае его отсутствия на месте.

Третьей по значимости в структуре большинства партийных комитетов являлась должность заведующего агитационно-пропагандистским отделом. В Алтайском губкоме со времени назначения А. И. Поднека ответственным секретарем эта должность оставалась вакантной. По решению Сиббюро ЦК в конце сентября 1922 г. на нее был назначен отзванный из г. Улалы бывший секретарь Оиротского обкома РКП(б) Л. А. Папардэ. Было это случайным совпадением или национальность учитывалась при подборе кандидата на должность, но Леонид Андреевич тоже был латышом. Он родился в 1893 г. в Лифляндской губернии, в 1911 г. вступил в РСДРП(б), три года спустя окончил учительскую семинарию, с 1918 г. находился на партийной и советской работе на Алтае.

Судя по всему Л. А. Папардэ, А. И. Поднек и Я. Я. Тупин быстро сработались не только между собой, но и с председателем Алтайского губисполкома Советов, латышом по национальности Х. Д. Грансбергом. Христофор Давидович родился в 1885 г. в Курляндской губернии в семье крестьянина, окончил училище им. Александра III в Митаве, в 1903 г. вступил в Латышскую социал-демократическую рабочую партию. С 1919 г. жил в Барнауле. В ноябре 1921 г. он был назначен заместителем председателя, а в марте 1922 г. – председателем губисполкома. Этот пост обусловил избрание Х. Д. Грансберга членом президиума губкома (подробнее об этом см.: [Шишгин, 2009б]). Свидетельством доверия к Христофору Давидовичу может служить тот факт, что в сентябре 1923 г. не секретарь губкома А. И. Поднек и не заведующий орготделом Я. Я. Тупин, а именно он докладывал на заседании Сиббюро ЦК о работе Алтайского губкома РКП(б)⁷. В биографическом очерке, написанном и опубликованном А. И. Кобелевым в 2007 г., прямо сказано, что Х. Д. Грансберг «дружил с Августом Поднеком» [Кобелев, 2007. С. 45].

Атмосфера сплоченности в руководстве Алтайского губкома сохранялась как минимум до конца лета 1923 г. Однако 30 августа Сиббюро ЦК неожиданно и без какой-либо мотивировки постановило «предложить т[ов]. Грансбергу срочно ехать в Омск на должность пред-

⁵ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 272. Л. 51.

⁶ Там же. Ф. П-187. Оп. 2. Д. 382. Л. 5–6.

⁷ Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 31. Л. 212.

губисполкома»⁸. Х. Д. Грансберг выехал в начале сентября, а уже в середине месяца из Красноярска в Барнаул прибыли супруги Е. Л. и Л. Е. Гольдич. Евгения Львовна была назначена заведующей агитпропотделом райкома г. Барнаула, а ее муж – Лев Ефимович – председателем Алтайского губисполкома.

В отличие от Х. Д. Грансберга Л. Е. Гольдич происходил из семьи интеллигента, был евреем по национальности и имел высшее образование, знал два иностранных языка: немецкий и французский. С 1912 до весны 1917 г. он жил в Швейцарии, где окончил медицинский факультет Бернского университета и получил профессию врача. С 1913 г. Л. Е. Гольдич состоял в Бунде, а в 1916 г. вступил в РСДРП(б). Был лично знаком с В. И. Лениным, после Февральской революции вместе с ним и другими политэмигрантами в «запломбированном вагоне» вернулся в Россию [Кобелев, 2007. С. 46–47; Шишгин, 2009а]. С февраля 1920 г. Лев Ефимович являлся председателем Омской комиссии по борьбе с тифом, затем – заведующим Омским губернским отделом здравоохранения, с июня 1920 г. – членом Омского губревкому, с сентября 1920 г. – членом президиума, а с марта 1921 г. – заместителем председателя Омского губисполкома. В августе 1921 г. Л. Е. Гольдич был откомандирован в Красноярск, где занимал должность председателя Енисейского губисполкома вплоть до отзыва на аналогичную работу в Барнаул. На состоявшемся 29 сентября – 1 октября 1923 г. пленуме Алтайского губкома он был сначала введен в число членов губернского комитета, после чего единогласно избран членом его бюро⁹.

Казалось бы, новый председатель губисполкома по своим личным качествам и опыту работы нисколько не уступал своему предшественнику. Однако уже в скором времени выяснилось, что различия между Л. Е. Гольдичем и А. И. Поднеком по социальному происхождению, национальности, уровню образования и дореволюционному прошлому стали серьезным препятствием для нормальной совместной работы. А. И. Поднек, Л. А. Папардэ и Я. Я. Тупин, больше года проработавшие вместе, по всей видимости, оказались не готовы принять в свои ряды «чужака», превосходившего их к тому же в интеллектуальном плане.

Результатом этого стала несогласованность в работе губкома и губисполкома, постоянные разногласия между руководителями этих органов по разным, в том числе кадровым, вопросам. Один из таких эпизодов произошел 23 февраля 1924 г., когда бюро губкома большинством голосов (А. И. Поднек, Л. А. Папардэ, Я. Я. Тупин) приняло решение об откомандировании из губернии секретаря Бийского укома Л. В. Жестянникова, председателя Бийского уисполнкома М. С. Правды и председателя Рубцовского уисполнкома М. И. Фугенфирова¹⁰. Возражавший против принятия такого решения Л. Е. Гольдич настоял на приложении к протоколу заседания его особого мнения: «Считаю решение бюро губкома об откомандировании тов. Фугенфирова, Жестянникова и Правды в настоящий момент ошибочным по следующим соображениям: серьезных оснований к их немедленному откомандированию не имеется. Подходящей замены не имеется и бюро губкома вынуждено просить Сиббюро о замене...»¹¹. Будучи председателем Алтайского губернского исполнкома, Л. Е. Гольдич выразил особое возмущение тем фактом, что вместо М. И. Фугенфирова председателем Рубцовского уисполнкома было решено назначить секретаря губисполкома Г. С. Корнякова, а на его место поставить некоего Новицкого, явившегося беспартийным. Наряду с Л. Е. Гольдичем против массового откомандирования ответственных работников из губернии выступил М. И. Ковалев¹².

Однако ни сразу, ни позднее указанные возражения приняты не были. В начале марта 1924 г. А. И. Поднек в письменном виде докладывал секретарю Сиббюро ЦК РКП(б) С. В. Косиору, что «бюро губкома решило перебросить» трех человек: «тов. Фугенфирова мы заменяем своим работником (Корняковым), для Жестянникова и Правды просим при-

⁸ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 41. Л. 143.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 653. Л. 31, 38.

¹⁰ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 123.

¹¹ Там же. Л. 124 – 124 об.

¹² Там же. Л. 125.

слать замену»¹³. Никаких указаний на существование «особых мнений» в письме не содержалось. Тем самым секретарь губкома А. И. Поднек и заведующий орготделом Я. Я. Тупин, по должности отвечавший за распределение кадров в губернии, проигнорировали позицию своих товарищей, причем даже в том случае, когда это касалось непосредственного подчиненного одного из них. Л. Е. Гольдич, формально являясь председателем губисполкома Советов, на деле оказался почти полностью лишен возможности участвовать в подборе и распределении советских кадров.

13 марта 1924 г. Л. Е. Гольдич получил официальное разрешение бюро Алтайского губкома для поездки в Новониколаевск¹⁴. Одновременно с ним в столицу Сибири выехал А. И. Поднек. 18 марта 1924 г. они оба обратились за разрешением возникших между ними противоречий к С. В. Косиору и председателю Сибревкома М. М. Лашевичу. Поскольку беседа носила частный характер, источников, позволяющих достоверно реконструировать ее содержание, нет. Однако более поздние свидетельства Л. Е. Гольдича и С. В. Косиора позволяют утверждать, что Сиббюро ЦК не планировало откомандирования из губернии ни секретаря губкома, ни председателя губисполкома. В то же время С. В. Косиор и М. М. Лашевич предложили «освежить бюро», сняв Я. Я. Тупина с поста заведующего орготделом губкома. Как позднее утверждал С. В. Косиор, «[т]ов. Поднек согласился со снятием Тупина с тем, что он все же останется в Барнауле»¹⁵. Придя к такому компромиссу, 19 марта Л. Е. Гольдич и А. И. Поднек вернулись в Барнаул.

Однако уже 3 апреля 1924 г. Л. Е. Гольдич снова обратился к бюро губкома с просьбой разрешить ему поездку в Новониколаевск «по служебным делам»¹⁶. Получив официальную санкцию для осуществления такой командировки, он направился в Сиббюро ЦК и еще раз попытался убедить С. В. Косиора, что больше работать вместе с А. И. Поднеком не может. Для разрешения проблемы Лев Ефимович предложил два варианта: либо замену секретаря Алтайского губкома, либо откомандирование самого Л. Е. Гольдича в Москву. Вернувшись вечером 7 апреля обратно в Барнаул, он оказией отправил М. М. Лашевичу небольшую, но довольно эмоциональную записку: «Уважаемый Михаил Михайлович! Вам с тов. Косиором придется на этих днях решать поставленный мной сегодня вопрос. О результатах Ст[анислав] В[икентьевич] обещал написать. Убедительная просьба при решении вопроса иметь в виду, что решать, очевидно, необходимо кардинально. Не мною, но обстоятельствами вопрос ставится “или – или”. Тянуть и впредь волынку нет смысла и возможности»¹⁷.

В следующие несколько дней Л. Е. Гольдич обдумал свое положение более спокойно. Не исключено, что за это время он также получил дополнительную информацию о позиции М. М. Лашевича, который предложил откомандировать Льва Ефимовича в другую губернию. В любом случае в письме от 11 апреля 1924 г., адресованном С. В. Косиору, Л. Е. Гольдич занял более осторожную и гибкую позицию. Опасаясь откомандирования не в Москву, а в Томск, Л. Е. Гольдич стал ссылаться на «состояние здоровья семьи»: «Я говорил Вам, что если оно за лето достаточно улучшится (есть основания надеяться на это), то я в Вашем распоряжении. <...> Ехать сейчас в другую губернию я не могу, ибо это значит уже сейчас решить вопрос о 1½ – 2 годах работы в Сибири». Оперируя собственным опытом, он утверждал, что необходимость вникнуть в суть хозяйственных и политических дел губернии не позволяет работать в ней менее полутора – двух лет. Из приведенных рассуждений вытекал фактический отказ Л. Е. Гольдича от ранее предлагаемой им альтернативы. Теперь он заключал: «Очевидно, придется остаться при том решении, которое Вы и Мих[айл] Мих[айлович] приняли в беседе со мной и тов. Поднеком 18 марта. А мне надо будет на время (я уже сейчас это делаю) покрепче взять себя в руки. Это для меня единственный приемлемый выход из соз-

¹³ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 16 – 16 об.

¹⁴ ГААК. Ф. П-2. Оп. 5. Д. 10. Л. 28.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹⁶ ГААК. Ф. П-2. Оп. 5. Д. 10. Л. 38 об.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 28. Л. 25.

давшегося положения. Да и вообще это, пожалуй, лучшее, что можно сейчас сделать. А осенью, м[ожет] б[ыть], в другую губернию»¹⁸.

Изложенная в письме точка зрения была принята во внимание областным руководством. 16 апреля 1924 г. Сиббюро ЦК постановило «т[ов]. Гольдича ввиду выраженного им желания оставить на Алтае»¹⁹. Вместе с тем С. В. Косиор и М. М. Лашевич, несомненно, понимали, что ликвидировать противоречия и наладить нормальную работу Алтайского губкома без кадровых перестановок не удастся. Поэтому для оценки ситуации на месте было решено направить в Барнаул М. М. Лашевича, о чём Сиббюро ЦК своевременно уведомило А. И. Поднека.

Параллельно с решением проблем в Алтайском губкоме областное партийное руководство наблюдало за ситуацией в Енисейской губернии, где с конца марта 1924 г. стремительно нарастал конфликт между оппозиционно настроенным руководством I райкома и губкомом РКП(б). К середине апреля ситуация в Красноярске усугубилась настолько, что Сиббюро ЦК было вынуждено проинформировать ЦК и обратилось с просьбой прислать для расследования инцидента представителя ЦКК (подробнее об этом см.: [Демидов, 1994. С. 35–39]). В сложившейся обстановке партийное руководство Сибири оперативно пересмотрело приоритеты и 19 апреля 1924 г. направило А. И. Поднеку телеграмму следующего содержания: «[В]следствие возникшей [в] Красноярске склоки [и] вызова члена ЦКК [М. М.] Лашевич выедет [в] Красноярск зпг [к] Вам поедет [Б. Д.] Пинсон»²⁰.

Борис Давыдович Пинсон родился в Витебске в 1892 г. в семье портного, был евреем по национальности, вступил в РСДРП(б) в 1907 г., с 6 марта 1924 г. являлся членом Сиббюро ЦК и заведующим его агитационно-пропагандистским отделом. Вместе с ним в 20-х числах апреля на Алтай выехали еще несколько коммунистов, в том числе недавно прибывший в распоряжение Сиббюро ЦК В. И. Сенько – большевик с дореволюционным партийным стажем, до переезда в Новониколаевск являвшийся ответственным секретарем Елабугинского районного комитета РКП(б) Татарской АССР.

В Барнауле Б. Д. Пинсон в первую очередь направился к А. И. Поднеку, а затем – к Л. Е. Гольдичу. Свои впечатления от личных бесед с ними, а также сведения о дальнейшем развитии событий Борис Давыдович изложил в развернутом письме, которое направил С. В. Косиору в конце апреля. Этот документ является наиболее информативным источником как о позиции Сиббюро ЦК, так и о реакции на нее руководителей Алтайского губкома.

«Выводы, к которым я пришел в первый день после переговоров и частных товарищеских бесед с упомянутыми товарищами, – сообщал С. В. Косиору Б. Д. Пинсон, – с большой ясностью убедили меня, что первое – никаких принципиальных разногласий в процессе работы не было, что вся несработанность и неналаженность отношений между товарищами по существу являются продуктом совершенного непонимания со стороны тов. Поднека вреда, наносимого советскому аппарату мелким дерганьем и нечутким, невдумчивым подходом к работе руководящего ядра т.т. по советской линии. С другой стороны, выявилось со стороны тов. Поднека местничество, смешанное с огромной, буквально нетерпимой, дозой упрямства, полное нежелание считаться с мнением Сиббюро и не в меру частое выпячивание своего “я” примерно в такой форме: “если товарищ Тупин будет заменен кем бы то ни было, то я уйду, или же категорически сниму свою кандидатуру в секретари губкома на [губернской партийной] конференции”»²¹.

Поскольку договориться с А. И. Поднеком не получилось, Б. Д. Пинсон принял решение вынести вопрос об откомандировании Я. Я. Тупина на бюро Алтайского губкома. «На другой день в 10-ть часов утра, – докладывал Б. Д. Пинсон, – по моему предложению состоялось закрытое заседание бюро, на котором я в отчетливой форме поставил вопрос о необходимости создать обстановку для работы и предложил тов. Тупина заменить прибывшим т[ов]. Сенько

¹⁸ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 28. Л. 93.

¹⁹ Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 41. Л. 151.

²⁰ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 17.

²¹ Там же. Л. 26.

В. И. Высказывались все и, несмотря на то, что, казалось, товарищи как большевики должны были подчиниться предложению вышестоящего партийного центра, предложение было отвергнуто простым голосованием, причем в качестве лейтмотива была выставлена террористическая угроза со стороны тов. Поднека, что он категорически уйдет в случае снятия Тупина»²².

Б. Д. Пинсон был явно возмущен поведением А. И. Поднека, квалифицируя его как «невиданное упрямство», «самодурство» и «недисциплинированность». И тем не менее, как и С. В. Косиор и М. М. Лашевич, Б. Д. Пинсон проявлял осторожность. Представители Сиббюро ЦК явно не желали вынесения возникших противоречий на губернскую партийную конференцию, чем их фактически шантажировал А. И. Поднек. Поэтому Б. Д. Пинсон принял решение «дать спокойно, без всякой лихорадки пройти губконференции и уже [после нее] на заседании Сиббюро поставить вопрос <...> о частичном делатышизировании Алтгубкома и Алторганизации»²³.

Необходимость рассмотрения проблемы именно в таком ракурсе была аргументирована Б. Д. Пинсоном таким образом: «Должен сказать, что за исключением разве одного только т[ов]. Папардэ (разумеется, ты меня не обвинишь в особой слабости к агитпропщику) все т.т. латыши, очевидно по тону, [за]данному т[ов]. Поднек[ом], держат довольно основательно “ноги на столе” и не в меру давят организацию. Наряду с этим здесь замечается какой-то особый специфический подбор по национальному признаку людей. Кругом, куда ни бросишь взор, на ответ[ственных] постах латыши, слепо преданные и слепо выполняющие распоряжения т[ов]. Поднек[а], который за минусом всех отрицательных сторон, мешающих работе, парень как будто ничего, но ведь это не существенно, ведь нужно работать...»²⁴.

После получения письма Б. Д. Пинсона С. В. Косиор счел необходимым вмешаться в конфликт лично. 2 мая 1924 г. он направил в Барнаул две шифротелеграммы. Первая, за номером «19/ш» была адресована А. И. Поднеку: «Удивлены Вашим настойчивым нежеланием создать Гольдичу возможность совместной работы тчк Категорически настаиваем [на] проведении нашего соглашения [о] снятии Тупина [и] откомандировании Марка»²⁵. Выявленные источники не позволяют убедительно объяснить, почему в поле зрения областного партийного руководства наряду с Я. Я. Тупиным вдруг попал О. И. Марк. В письме к С. В. Косиору Б. Д. Пинсон выражал недовольство поведением группы, состоящей будто бы исключительно из латышей, тогда как Освальд Иосифович родился в Эстляндской губернии и по национальности был эстонцем²⁶. Не исключено, что Б. Д. Пинсон и С. В. Косиор ошибочно считали его латышом.

Вторая шифротелеграмма С. В. Косиора под номером «20/ш» предназначалась Б. Д. Пинсону: «Категорически настаивайте [на] проведении нашего соглашения [с] Поднеком относительно Тупина [в] жизнь вплоть [до] постановки вопроса [о] невозможности дальнейшей работы Гольдича [и] Поднека [на] плenуме»²⁷.

Нет сомнений, что А. И. Поднек знал о содержании обоих сообщений. На следующий день он и Л. А. Папардэ отправили С. В. Косиору ответную шифротелеграмму, содержащую очередной ультиматум: «Удивлены Вашей поддержкой беспринципного меньшинства. Возможность совместной работы с Гольдичем исключена, поэтому категорически настаиваем [на] оставлении Тупина на прежней работе, в противном случае снимаем [свои] кандидатуры в бюро и требуем отзыва. Срочно телеграфируйте»²⁸.

Принцип демократического централизма, на основе которого была построена РКП(б), предполагал подчинение низших организаций высшим. Областное партийное руководство

²² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 28.

²³ Там же. Л. 29.

²⁴ Там же. Л. 30.

²⁵ Там же. Л. 22.

²⁶ Там же. Оп. 6. Д. 1373. Л. 3, 7.

²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 65. Л. 23.

²⁸ Там же. Л. 24.

было не обязано прислушиваться к мнению секретаря губкома, а тем более к мнению, сформулированному в таком тоне. Поэтому ответ С. В. Косиора был однозначен и тверд: «Кандидатуру Тупина [для] оздоровления атмосферы [из состава] бюро отводим тчк Никаких принципов[,] кроме упрямства[, в] Вашем поведении не видим тчк [На] Ваш отзыв согласны». Вместе с тем С. В. Косиор уточнил, что окончательное решение по поставленному вопросу будет принято Сибирским краевым комитетом РКП(б) – органом, который планировалось избрать на предстоящей краевой партийной конференции вместо Сиббюро ЦК. Завершалась телеграмма указанием, не подлежавшим обсуждению: «Пока Вы, Папарде [и] Гольдич войдете в [plenum] губком[а] и президиум (имеется в виду бюро Алтайского губкома. – *T. M.*)»²⁹.

А. И. Поднеку не оставалось ничего, кроме как подчиниться. 2–5 мая 1924 г. в Барнауле прошла VIII Алтайская губернская партийная конференция. На ее заключительном заседании был избран пленум губкома в количестве 29 членов и 13 кандидатов в члены³⁰. Среди них оказались все, кто ранее входил в бюро губкома, за исключением О. И. Марка³¹.

В тот же день состоялось первое заседание пленума губкома, на котором наряду с его членами и кандидатами присутствовали также пять членов Алтайской губернской контрольной комиссии и представлявший Сиббюро ЦК Б. Д. Пинсон. В повестку заседания были поставлены два вопроса: «выборы бюро губкома» и «выборы секретаря губкома». При обсуждении первого, как показывает протокол заседания, возникли серьезные разногласия. Главным свидетельством этого служит то, что, вопреки уже сложившейся к тому времени в РКП(б) традиции, голосование осуществлялось не за список в целом, а по каждой из предложенных кандидатур персонально.

В результате из восьми претендентов на избрание в члены бюро губкома единогласно были поддержаны только двое: бывший секретарь губкома А. И. Поднек и секретарь ячейки РКП(б) работников водного транспорта Бобровского затона, большевик с 1910 г. М. А. Ярков. Еще четыре человека были избраны членами бюро простым большинством голосов: Л. А. Папардэ получил 22 голоса «за» при одном воздержавшемся, М. И. Ковалев – 20 «за» при трех воздержавшихся, Л. Е. Гольдич – 17 «за» и один «против» при шести воздержавшихся, секретарь Барнаульского уездного комитета РКП(б), большевик с 1906 г. Т. Ф. Фофанов – 15 «за» при восьми воздержавшихся. Не смогли набрать более половины голосов Я. Я. Тупин (10 «за») и В. И. Сенько (5 «за»). И это несмотря на то, что они, по всей вероятности, голосовали сами за себя, тогда как упомянутые выше шесть коммунистов в голосовании по своим собственным кандидатурам участвовать не стали³².

Возмущенный таким результатом, Б. Д. Пинсон потребовал занести в протокол заседания пленума его «протест о непроведении в состав бюро губкома тов. Сенько». Прецедент провала на выборах кандидатуры, рекомендованной в состав бюро губкома вышестоящим партийным органом, был настолько уникальным, что вопрос о членстве Я. Я. Тупина и В. И. Сенько постановили в итоге «передать на окончательное разрешение Сибрайкома РКП[(б)]»³³.

Других разногласий на заседании не возникло. Кандидатами в члены бюро Алтайского губкома были избраны ранее уже состоявшие в нем М. А. Палькин и Л. В. Решетников, а также председатель Алтайского губернского союза кооперативов, член РКП(б) с 1919 г. Д. Е. Марков. Секретарем губкома единогласно был переизбран А. И. Поднек.

Вскоре после завершения пленума Б. Д. Пинсон вернулся в Новониколаевск, где 8–11 мая 1924 г. прошла первая Сибирская краевая партийная конференция. В ходе нее вместо назначаемого сверху Сиббюро ЦК, как и планировалось, был избран Сибирский краевой комитет

²⁹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 25.

³⁰ Там же. Д. 64. Л. 28 об.

³¹ 20 мая 1924 г. бюро Алтайского губкома со ссылкой на «отношение Сибрайкома РКП[(б)] от 12 мая № 2318» постановило откомандировать О. И. Марка в распоряжение Ойротского обкома партии (ГААК. Ф. П-2. Оп. 5. Д. 10. Л. 60).

³² ГААК. Ф. П-2. Оп. 5. Д. 8. Л. 1; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 135.

³³ ГААК. Ф. П-2. Оп. 5. Д. 8. Л. 1; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 135.

РКП(б). Сразу после завершения конференции, 11 мая, состоялось первое заседание пленума Сибкрайкома. На нем были избраны ответственный секретарь, члены и кандидаты в члены бюро Сибкрайкома, а также рассмотрены проблемы ряда уездных и губернских организаций.

Пятым в этом ряду был поставлен вопрос «о положении в Алтайском губкоме». В качестве докладчика по данному пункту повестки выступил С. В. Косиор, только что избранный ответственным секретарем Сибкрайкома РКП(б). Он сообщил, что сведения об «установившихся семейных отношениях между членами бюро Алтайского губкома» имелись у Сиббюро ЦК еще до прибытия Л. Е. Гольдича в Барнаул. По словам С. В. Косиора, областное партийное руководство видело причину фактического отстранения Л. Е. Гольдича от решения ряда вопросов не в «сознательной изоляции», а в том, что А. И. Поднек, Я. Я. Тупин и Л. А. Папардэ «живут вместе», благодаря чему «невольно» обсуждают дела до заседания бюро губкома. Из доклада С. В. Косиора следовало, что Сиббюро ЦК до последнего не планировало разрешать возникшие противоречия путем снятия секретаря губкома или председателя губисполкома. Позиция областного партийного органа изменилась после Алтайской губернской конференции РКП(б), поведение А. И. Поднека во время которой Сиббюро ЦК сочло «недопустимым не только для секретаря губкома, но и как члена партии»³⁴.

В прениях по обозначенному вопросу выступили семь человек: члены бюро Сибкрайкома М. М. Лашевич, И. П. Павлуновский и Б. Д. Пинсон, избранный членом пленума Сибкрайкома секретарь Бийского укома П. В. Клоков, а также непосредственные участники событий – Л. Е. Гольдич, Л. А. Папардэ и А. И. Поднек. Представители краевого партийного руководства акцентировали внимание на недисциплинированности секретаря губкома, выразившейся в игнорировании им директив Сиббюро ЦК. Полномочный представитель ГПУ по Сибири И. П. Павлуновский, кроме того, особо подчеркнул, что «т[ов]. Поднек не имел права считать соглашение с Сиббюро [не действительным] только потому, что [в Барнаул] приехал не т[ов]. Лашевич, а т[ов]. Пинсон»³⁵.

Сам А. И. Поднек оправдывал свой отказ от откомандирования Я. Я. Тупина двумя обстоятельствами: отсутствием влияния «спайки губкома» на партийную массу и целесообразностью оставления вопроса о заведующем орготделом губернского комитета в компетенции самого губкома. Кроме того, А. И. Поднек попытался дискредитировать Л. Е. Гольдича, заявив о том, что во время внутрипартийной дискуссии он «не был в оппозиции, но не сильно был связан и с позицией ЦК»³⁶.

Однако большинство членов пленума Сибкрайкома посчитало аргументы А. И. Поднека не убедительными. 20 голосами «за» при одном голосе «против» и трех воздержавшихся было принято следующее постановление: «1. Считать, что действия Сиббюро в вопросе о положении, создавшемся в Алтгубкоме, были правильными. 2. Признать, что со стороны т.т. Поднека и Папардэ была проявлена определенная партийная невыдержанность в смысле проведения директив Сиббюро. 3. Снять с работы в Алтайской губ[ернии] т.т. Поднека, Папардэ, Гольдича и Тупина, согласовав с губкомом вопрос о работниках вместо них»³⁷.

12 мая 1924 г. ряд кадровых решений принял бюро Сибкрайкома РКП(б). Согласно его постановлению, временным секретарем Алтайского губернского комитета былтвержден Т. Ф. Фофанов, заведующим организационным отделом губкома – В. И. Сенько. Я. Я. Тупина было решено «снять немедленно», а вопрос о замене А.И. Поднека и Л. А. Папардэ – поставить перед ЦК. Просьба Л. Е. Гольдича о его откомандировании в Москву в связи с болезнью семьи также, наконец, была удовлетворена³⁸. В течение двух дней заве-

³⁴ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

³⁵ Там же. Л. 6.

³⁶ Там же. Л. 4.

³⁷ Там же. Л. 2.

³⁸ Там же. Л. 196.

дующий организационным отделом Сибкрайкома РКП(б) Н. В. Рогозинский по телеграфу передал в Барнаул информацию о соответствующих кадровых перестановках³⁹.

14 мая 1924 г. собралось внеочередное заседание бюро Алтайского губкома. Участие в нем приняли члены бюро Л. Е. Гольдич, Т. Ф. Фофанов, М. А. Ярков, кандидаты в члены бюро Д. Е. Марков и М. А. Палькин, а также В. И. Сенько и Я. Я. Тупин, вопрос о членстве в бюро которых формально к тому времени все еще не был решен. Поскольку из всех перечисленных Л. Е. Гольдич оказался единственным, кто присутствовал на пленуме Сибкрайкома, то именно он доложил о постановлениях краевого партийного органа.

На основе полученных сведений бюро губкома приняло ряд организационных решений. В первую очередь запланировало пленум Алтайского губкома, на котором предстояло утвердить новый состав бюро. Временно, до созыва пленума, бюро губкома было решено «сконструировать» из пяти человек: Д. Е. Маркова, М. А. Палькина, В. И. Сенько, Т. Ф. Фофанова и М. А. Яркова. Демонстрируя свою солидарность с постановлением Сибкрайкома, бюро губернского комитета дополнительно (хотя в этом не было необходимости) утвердило Т. Ф. Фофанова временно исполняющим обязанности секретаря, а В. И. Сенько – заведующим орготделом губкома и подтвердило решения о необходимости откомандирования Л. Е. Гольдича и Я. Я. Тупина в распоряжение краевого комитета РКП(б). Временно исполняющим обязанности председателя губисполкома был назначен М. А. Палькин⁴⁰.

Пленум Алтайского губкома РКП(б) состоялся месяц спустя – 15 июня 1924 г. Специально для участия в нем из Новониколаевска в Барнаул прибыли секретарь Сибкрайкома С. В. Косиор и бывший секретарь Башкирского обкома РКП(б) Р. А. Восканов.

Рубен Айрапетович Восканов – армянин по национальности – родился в Асхабаде в 1891 г. В 1914 г. он вступил в РСДРП(б), в 1918–1919 гг. неоднократно подвергался арестам, в 1920–1921 гг. работал по советской и профсоюзной линиям в Армении и Азербайджане, в 1922–1923 гг. являлся заместителем уполномоченного, а затем уполномоченным Наркомата путей сообщения РСФСР. С октября 1923 г. Р. А. Восканов руководил Башкирской областной партийной организацией до тех пор, пока 3 июня 1924 г. Оргбюро ЦК РКП(б) не постановило откомандировать его в распоряжение Сибкрайкома РКП(б). Появление в Новониколаевске ответственного партийного работника областного масштаба оказалось как нельзя кстати. Уже 9 июня бюро Сибкрайкома постановило откомандировать его в Барнаул «в качестве секретаря губкома вместо тов. Поднек[а]»⁴¹.

Отзыв краевым комитетом РКП(б) одного и назначение другого секретаря губкома в середине 1920-х гг. являлись стандартными процедурами. Но трудности, с которым столкнулось областное / краевое партийное руководство Сибири во взаимоотношениях с Алтайским губернским комитетом, свидетельствовали о необходимости особого подхода. Поэтому Р. А. Восканов поехал в Барнаул не один, как было принято, а в сопровождении С. В. Косиора, принявшего решение урегулировать возникшие кадровые вопросы лично⁴².

В первую очередь Станислав Викентьевич разъяснил мотивы откомандирования из губернии Л. Е. Гольдича, Л. А. Папардэ и А. И. Поднека, а также транслировал позицию Сибкрайкома относительно кандидатур на должности секретаря губкома РКП(б) и председателя губисполкома Советов. Выступление С. В. Косиора, являвшегося к тому времени не только руководителем Сибирской партийной организации, но и членом ЦК РКП(б), способствовало быстрому и успешному разрешению всех принципиальных вопросов. В соответствии с полученными рекомендациями пленум губкома постановил кооптировать в свои ряды Р. А. Восканова и бывшего второго секретаря ЦК КП(б) Бухары, члена РСДРП(б) с октября 1917 г. А. Н. Поздышева. Первый был утвержден секретарем Алтайского губкома, второй – председателем Алтайского губисполкома. Членами бюро губкома были избраны Р. А. Восканов, М. И. Ковалев, А. Н. Поздышев, В. И. Сенько, Т. Ф. Фофанов, М. А. Ярков, а также секре-

³⁹ См., например: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 279. Л. 78.

⁴⁰ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 133.

⁴¹ Там же. Д. 1. Л. 222.

⁴² ГААК. Ф. П-2. Оп. 5. Д. 8. Л. 2.

тарь железнодорожного райкома Садаков, кандидатами бюро – Д. Е. Марков, М. А. Палькин и Л. В. Решетников⁴³. В результате в партийном руководстве Алтайской губернии не осталось ни одного латыша.

Осуществленное Сибкрайкомом РКП(б) по предложению Б. Д. Пинсона «делатышизирование» Алтайского губкома дало желаемые результаты. Состоявшаяся 25–29 ноября 1924 г. IX Алтайская губернская партийная конференция констатировала, что «смена руководящего состава губкома, прошедшая в июне м[еся]це, способствовала изжитию имевших место недочетов в основной линии губкома». Принятая по отчету губернского комитета резолюция гласила: «Колебания и нетвердость в отношении основного вопроса, волновавшего партию в то время – вопроса дискуссии – новым составом руководящего ядра губкома были изжиты и линия губкома выправилась и стала [по–]большевистски твердой линией ЦК» [IX Алтайская губпартконференция, 1924. С. 50].

Рассмотренный случай взаимоотношений Алтайского губернского комитета РКП(б) с Сиббюро ЦК и Сибкрайкомом РКП(б) позволяет утверждать, что в первой половине 1920-х гг. кадровые переброски на самом деле были универсальным средством борьбы с политическими группировками. Тем не менее областное / краевое партийное руководство Сибири старалось не прибегать к ним без крайней необходимости. Главной причиной этого было то, что в Сибири, откомандирования куда партийные и советские кадры, как правило, избегали, было непросто найти подходящую замену снятому с должности работнику. Однако в ситуации, когда нижестоящий партийный орган переставал подчиняться директивам вышестоящего, указанное препятствие легко преодолевалось.

Снятие с должности партийно-советских кадров губернского уровня, проявивших недисциплинированность, закономерно наталкивалось на сопротивление последних. Для его преодоления и успешной реализации кадровой политики партийное руководство Сибири прибегало к двум основным способам. Первый заключался в принятии официальных постановлений, которым губком был обязан подчиняться в порядке партийной дисциплины. Второй – в опоре на авторитет непосредственных руководителей Сибирского края. Поскольку РКП(б) по своей сути являлась партией вождистского типа, для партийно-советских работников имело значение не только содержание спущенной им сверху директивы, но также то, от кого она исходила и кем непосредственно транслировалась.

Список литературы

- Демидов В. В.** Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929 гг. Новосибирск: Изд-во Сиб. кадрового центра, 1994. 165 с.
- Истер Д.** Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН, 2010. 256 с.
- Кобелев А. И.** Перекресток судеб. Алтай: губерния, край. Кто руководил? Барнаул: Азбука, 2007. 208 с.
- Люшилин Е. Л.** Эволюция патронажных связей в среде региональных советско-партийных кадров: 1920–1937 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (27), ч. 2. С. 115–119.
- Морозова Т. И.** Карьерный путь И. С. Алагызова: особенности социальной мобильности национальных партийно-советских кадров (1917–1937 гг.) // Мир Евразии. 2015. № 3. С. 19–29.
- Никулин В. В.** Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период НЭПа. Ставновление и функционирование (1921–1929). СПб.: Нестор ТОО «Афина», 1997. 194 с.
- Павлюченков С. А.** «Орден меченосцев»: партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М.: Собрание, 2008. 463 с.

⁴³ ГААК. Ф. П-2. Оп. 5. Д. 8. Л. 3.

- Чистиков А. Н.** Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1917–1920-х годов. СПб.: «Европейский дом», 2007. 294 с.
- Шишкин В. И.** Гольдич Лев Ефимович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009а. Т. 1. С. 398.
- Шишкин В. И.** Грансберг Христофор Давидович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009б. Т. 1. С. 433.

Список источников

IX Алтайская губпартконференция 25–29 ноября 1924 г. (отчет, резолюции и планы). Барнаул: Сибкрайиздат, 1924. 101 с.

Протоколы Одиннадцатого съезда РКП(б). М.: Политиздат, 1936. 833 с.

References

- Demidov V. V.** Politicheskaya bor'ba i oppozitsiya v Sibiri. 1922–1929 gg. [Political Struggle and Opposition in Siberia. 1922–1929]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo kadrovogo tsentra, 1994, 165 p. (in Russ.)
- Easter G.** Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Sistema lichnykh svyazei i samoidentifikatsiya elity v Sovetskoi Rossii [Soviet State Building. Reconstructing the State Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia]. Moscow, ROSSPEN, 2010, 256 p. (in Russ.)
- Kobelev A. I.** Perekrestok sudeb. Altai: guberniya, krai. Kto rukovodil? [Crossroads of Fate. Altai: Province, Region. Who Led?] Barnaul, Azbuka, 2007, 208 p. (in Russ.)
- Lyushilin E. L.** Evolyutsiya patronazhnykh svyazei v srede regional'nykh sovetsko-partiinykh kadrov: 1920–1937 gg. [The Evolution of Patronage Networks among Regional Soviet-Party Cadres: 1920–1937]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Theory and Practice], 2013, no. 1 (27), pt. 2, p. 115–119. (in Russ.)
- Morozova T. I.** Kar'ernyi put' I. S. Alagyzova: osobennosti sotsial'noi mobil'nosti natsional'nykh partiino-sovetskikh kadrov (1917–1937 gg.) [I. S. Alagyzov's Career: Features of Social Mobility of National Party and Soviet Cadres (1917–1937)]. *Mir Evrazii* [Eurasia World], 2015, no. 3, p. 19–29. (in Russ.)
- Nikulin V. V.** Vlast' i obshchestvo v 20-e gody. Politicheskii rezhim v period NEPa. Stanovlenie i funktsionirovanie (1921–1929) [Power and Society in the 20s. The Political Regime in the NEP Period. Formation and Functioning (1921–1929)]. St. Petersburg, Nestor TOO "Afina", 1997, 194 p. (in Russ.)
- Pavlyuchenkov S. A.** "Orden mechenostsev": partiya i vlast' posle revolyutsii. 1917–1929 gg. ["Order of the Swordsmen": Party and Power after Revolution. 1917–1929]. Moscow, Sobranie, 2008, 463 p. (in Russ.)
- Chistikov A. N.** Partiino-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-Zapada Sovetskoi Rossii 1917–1920-kh godov [Party-State Bureaucracy of the North-West of Soviet Russia in 1917–1920s]. St. Petersburg, Evropeiskii dom, 2007, 294 p. (in Russ.)
- Shishkin V. I.** Gol'dich Lev Efimovich [Goldich Lev Efimovich]. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, 2009, vol. 1, p. 398. (in Russ.)
- Shishkin V. I.** Gransberg Khristofor Davidovich [Gransberg Christopher Davidovich]. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, 2009, vol. 1, p. 433. (in Russ.)

Sources

IX Altayskaya gubpartkonferentsiya 25–29 noyabrya 1924 g. (otchet, rezolyutsii i plany) [IX Altai Provincial Conference on November 25–29, 1924 (report, resolutions and plans)]. Barnaul, Sibkraiizdat, 1924, 101 p. (in Russ.)
Protokoly Odinnadtsatogo s'ezda RKP(b) [Protocols of the Eleventh Congress of the RCP(b)]. Moscow, Politizdat, 1936, 833 p. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию
Received
29.04.2019

Сведения об авторе

Морозова Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)
mti137@yandex.ru

Information about the Author

Tatyana I. Morozova, Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Sector of History of Social and Political Development, Institute of History of the SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
mti137@yandex.ru

УДК 930 + 09:351.852:821.161-6
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-126-137

Переписка В. И. Малышева и М. Н. Тихомирова о сохранении памятников письменности

Н. П. Матханова¹, Л. В. Титова², А. А. Юдин³

^{1, 2} Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия

³ Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

Анализируется переписка выдающихся археографов XX в. акад. М. Н. Тихомирова и д-ра филол. наук В. И. Малышева, посвященная проблеме сохранения памятников письменности. Выявлено понимание ими сути вопроса и путей его решения. Выделено общее и особенное в их взглядах на первоочередность и важность его составляющих: Малышев считал наиболее важным и остро необходимым срочное собирание памятников у населения, Тихомиров, признавая важность этой задачи, придавал не меньшее значение обеспечению сохранности находящегося в архивах. Приведены примеры сотрудничества и взаимопомощи в осуществлении ряда акций, в том числе мобилизации общественного мнения, организации экспедиций, воссоздании Археографической комиссии, пополнении Тихомировского собрания рукописей и старопечатных книг и его передаче в Новосибирск. Подчеркнуто значение опыта классиков отечественной археографии в современных условиях.

Ключевые слова

археография, памятники письменности, археографические экспедиции, Археографическая комиссия, М. Н. Тихомиров, В. И. Малышев, эпистолярий

Для цитирования

Матханова Н. П., Титова Л. В., Юдин А. А. Переписка В. И. Малышева и М. Н. Тихомирова о сохранении памятников письменности // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 126–137.
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-126-137

The Correspondence between V. I. Malyshev and M. N. Tikhomirov about the Preservation of Manuscripts

N. P. Matkhanova¹, L. V. Titova², A. A. Yudin³

^{1, 2} Institute of History SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

³ State Public Scientific Technological Library SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the correspondence between two outstanding archaeographers of the 20th century – academician M. N. Tikhomirov and founder of the Archive of Ancient Relics (Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences) V. I. Malyshev. The paper aims to research, how they understood and discussed the problem of preservation of manuscripts. The authors studied 182 letters from Malyshev to Tikhomirov (for 1947–1965) stored at the private fund of M. N. Tikhomirov and 66 letters from Tikhomirov to Malyshev (for the same period) as well as the memoirs and articles of Tikhomirov and Malyshev themselves, their students and followers. Comparison of the sources revealed their understanding of the essence of the problem and possible ways of its solution. The authors highlighted the general and particular in the views of two correspondents on the issue of the preservation of manuscripts. According to Malyshev, at that time the most urgent task was a collection of the manuscripts kept by or-

dinary people. Tikhomirov, recognizing the importance of the above-mentioned mission, insisted that maintenance of archives was just as crucial. At the same time both of them agreed on the need to organize the archaeographic expeditions, examine and registrate private collections, monitor preservation of materials in state archives, publish manuscripts, involve government resources and stimulate public attention to the problem. The letters show the mutual respect of the correspondents, their understanding of the merits of each other as well as demonstrate their successful cooperation. Together Malyshev and Tikhomirov completed reconstruction of the Archaeographic Commission, effectively promoted their common cause in the press and impressively replenished the Tikhomirov's collection of manuscripts and old printed books (later accurately transferred to Novosibirsk). The analysis of the above-mentioned sources leads to the following conclusions: even today the experience of Soviet scholars is still relevant.

Keywords

archaeography, manuscripts, archaeographic expeditions, Archaeographic Commission, M. N. Tikhomirov, V. I. Malyshev, epistolary

For citation

Matkhanova N. P., Titova L. V., Yudin A. A. The Correspondence between V. I. Malyshev and M. N. Tikhomirov about the Preservation of Manuscripts. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 126–137. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-126-137

Проблема сохранности памятников письменности как важнейшей и фундаментальной основы национальной культуры в последние годы становится все более острой. Поиски путей ее решения обращают нас к опыту наших великих предшественников.

Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965) и Владимир Иванович Малышев (1910–1976) были выдающимися учеными-гуманитариями, археографами, деятелями науки и культуры. И о том, и о другом написаны десятки книг и статей. Спасение памятников русской культуры – прежде всего, памятников письменности – было одним из важнейших направлений их деятельности. «Михаил Николаевич отдал массу сил, ума и души, знания дела и весь свой авторитет поискам и охране памятников культуры народов нашей страны», – писал представитель школы Тихомирова В. Б. Павлов-Сильванский [1971. С. 244]. Похожим образом высказался ученик В. И. Малышева В. П. Бударагин: «...воплощенное Малышевым – это не только более десяти тысяч рукописей XII–XX вв. ... это возрожденная собирательская и исследовательская работа в сфере русской медиевистики многих городов страны» [Бударагин, 1998. С. 23]. Не раз подробно и глубоко характеризовались их научные взгляды, успехи и достижения, организаторская и археографическая деятельность. Их имена давно и по праву стоят рядом. Ученый секретарь Археографической комиссии РАН В. А. Черных констатировал в докладе на Международной конференции, посвященной 100-летию В. И. Малышева: «Археографическая комиссия в своей деятельности полагается на теоретические, методические и этические основы полевых археографических исследований, заложенные в трудах выдающихся ученых: М. Н. Тихомирова, Д. С. Лихачева и В. И. Малышева» [Конусова, 2011. С. 240].

Несмотря на обширность историографии, до сих пор не рассматривалось обсуждение в переписке проблемы сохранения памятников письменности, понимание классиками отечественной археографии основных ее составляющих, намеченные ими пути ее решения. Наше обращение к вопросу вытекает и из профессиональных интересов авторов настоящей статьи: Н. П. Матханова изучала материалы архива Тихомирова в поисках источников о жизни и деятельности Н. Н. Покровского и в более широком историческом контексте, Л. В. Титова лично знала В. И. Малышева и участвовала в организованных им археографических экспедициях, А. А. Юдин изучает Собрание М. Н. Тихомирова в ГПНТБ СО РАН и источники его комплектования.

И Тихомиров, и Малышев были выдающимися фондобразователями – вероятно, создание и сбережение собственных архивов представлялось им частью общего дела сохранения памятников культуры. Фонд М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук¹ включает более 1 700 единиц хранения [Староверова, 1974. С. 4]. Примерно таков же по объему фонд

¹ АРАН. Ф. 693.

В. И. Малышева в Пушкинском доме². Г. В. Маркелов констатировал: «Владимир Иванович Малышев оставил Пушкинскому дому свой огромный архив... Он очень заботился о том, чтобы его переписка сохранилась» [1997. С. 86]. Ученица Тихомирова Е. В. Чистякова вспоминала: «...нам известно, с какой тщательностью и ответственностью Михаил Николаевич формировал свой архив... приводились в порядок и личные бумаги, которые предполагалось сдать в Архив АН СССР» [1987. С. 26, 36].

Значительная часть материалов из этих фондов использована, введена в научный оборот и опубликована. В настоящей статье используется переписка этих двух ученых, сосредоточенная в фонде Тихомирова: 182 письма Малышева к Тихомирову за 1946–1965 гг. и 66 писем Тихомирова к Малышеву за 1947–1965 гг. Последние были переданы в Архив Академии наук самим адресатом для присоединения к Тихомировскому фонду [Малышев, 1977. С. 401], на обложке дела даже сохранилось соответствующее обозначение – номер Малышевского фонда, 494. Эта переписка используется и цитируется в статьях Е. И. Дергачевой-Скоп [1981], В. Б. Павлова-Сильванского [1971], С. О. Шмидта [1981] и, наконец, самого В. И. Малышева [1977].

Анализ переписки представлен в упомянутой статье В. Б. Павлова-Сильванского, посвященной археографической деятельности М. Н. Тихомирова и организации первых археографических экспедиций. В основу статьи положен доклад на Тихомировских чтениях 1970 г., при подготовке которого автор консультировался с самим Малышевым. Об этом свидетельствуют письма Павлова-Сильванского к Малышеву³ и примечание к статье: «Сообщил в личной беседе В. И. Малышев 27 мая 1970 г.» [Павлов-Сильванский, 1971. С. 249]. В письме, прося разрешения использовать переписку и обещая быть «предельно деликатным», Владимир Борисович справедливо отмечал: «Вы – один из немногих его [М. Н. Тихомирова] близких людей, к которому он писал об экспедициях», поэтому переписка поможет «раскрытию этой серьезнейшей области деятельности Михаила Николаевича, прошедшей через всю его многотрудную жизнь» [Там же]. Автор характеризует сотрудничество Тихомирова и Малышева в организации первых археографических экспедиций и создании Археографической комиссии. В статье изложена история очень важного, по сути программного письма М. Н. Тихомирова в редакцию журнала «Вопросы истории» в 1948 г. Указано на инициативу В. И. Малышева – именно он просил Тихомирова «поддержать его призыв о поисках рукописей у населения... ибо задержка экспедиции приведет к гибели рукописей» [Там же]. Добавим, что вместе с письмом Владимир Иванович посыпал 5-й том ТОДРЛ со своей статьей и указывал: «Ведь через два-три года будет поздно, и гибель сотен рукописей будет на нашей совести»⁴. Через полтора месяца Малышев напоминал: «Написали ли Вы статью в журнал «Вопросы истории»?» и предлагал рекомендовать использование опыта Карело-Финского института истории, где некоторое время работал он сам. «Ваш авторитетный голос, да еще из директивного журнала» заставит университеты, библиотеки и архивы «зашевелиться», – пишет он и прибавляет: «Прошу Вас только об одном – не откладывать написание в московский долгий ящик»⁵.

Павлов-Сильванский указывает, что содержание «Письма в редакцию» обсуждалось во время личной встречи Тихомирова и Малышева. При этом Михаил Николаевич, признавая необходимость спешной организации археографических экспедиций, считал, однако, что «писать лишь о посылке археографических экспедиций недостаточно, что одновременно нужно ставить вопрос о хранении рукописей и их учете, а также о создании компетентного органа, который наблюдал бы за всем, что происходит в этой области» [Там же]. В «Письме в редакцию» Тихомиров «подробно остановился на неудовлетворительном хранении, учете и сортировке рукописей на местах... и высказал свои предложения... в том числе и о необходимости «спешно организовать новую археографическую экспедицию для сортировки рукописей».

² РО ИРЛИ. Ф. 494.

³ Там же. Оп. 2. Д. 938.

⁴ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 369. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 5 – 5 об.

писей у населения”, ибо “время не терпит” [Павлов-Сильванский, 1971. С. 250]. Добавим к этим словам: Тихомиров ссыпался на «неутомимого собирателя древних рукописных памятников В. И. Малышева [Тихомиров, 1948. С. 159]. Затем Павлов-Сильванский пишет, что была проведена большая работа «для организации откликов», перечисляет их авторов [1971. С. 250].

Из писем Малышева удалось выяснить, что отклики были организованы им. В его письмах от 15 мая, 5 июня и 3 июля 1948 г. перечисляются лица и организации, приславшие прямо их ему или обещавшие отправить в редакцию «Вопросов истории»⁶. В 9-м номере журнала за этот же год появляется их обзор [Об охране и сборе..., 1948]. Бросается в глаза, что авторы – именно те самые, кого называл Владимир Иванович (Отдел древнерусской литературы ИРЛИ, секторы истории СССР и славяноведения ЛОИИ, Институт истории, языка и литературы Карелофинской базы АН СССР, акад. Н. С. Державин, сотрудник Псковского музея Л. А. Творогов, известные собиратели – преподаватель Военно-медицинской академии В. Ф. Груздев, реставратор Отделения искусства Русского музея Ф. Каликин, сельский учитель И. С. Абрамов) [Там же]. Не зря Г. В. Маркелов подчеркивал, что Малышев «был пре-восходным организатором того, что мы сейчас называли бы “пиаром”» [Маркелов, 2008. С. 514].

Еще два важных уточнения.

Во-первых, в процитированном письме Малышева Тихомирову от 6 января 1948 г. с призывом действовать во имя спасения рукописей говорится не только об организации экспедиций (хотя эта задача формулируется как главная). В нем Владимир Иванович коротко набрасывает основные направления более широкой деятельности по сохранению памятников письменности: организация археографических экспедиций, мобилизация общественного мнения, привлечение внимания власти, формирование неких структур, что впоследствии вылилось в воссоздание Археографической комиссии, и подчеркивает их взаимосвязь. Малышев писал Тихомирову: «Конечно, дело собирания рукописей надо поставить в более широком масштабе. Здесь, может быть, нужно даже правительственное распоряжение. Кроме собирания рукописей у населения, надо также со всей решительностью ставить вопрос об учете и охране рукописей в музеях и библиотеках... Я хорошо знаю, что на экспедицию найдутся средства в Институте истории, библиотеке Ленина, Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, библиотеке Академии наук. На местах музеи и университеты также могут принять участие» [Там же].

Во-вторых, признавая важность и срочность собирания рукописей у населения, Тихомиров ставит акцент на сохранности материалов, находящихся в государственных хранилищах (помещения, в том числе их размеры и оборудование), описании и каталогизации, кадрах (профессиональный уровень хранителей). В письмах-откликах подчеркивались необходимость поиска и приобретения для государственных хранилищ рукописей у населения, в том числе в частных собраниях; перемещении памятников из мелких и провинциальных музеев и библиотек в крупные и центральные. По последнему вопросу Тихомиров придерживался совершенно иного взгляда. В. Б. Павлов-Сильванский писал: «Михаил Николаевич был твердо убежден в том, что нельзя все памятники культуры сосредоточить в нескольких центральных хранилищах» [1971. С. 257]. Это была давно выработанная позиция. Как отмечала И. П. Староверова, уже доклад о поездке «в июне 1919 г. в Иргизские монастыри» для «осмотра и регистрации рукописных и старопечатных книг, икон, облачений и других ценностей в этих монастырях... является подтверждением того, что еще с первых шагов своей деятельности Михаил Николаевич был твердо убежден, что нельзя все ценности сосредоточить в двух-трех центральных музеях, что на местах есть тоже научные и культурные силы и поэтому там также необходимо создавать научные учреждения» [1970. С. 309].

По словам С. О. Шмидта, сам Тихомиров писал, что передачей своего Собрания в Новосибирск он «желал “положить начало дальнейшему изучению рукописей в Сибири, из которой научные учреждения вплоть до последнего времени больше вывозили предметы

⁶ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 369. Л. 1 – 12 об., 15 – 15 об.

старины, чем оставляли их в местных хранилищах”» [Шмидт, 1981. С. 17]. Окончательно утвердился в своей мысли М. Н. Тихомиров, когда побывал в Новосибирске, в Академгородке, в 1963 г. Решение Тихомирова вызвало сожаление «о том, что коллекция не останется в Москве или Ленинграде – традиционных центрах изучения памятников древней письменности. М. Н. Тихомиров вынужден был отметить в письме к В. И. Малышеву: “Станем же выше наших московских и ленинградских симпатий, а вспомним о нашей необозримой стране” (письмо от 20 февраля 1965 г.)» [Шмидт, 2012. С. 15]. Нотка сожаления, кажется, звучит и в статье Малышева, посвященной «Светлой памяти Михаила Николаевича Тихомирова». В ней автор подчеркивал, что «в собрании академика Тихомирова немало таких рукописей, которые своим присутствием украсили бы фонды любого нашего московского или ленинградского архивохранилища», а затем указывал: «Свое ценнейшее собрание М. Н. Тихомиров подарил (по завещанию) Сибирскому филиалу АН СССР» [Малышев, 1965. С. 387–388].

Таким образом, расстановка приоритетов несколько различна. Для Малышева первоочередным делом были экспедиции. Прежде всего, это объясняется тем, что Владимир Иванович с 1934 г. по 1960-е гг. с целью обследования старообрядческой книжной культуры путешествовал по Северу, где было еще много рукописей, но их хранители очень быстро уходили в мир иной, а наследники в этом «замирающем» старообрядческом центре не всегда знали цену старинных книг, находились они подчас в ветхих заброшенных «сарайках», с протекающей крышей, или на чердаках, и, естественно, эти бесценные сокровища очень быстро пропадали. Тревога, боль и забота о спасении рукописей была оправдана. Надо еще отметить один принцип В. И. Малышева, которому сам он неуклонно следовал: «Ни одной рукописи, ни одного листочка дома». Мы не коллекционеры. Мы собираем рукописи не для себя» [Панченко, 1985. С. 274]. Получив в подарок старообрядческую рукопись начала XIX в. (с сочинениями протопопа Аввакума и дьякона Федора) с лаконичной дарственной надписью на внутренней стороне верхней крышки: «Вл. Ив. Малышеву в подарок от М. Н. Тихомирова, 10/VIII – 1962», он написал: «А Вл. Ив. Малышев дарит эту книгу в Пушкинский Дом, ибо как хранитель рукописей он не имеет права иметь у себя рукописи в личном пользовании» [Титова, 2003. С. 120]. Конечно же, это было написано не в осуждение Тихомирова-коллекционера, ведь Малышев уже знал о предстоящей передаче коллекции в дар Сибирскому отделению Академии наук.

В письме от 29 февраля 1948 г. Владимир Иванович укорял своего корреспондента: «...мне показалось, что Вы недооцениваете важности сбириания у населения рукописей, а мне кажется, именно на этот вопрос надо в равной мере, если не больше указывать и резко разделять его от охраны. В архивах рукописи сберегутся, хотя часто и хранятся плохо, а у населения они гибнут ежедневно и ежечасно. Здесь медлить нельзя, а в архивах условия хранения с каждым годом улучшаются». Эта же мысль высказана и в статье Малышева, опубликованной в 1954 г.: «Редакции журнала “Вопросы истории”, систематически дающей сведения о государственных собраниях рукописей, следует обращать внимание на частные рукописные собрания» [1954. С. 450]. В. П. Бударагин писал, что в 1949 г. Владимир Иванович «убедил-таки Академию наук (при очень активной поддержке академика Тихомирова), что финансирование такой экспедиции себя оправдает» [1998. С. 26]. При этом Малышев проявил себя не только «автором идеи», но и «человеком, способным осуществить реализацию этой идеи, т. е. своего рода “организатором науки”» [Там же. С. 27]. В одной из первых статей Владимир Иванович доказывал, что даже первый опыт, первая разведка показывают, что «потребность в организованном обследовании рукописных материалов, хранящихся на нашем Севере, вполне назрела» [Малышев, 1940. С. 248]. В течение ряда лет он публикует более десятка статей и заметок с описанием разных собраний (Петрозаводска, Тобольска, Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и др. городов), хода и результатов экспедиций.

Одновременно в письмах Малышева Тихомирову вновь поднимается вопрос об организации экспедиций⁷. Он пишет о практических вещах – возможных маршрутах, Положении

⁷ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 369. Л. 6 – 6 об. Письмо от 20 марта 1948 г.; Л. 16 – 16 об. Письмо от 6 апреля 1948 г.; Л. 9. Письмо от 3 сентября 1948 г.

об экспедиции, смете, обеспечении поддержки начальства – директора Института и академика-секретаря Отделения исторических наук Б. Д. Грекова и Президента Академии наук С. И. Вавилова. Есть и забавные ситуации. «Мне кажется, – пишет Владимир Иванович, – прежде, чем идти к Вавилову, надо сходить к Б. Д. Грекову, чтобы не обижать свое начальство, которое может оказаться в положении обойденного, обидится и затормозит дело»⁸. Понятно, что учить Тихомирова таким элементарным вещам не было необходимости.

Из переписки видно и взаимное уважение корреспондентов, и понимание ими достоинств друг друга.

Малышев писал Тихомирову 5 июня 1948 г.: «Если будет организовываться экспедиция или похожее на нее что-либо – включайте меня – найдете во мне ревностного и преданного этому делу человека и за Вашу рекомендацию меня краснеть Вам не придется»⁹. Тихомиров отдает пальму первенства в экспедиционном деле своему корреспонденту и пишет ему 10 июня того же года: «Ведь это не моя, а Ваша инициатива, а я почти свадебный генерал в этом деле. Без Вас даже не мыслю налаживание археографической экспедиции, если она состоится... не вижу, кроме Вас, другого лица, столь способного для дела. Я не любитель комплиментов, дорогой Владимир Иванович, поэтому и мои слова не считите за комплимент»¹⁰.

В деятельности Тихомирова важным, если не самым важным направлением была публикация источников. Он делился своими мыслями и чувствами в письмах к Малышеву и сетовал: «...издавать летописи трудно и хлопотливо, и мало заметно. Раньше этим изданием занималось специальное учреждение, Археографическая комиссия, члены которой достигали высоких степеней по службе. Мы степеней этих не ждем, да они нам и не нужны, “только бы жила Россия в славе и благоденствии”, как писал Петр I, но трудно работать, когда мешают». Далее следует очень важный тезис: «Ведь самая лучшая охрана рукописей – это опубликование их текста»¹¹.

Малышев поддерживал такое важнейшее начинание Тихомирова, как воссоздание Археографической комиссии, хотя первоначально скептически отнесся к возможности осуществить эту идею. Он обещал усердно работать в комиссии¹² и давал советы по лучшей организации ее работы. Так, предлагалось пополнять состав комиссии путем кооптации – хотя бы на первых порах, чтобы закрепить за нею «какие-то права» и повысить ответственность ее членов, «постараться взять на учет всех собирателей, коллекционеров рукописей, и постепенно обследовать состав их собраний. Должна быть картотека рукописей, находящихся в частных руках. Штатные члены Археографической комиссии должны интересоваться, как хранятся и описываются рукописи в государственных архивохранилищах. В случае обнаружения нарушений они должны оповещать об этом соответствующие органы... Надо добиться, чтобы в каждом большом городе у комиссии было доверенное лицо, на которое можно положиться»¹³. Интересные мысли о роли и задачах специального координационного совета при Археографической комиссии приведены в его статье [Малышев, 1964. С. 308–309].

Как вспоминал Владимир Иванович, он оказывал немалую помощь в собирательской деятельности Тихомирова [Малышев, 1977; Дергачева-Скоп, 1981]. Переписка содержит немало дополнительных фактов, характеризующих обстоятельства пополнения Тихомировского собрания. Малышев постоянно сообщал Тихомирову о книжных редкостях, попавших в орбиту его внимания, и проявлял при этом трогательную заботу о финансовой стороне дела, стараясь предупредить Михаила Николаевича о необоснованно завышенных ценах на предлагавшиеся тому раритеты. Так, в 1957 г., знакомя академика с одним коллекционером, он предупреждал: тот «плут, с ним надо говорить осторожно»¹⁴. Позже Малышев сообщает своему

⁸ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 369. Л. 16 – 16 об.

⁹ Там же. Л. 12 об.

¹⁰ Там же. Д. 30. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 2. Письмо от 20 февраля 1948 г.

¹² Там же. Д. 369. Л. 5 – 5 об.

¹³ Там же. Л. 97–98. 18 июля 1956 г.

¹⁴ Там же. Л. 110.

корреспонденту, что направил к нему одного старовера с Евангелием, которое тот хочет продать¹⁵. Несколько дней спустя называется и фамилия этого молодого старовера: «Севастьянову больше 500 р. за Евангелие не давайте. Оно не стоит 2–3 тысяч»¹⁶. Тем не менее Тихомиров продолжает деятельное сотрудничество с Севастьяновым и даже помогает запутавшемуся в финансовых и житейских вопросах староверу. Более того, по письмам последнего к академику можно видеть, что Михаил Nikolaevich выполнил его просьбу о написании рекомендации в Кабардино-Балкарский университет для завершения образования, прерванного в Ростовском университете¹⁷. Заметим, что если бы Тихомиров не купил рукописи и старопечатные книги у Севастьянова, кто знает, какова бы была их судьба. Ведь Севастьянов продавал книги и рукописи не только государственным древлехранилищам, но и разным собирателям древней книжности [Юдин, 2017. С. 331]. А поступавшие от него книги высоко оцениваются специалистами [Казанцева, 2015. С. 66]. По различным приметам бытования «севастьяновских» рукописей и изданий установлено, что некоторые из них ранее принадлежали старообрядческим общинным и частным библиотекам бывшего Северо-Западного края Российской империи, число рукописных и старопечатных книг, поступивших в коллекцию Тихомирова от этого книгопродавца, может достигать до трети от общего количества всех книг в собрании [Юдин, 2016].

Как уже было отмечено, М. Н. Тихомиров изначально относился к своей библиотеке манускриптов не как коллекционер. Ему важно было не только сохранить уникальные книжные памятники в собственном собрании, но и дать возможность специалистам использовать в научной работе его материалы: рукописи, старопечатные книги, архивные документы. В письме к Малышеву от 26 декабря 1962 г. Тихомиров подчеркивал, что его собрание «не частное, а государственное, а я, – говорит собиратель, – только его временный владелец» [Шмидт, 1981. С. 15]. Поэтому в передаче Тихомировского собрания рукописей и старопечатных книг Сибирскому отделению АН СССР в Новосибирск, а личной библиотеки – в Научную библиотеку Дальневосточного государственного университета во Владивостоке видится не только забота о развитии русской науки в провинции, но и решение практического свойства: археографам, которые будут идти маршрутами, намеченными в Сибири и на Дальнем Востоке Тихомировым и Малышевым, нужна была источниковая база для овладения своей специальностью. Н. Н. Покровский подчеркивал, что передачей «замечательной коллекции» Тихомирова в Новосибирск «положена основа рукописной базы, без которой трудно представить себе полноценные возможности развития гуманитарных наук в этой части нашей страны» [Рогов, Покровский, 1966. С. 162, 172].

Михаил Nikolaevich советовался с Малышевым и по другим важным вопросам. Так, 11 июня 1962 г. он писал: «Один вопрос меня беспокоит: в моем собрании имеются рукописи белорусского происхождения (Вильно, Друцк, Минск), правильно ли их отдавать в Сибирь, где они будут ждать исследователя, или лучше передать в Минск. Напишите свое мнение, а я не собака на сене, и долго держать у себя собранное не собираюсь»¹⁸. Малышев отвечает немедленно, 16 июня: «Что же касается Вашего собрания, то я его бы не разбивал. Пусть оно пойдет полностью, с белорусскими, украинскими и иными материалами. Так будет лучше»¹⁹. Как известно, Тихомиров так и поступил. А после передачи собрания в Новосибирск, как писала Е. И. Дергачева-Скоп, была поставлена точка «в многовековой миграции книг, имевших свои судьбы, прошедших различные пути» [1981. С. 37].

Оба выдающихся археографа активно занимались пропагандой, популяризацией своего дела, печатались в изданиях, рассчитанных не только на специалистов, а на более широкого читателя [Павлов-Сильванский, 1971. С. 253]. С. О. Шмидт, ссылаясь на статью Тихомирова «Об охране и изучении письменных богатств нашей страны», опубликованную в 1961 г., писал: «Михаил Nikolaevich... полагал нужным срочно “предпринять меры к дальнейшему улучшению охраны, описания и изучения наших письменных богатств путем пропаганды

¹⁵ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 369. Л. 105. 6 января 1957 г.

¹⁶ Там же. Л. 107. 19 января 1957 г.

¹⁷ Там же. Д. 538. Л. 16.

¹⁸ Там же. Д. 30. Л. 39 – 39 об.

¹⁹ Там же. Д. 369. Л. 162 об.

в журналах и газетах”» [Шмидт, 2012. С. 32]. В современных условиях представляется особенно важным следование этому примеру.

Важной составляющей работы археографов оба считали педагогическую деятельность. Об этом писали и сам Тихомиров [1956], и его ученики – В. А. Александров [1970], Е. В. Чистякова [1987], С. О. Шмидт [2012] и др. Об отношении Малышева к студентам и аспирантам вспоминали А. М. Панченко [1985], В. П. Бударагин [1998], Г. В. Маркелов [2017. С. 686] и Л. В. Титова [2011]. И хотя в программной статье Малышева «Задачи собирания древних рукописей» [1964] о подготовке археографов вроде бы не говорится, большая ее часть – это инструкция и советы, в том числе и потенциальным продолжателям его дела. В переписке встречаются имена будущих академиков, вышедших из Ленинградской и Московской школ: А. М. Панченко как участник экспедиции упоминается в письме Малышева²⁰, Тихомиров же сообщал, что в Измаильскую экспедицию, наряду с другими, запланирован «мой аспирант Покровский (прекрасный фотограф)»²¹.

Сближали этих двух выдающихся ученых не только общие интересы, дела, заботы. Тихомиров был откровенен в письме Малышеву 11 мая 1961 г.: «Для меня лучшие часы моей жизни, когда я работаю. И это мне дано. Судьба сохранила меня в самые трудные дни, когда мой брат безвинно погиб...²² Вы – один из немногих людей, с которыми меня сближает способность работать по принципу певчей птицы; поет в лесу, и никто ее не слышит, разве забредет прохожий, да и то иногда с сеткой, чтобы поймать певчую пташку и отнести ее в дирекцию на предмет изучения идеологических основ птичьего пения»²³.

В последнем сохранившемся письме Малышеву от 20 февраля 1965 г. Михаил Николаевич писал: «Дружески пожимаю Вашу порой и довольно злую руку, но в книжных делах мы с Вами были и остаемся соратниками»²⁴. Несмотря на некоторые разногласия и расхождение в понимании отдельных вопросов, М. Н. Тихомиров и В. И. Малышев были безгранично преданы общему делу и верно служили ему.

Содержание переписки М. Н. Тихомирова и В. И. Малышева чрезвычайно важно и интересно, что не удивительно, принимая во внимание масштаб личностей авторов, направление, значение и характер их деятельности. В ней подняты многие проблемы сохранения памятников письменности. В их взглядах и деятельности было много общего, но были и серьезные различия, переписка содержит дополнительные свидетельства и того, и другого. Она показывает понимание остроты вопроса, обсуждение основных путей его решения. Важнейшими тогда им представлялись организация археографических экспедиций, обследование и учет частных коллекций, контроль за сохранностью материалов в государственных архивохранилищах, публикация текстов рукописей, привлечение усилий государственных органов и мобилизация общественного мнения для решения проблемы. Все это остается важным и актуальным и сегодня.

Список литературы

- Александров В. А.** Принципы научно-педагогической деятельности М. Н. Тихомирова // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 325–336.
- Артизов А. Н.** Борис Николаевич Тихомиров (1898–1939). Материалы о жизни и деятельности // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 110–123.
- Бударагин В. П.** Малышевская школа археографии // Академические научные школы Санкт-Петербурга. К 275-летию Академии наук. СПб., 1998. С. 23–31.
- Дергачева-Скоп Е. И.** Некоторые вопросы локализации рукописей. Коллекция В. Ф. Груздева в собрании М. Н. Тихомирова // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 37–46.

²⁰ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 369. Л. 95.

²¹ Там же. Д. 30. Л. 45. 9 декабря 1953 г.

²² Тихомиров Борис Николаевич (1898 – 1937/39), историк-марксист, младший брат М. Н. Тихомирова, арестован в 1936 г., погиб в 1937 или 1939 г. [Чистякова, 1987. С. 127; Артизов, 1990].

²³ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 30. Л. 31 – 31 об.

²⁴ Там же. Л. 74.

- Казанцева Т. Г.** Певческие рукописи «Севастьяновской библиотеки» в фондах научных учреждений Новосибирска // VIII Юдинские чтения: Материалы науч. конф. Красноярск, 2015. С. 60–70.
- Конусова Е. Д.** XXXIV Малышевские чтения // Русская литература. 2011. № 3. С. 240–247.
- Малышев В. И.** Задачи собирания древних рукописей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 303–332.
- Малышев В. И.** К вопросу об обследовании частных собраний рукописей // ТОДРЛ. Л., 1954. Т. 10. С. 449–458.
- Малышев В. И.** Москвичи – собиратели письменной и печатной старины // ТОДРЛ. Л., 1965. Т. 21. С. 383–389.
- Малышев В. И.** Об одном важном источнике Тихомировского собрания (Страницка воспоминаний) // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 395–401.
- Малышев В. И.** Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей // ТОДРЛ. М; Л., 1940. Т. 4. С. 247–253.
- Маркелов Г. В.** В. И. Малышев и А. М. Панченко: Первые экспедиции // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 682–698.
- Маркелов Г. В.** Из переписки коллег-медиевистов: письма В. И. Малышева к А. Н. Робинсону // Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 510–517.
- Маркелов Г. В.** Письма усть-цилемских крестьян В. И. Малышеву // Исследования по истории книжной и народной традиционной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. С. 86–91.
- Об охране и сборе древнерусских рукописей (По поводу письма в редакцию чл.-корр. АН СССР М. Н. Тихомирова) // Вопросы истории. 1948. № 9. С. 134–136.
- Павлов-Сильванский В. Б.** М. Н. Тихомиров – организатор археографических экспедиций // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 244–263.
- Панченко А. М.** О Владимире Ивановиче Малышеве // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского дома. Л., 1985. С. 265–276.
- Рогов А. И., Покровский Н. Н.** Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 162–172.
- Староверова И. П.** Рукописное собрание академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: научное описание. М.: Наука, 1974. 181 с.
- Староверова И. П.** Фонд М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 304–314.
- Титова Л. В.** О Владимире Ивановиче Малышеве и археографической экспедиции студентов ЛГУ в Усть-Цильму летом 1972 года // Вторые Мяндинские чтения: Материалы республиканской науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2011. С. 35–43.
- Титова Л. В.** Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 311 с.
- Тихомиров М. Н.** О молодых ученых и исследовательской работе // Вестник высшей школы. 1956. № 7. С. 13–17.
- Тихомиров М. Н.** Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 159.
- Чистякова Е. В.** Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М.: Наука, 1987. 158 с.
- Шмидт С. О.** Издание и изучение наследия М. Н. Тихомирова. Тихомировские традиции // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 5–21.
- Шмидт С. О.** Памяти учителя (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова) // Шмидт С. О. Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М., 2012. С. 13–51.
- Юдин А. А.** Неизвестные источники Тихомировского собрания ГПНТБ СО РАН // Библиосфера. 2016. № 4. С. 80–87.

Юдин А. А. «Сердцеціпательно читать такую новость...»: судьба книг собрания Севастьяновых в XX столетии // Матэрыялы міжнароднага кангрэса «500 гадоў беларускага кнігадрукавання». Минск, 2017. Ч. 1. С. 329–336.

References

- Aleksandrov V. A.** Printsipy nauchno-pedagogicheskoi deyatel'nosti M. N. Tikhomirova [The Principles of Scientific and Pedagogical Activity of M. N. Tikhomirov]. In: Arkheograficheskii ezhegodnik za 1968 god [Archaeographic Annual for 1968]. Moscow, 1970, p. 325–336. (in Russ.)
- Artizov A. N.** Boris Nikolaevich Tikhomirov. Materialy o zhizni i deyatel'nosti [Boris Nikolaevich Tikhomirov. Materials about Life and Work]. In: Arkheograficheskii ezhegodnik za 1989 god [Archaeographic Annual for 1989]. Moscow, 1990, p. 110–123. (in Russ.)
- Budaragin V. P.** Malyshevskaya shkola arkheografii [Malyshev's school of Archeography]. In: Akademicheskie nauchnye shkoly Sankt-Peterburga. K 275-letiyu Akademii nauk [Academic Science Schools of St. Petersburg. To the 275th Anniversary of the Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1998, p. 23–31. (in Russ.)
- Chistyakova E. V.** Mikhail Nikolaevich Tikhomirov (1893–1965). Moscow, Nauka, 1987, 158 p. (in Russ.)
- Dergacheva-Skop E. I.** Nekotorye voprosy lokalizatsii rukopisei. Kolleksiya V. F. Gruzdeva v sobranii M. N. Tikhomirova [Some Issues of Manuscript Localization. V. F. Gruzdev's Collection in M. N. Tikhomirov's Book Collection]. In: Sibirske sobranie M. N. Tikhomirova i problemy arkheografii [M. N. Tikhomirov's Siberian Collection and Problems of Archeography]. Novosibirsk, 1981, p. 37–46. (in Russ.)
- Kazantseva T. G.** Pevcheskie rukopisi “Sevast'yanovskoi biblioteki” v fondakh nauchnykh uchrezhdenii Novosibirска [The Musical Manuscripts of the “Sevasyanov Book Collection” in Funds of Novosibirsk Scientific Institutions]. In: VIII Yudinskie chteniya: materialy nauchnoi konferentsii [VII Yudin's Readings: Proceedings of the Research and Practical Conference]. Krasnoyarsk, 2015, p. 60–70. (in Russ.)
- Konusova E. D.** XXXIV Malyshevskie chteniya [XXXIV Malyshev Readings]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2011, no. 3, p. 240–247. (in Russ.)
- Malyshev V. I.** K voprosu ob obsledovanii chastykh sobranii rukopisei [About the Issue of the Examination of Private Collections]. In: Trudy otdela drevnerusskoi literature [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1954, vol. 10, p. 449–458. (in Russ.)
- Malyshev V. I.** Moskvichi – sobirateli pis'mennoi i pechatnoi stariny [Moscow Collectors of Manuscripts and Antique Printed Books]. In: Trudy otdela drevnerusskoi literature [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1965, vol. 21, p. 383–389. (in Russ.)
- Malyshev V. I.** Ob odnom vazhnom istochnike Tikhomirovskogo sobraniya (Stranichka vospominanii) [About One Important Source of Tikhomirov's Collection (Page of Memories)]. In: Trudy otdela drevnerusskoi literature [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1977, vol. 32, p. 395–401. (in Russ.)
- Malyshev V. I.** Svedeniya o sobraniyah rukopisei i staropechatnykh knig v nekotorykh gorodakh severnykh oblastei [Information about the Manuscript and Old-Printed Books Collections in Some Cities of the Northern Areas]. In: Trudy otdela drevnerusskoi literature [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1940, vol. 4, p. 247–253. (in Russ.)
- Malyshev V. I.** Zadachi sobiraniya drevnikh rukopisei [The Tasks of Collecting Ancient Manuscripts]. In: Trudy otdela drevnerusskoi literature [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1964, vol. 20, p. 303–332. (in Russ.)
- Markelov G. V.** Iz perepiski kolleg-medievistov: pis'ma V. I. Malysheva k A. N. Robinsonu [From the Correspondence of Fellow Medievalist: V. I. Malyshev's Letters to A. N. Robinson]. In: Slavyanskii al'manakh. 2007 [Slavic Almanac. 2007]. Moscow, 2008, p. 510–517. (in Russ.)

- Markelov G. V.** Pis'ma ust'-tsilemskikh krest'yan V. I. Malyshev [The Letters of Ust-Tsilma Peasants to V. I. Malyshev]. In: Issledovaniya po istorii knizhnoi i narodnoi traditsionnoi kul'tury Severa [Studies on the History of Book and Folk Culture of the Russian North]. Syktyvkar, 1997, p. 86–91. (in Russ.)
- Markelov G. V.** V. I. Malyshev i A. M. Panchenko: Pervye ekspeditsii [V. I. Malyshev and A. M. Panchenko: First Expeditions]. In: Trudy ottdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, 2017, vol. 65, p. 682–698. (in Russ.)
- Ob okhrane i sbore drevnerusskikh rukopisei** (Po povodu pis'ma v redaktsiyu chl.-korra. AN SSSP M. N. Tikhomirova) [About Protection and Collection of Old Russian Manuscripts (Regarding the Letter of AS USSR Corresponding Member M. N. Tikhomirov to the Editorial Board)]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1948, no. 9, p. 134–136. (in Russ.)
- Panchenko A. M.** O Vladimire Ivanoviche Malysheve [About Vladimir Ivanovich Malyshev]. In: Drevnerusskaya knizhnost'. Po materialam Pushkinskogo doma [Old Russian Booklore. Based on the Pushkin House Materials]. Leningrad, 1985, p. 265–276. (in Russ.)
- Pavlov-Silvansky V. B.** M. N. Tikhomirov – organizator arkheograficheskikh ekspeditsii [M. N. Tikhomirov as Organizer of the Archaeographic Expeditions]. In: Archeograficheskii ezhegodnik za 1970 god [Archaeographic Annual for 1970]. Moscow, 1971, p. 244–263. (in Russ.)
- Rogov A. I., Pokrovsky N. N.** Sobranie rukopisei akademika M. N. Tikhomirova, peredannoe Sibirscomu otdeleniyu AN SSSR [Academician M. N. Tikhomirov's Book Collection Donated to the Siberian Branch of USSR Academy of Sciences]. In: Arkheograficheskii ezhegodnik za 1965 g. [Archaeographic Annual for 1965]. Moscow, 1966, p. 162–172. (in Russ.)
- Shmidt S. O.** Izdanie i izuchenie naslediya M. N. Tikhomirova. Tikhomirovskie traditsii [The Publication and Study of M. N. Tikhomirov's Heritage. Tikhomirov's Traditions]. In: Sibirskoe sobranie M. N. Tikhomirova i problemy arkheografii [M. N. Tikhomirov's Siberian Collection and Problems of Archeography]. Novosibirsk, 1981, p. 5–21. (in Russ.)
- Shmidt S. O.** Pamyati uchitelya (Materialy k nauchnoi biografi M. N. Tikhomirova) [In Memory of Teacher (The Materials to M. N. Tikhomirov's Biography)]. In: Shmidt S. O. Moskovskii istorik Mikhail Nikolaevich Tikhomirov. Tikhomirovskie traditsii [Moscow Historian Mikhail Nikolaevich Tikhomirov. Tikhomirov's Traditions]. Moscow, 2012, p. 13–51. (in Russ.)
- Staroverova I. P.** Fond M. N. Tikhomirova v Arkhive AN SSSR [M. N. Tikhomirov's Fund in the Archive of the AS USSR]. In: Arkheograficheskii ezhegodnik za 1968 god. [Archaeographic Annual for 1968]. Moscow, 1970, p. 304–314. (in Russ.)
- Staroverova I. P.** Rukopisnoe sobranie akademika M. N. Tikhomirova v Arkhive Akademii nauk SSSR: nauchnoe opisanie [Academician M. N. Tikhomirov's Manuscript Collection in the Archive of the USSR Academy of Sciences: Scientific Description]. Moscow, Nauka, 1974, 181 p. (in Russ.)
- Tikhomirov M. N.** O molodykh uchenykh i issledovatel'skoi rabote [About Young Scholars and Research Work]. *Vestnik vysshei shkoly* [Higher School Herald], 1956, no. 7, p. 13–17. (in Russ.)
- Tikhomirov M. N.** Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the Editorial Board]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1948, no. 3, p. 159. (in Russ.)
- Titova L. V.** O Vladimire Ivanoviche Malysheve i arkheograficheskoi ekspeditsii studentov LGU v Ust'-Tsil'mu letom 1972 goda [About Vladimir Ivanovich Malyshev and LSU Archaeographic Student Expedition to Ust-Tsilma in Summer 1972]. In: Vtorye Myandinskie chteniya. Materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Second Myandin Readings. Proceedings of the Republican Scientific and Practical Conference]. Syktyvkar, 2011, p. 35–43. (in Russ.)
- Titova L. V.** Poslanie d'yakona Fedora synu Maksimu – literaturnyi i polemicheskii pamyatnik rannego staroobryadchestva [Deacon Fyodor's Epistle to the Son Maxim – Early Old Believers' Polemical Manuscript]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2003, 311 p. (in Russ.)
- Yudin A. A.** Neizvestnye istochniki Tikhomirovskogo sobraniya GPNTB SO RAN [Unknown Sources from Tikhomirov's Collection of the State Public Scientific-Technological Library]

of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. *Bibliosfera [Bibliosphere]*, 2016, no. 4, p. 80–87. (in Russ.)

Yudin A. A. “Serdtseshchipatel’no chitat’ takuyu novost’...”: sud’ba knig sobraniya Sevast’yanovykh v XX stoletii [“It Is Heart-pounding to Read Such News...”: Destiny of Books from Sevestyanov’s Collection in the 20th Century]. In: Materyaly mizhnarodnaga kongresa “500 gadoў belaruskaga knigadrukavannya” [Proceedings of International Congress “500 years of the Belarusian Book-Printing”]. Minsk, 2017, pt. 1, p. 329–336. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию

Received

01.03.2019

Сведения об авторах

Матханова Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

istochnik_history@mail.ru

Титова Любовь Васильевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

istochnik_history@mail.ru

Юдин Алексей Александрович, сотрудник отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (ул. Восход, 15, Новосибирск, 630102, Россия)

alexey_yudin@mail.ru

Information about the Authors

Natalya P. Matkhanova, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Sector of Archaeography and Source Study, Institute of History SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

istochnik_history@mail.ru

Lubov V. Titova, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Sector of Archaeography and Source Study, Institute of History SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

istochnik_history@mail.ru

Alexei A. Yudin, Researcher, the Department of Rare Books and Manuscripts, State Public Scientific Technological Library SB RAS (15 Voskhod Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation)

alexey_yudin@mail.ru

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

УДК 94(47).063

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-138-143

«Везде по-прежнему усмирило»: будни «Низового корпуса» в Иране после похода Петра I

И. В. Курукин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия*

Аннотация

Документальная публикация посвящена повседневной деятельности войск российского экспедиционного «Низового корпуса» в иранской провинции Гилян, присоединенной к Российской империи в результате Персидского похода Петра I. Впервые публикуемые реляции командующего корпусом генерал-аншефа В. Я. Левашова из материалов Архива внешней политики Российской империи МИД РФ показывают, что местное население не смирилось с чужой иноверной властью; в условиях успешной борьбы непризнанного шаха против афганских и турецких войск в российских владениях вспыхивали восстания, которые приходилось подавлять. Документы рассказывают о военных экспедициях против повстанцев в 1731 г., в которых участвовали «партии» регулярных войск и добровольные помощники российской администрации из числа местного населения.

Ключевые слова

В. Я. Левашов, Иран, провинция Гилян, «Низовой корпус»

Для цитирования

Курукин И. В. «Везде по-прежнему усмирило»: будни «Низового корпуса» в Иране после похода Петра I // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 138–143. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-138-143

“It’s Still Pacified Everywhere”: “Lower Corps” Weekdays in Iran after Campaign of Peter The Great

I. V. Kurukin

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper is devoted to some daily activities of the Russian expeditionary “Lower corps” in Iranian province Gilan, acquired as a result of 1722–1723 Persian Campaign of Peter the Great. Relational of the corps’ commander general-in-chief V. Ya. Levashov from the Archive of Russian empire’s foreign policy published here for the first time. These documents show, that local people did not reconcile with foreign and gentle authorities. Just after the Persian campaign there were several uprising in Russian territories. Rebellions were caused by the struggle of not recognized Shah against Afghan and Turkish armies. Published documents revealed daily activities of Russian military expedition forces there during the fight against rebels in 1731. Expedition forces consisted of regular army troops and Russian administration volunteers, recruited from local people. V. Ya. Levashov’s messages provide some information about tactical activities of army, casualties, military trophies, and also present some details of the rebels’ behavior. Combat losses of Russian troops were usually minimal, but sometimes Gilan rebels managed to achieve victories. Maintenance costs for “Lower corps” and necessity to conclude a peace treaty with new Iranian shah Nadir on the eve of war against Turkey forced Empress Anna Ioannovna’s government to give away previously occupied territories.

Keywords

V. Ya. Levashov, Iran, Gilan province, “Lower corps”

© И. В. Курукин, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 8: History

For citation

Kurukin I. V. "It's Still Pacified Everywhere": "Lower Corps" Weekdays in Iran after Campaign of Peter the Great. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 138–143. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-138-143

Результатом «Низового» или «Персидского» похода Петра I и десантных операций армии и флота в 1722–1723 гг. стало присоединение к империи приморской части Дагестана, прибрежных земель Азербайджана и северных провинций Ирана – Гиляна, Мазандерана и Астрабада, что было закреплено в заключённом 12 сентября 1723 г. в Петербурге договоре с иранским послом Измаил-беком. В обмен на эту уступку Петр обещал помочь шаху-изгнаннику Тахмаспу в борьбе с турками и афганцами. Тахмасп этот «союзный» пакт так и не признал – зато на раздел Ирана согласился турецкий султан, чьи войска вторглись в западные провинции ослабевшего соседа. В июне 1724 г. стороны договорились, и турки признали переход в российское владение Дербента, Баку и южного берега Каспия.

По договорам 1723 и 1724 гг. российская «порция» выглядела внушительным приобретением. Однако реально под контролем армии находились только опорные пункты на западном и южном побережьях Каспия – крепость Святого Креста в устье р. Сулак, Дербент, Баку, Астара, Кескер, Решт; Мазандеран и Астрабад только предстояло завоевать – что так и не было сделано. В некоторых работах можно встретить утверждения о том, что преемники Петра I не оценили его усилий и напрасно отказались от завоеваний на юге. Однако документы Коллегии иностранных дел из Архива внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ) показывают, как тяжело давалось российской администрации обеспечение контроля над «новоприсоединенными провинциями».

«Разглашения» об уступке провинций вызвали «бунты» в Гиляне и партизанскую войну. Жесткие меры военных властей дали эффект: к 1727 г. волнения были подавлены и командование сумело возобновить сбор податей. Но достигнутое умиротворение было обманчивым. После первых побед шахских войск над афганцами и турками вновь «почали являтца развратные и возмутительные письма, и народы шатаются», – докладывал императрице Анне Иоанновне «в поморских краях над войски генерал-аншеф и кавалер и над поморскими провинциями верховной правитель и полномочный министр» Василий Яковлевич Левашов летом 1730 г.¹

В разных местах вспыхивали восстания – так, в 1730 г. «забунтовал» под Астарой местный владелец Джадар-салтан; затем отряды «бунтовщиков» появились в Ленкоранской провинции². Против непокорных отправлялись воинские «партии». В 1731 г. Левашов рапортовал об удачном походе отряда из 300 солдат и казаков капитана Бундова «в Пуминском махалле» на гнездо мятежников «в крепком месте в урочище Рукура» – крепость была разорена, и в плен попал «главный бунтовщик Мелик Магамет»; капитан Гомзяков действовал в дер. Харарут под Лагиджаном; майор Вульф со своим отрядом был послан на «бунтовщика Карабека»; капитан Гремякин в Фуминском «уезде» усмирил дер. Ширезиль, а в лесу под Кескером разогнал «бунтовское собрание» и скег «шалаши» повстанцев³.

Достижением Левашова стало создание местных сил «правопорядка» – «доброконных скороходов»; представители этой корпорации, обеспечивавшей в Иране почтовую и курьерскую службу, пошли со своими «старостами» на русскую службу и вместе с регулярными частями действовали против мятежников. За описанную в публикуемой ниже реляции победу над «разбойниками» в феврале 1731 г. в составе «партии» капитана Бундова скороходы были награждены красным сукном на кафтан – по два с четвертью аршина на каждого. Судя по донесениям Левашова, скороходы и другие «шпионы» из местных регулярно направлялись из Решта в Ардебиль, Тебриз, Казвин, Исфахан, Хамадан, Мешхед, Кум, Кашан, Шема-

¹ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. Д. 14. Л. 23 об.

² Там же. Л. 137 об.

³ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 6. Л. 336 об., 337, 338, 382.

ху и другие города и через две–три недели возвращались с собранными сведениями и «слухами».

Боевые потери, как правило, были минимальными, но порой, пользуясь внезапностью и численным перевесом, гилянским повстанцам удавалось одержать верх, и тогда расходившиеся слухи о победах мятежников были опаснее, чем их реальные силы. Так, 26 мая 1731 г. на «великой акции» погиб усмиравший не одну деревню капитан Бундов вместе со своим подпоручиком, двоими капралами, 36 солдатами и 20 местными «скороходами». Вспыхнула вся Кергерузкая провинция, для усмирения которой были направлены отряды из Кескера и Кесмы во главе с полковниками Шваном и Шенингом⁴. Многоопытный Левашов хорошо понимал, что победы над «бунтовщиками» относительны – неорганизованные возмущения легко усмирялись, но «под пеплом искры тлеются» – докладывал он императрице Анне Иоанновне в декабре 1730 г.

Немалые расходы на содержание корпуса, потери на изнурительной службе в чужой стране и необходимость мира с новым правителем Ирана шахом Надиром в преддверии войны с Турцией привели императрицу и ее министров к окончательному решению «от понесенных поныне персидских тягостей единожды освободиться». Два договора с Ираном (1732 и 1735 г.) возвращали последнему все занятые территории. Молодая империя оказалась не готова к освоению и управлению отдаленными заморскими провинциями, которые пришлось «не без великого убытка и тягости содержать».

Ниже помещены две реляции В. Я. Левашова от 3 марта и 15 мая 1731 г., повествующие о повседневных условиях действий русских войск против «бунтовщиков» в провинции Гилян. Оба документа публикуются по сборнику доношений командующего из Архива внешней политики Российской империи МИД РФ.

№ 1

Реляция об укрощении бунтовщиков в новозавоеванных персидских паморских провинциях

У Эзыграку

Февраля 12 дня при Эзыграке к маэору Вулфу приходили шпионы, которые пасыльвались в разные места и просили Алеванского де аула (жители. – *I. K.*), говоря им многожды: “чего ради ея императорскому величеству в верности пребываете и от россиян шпионами ходите? А ныне де и свой шах имеэтца, коему в верности пребывать надлежит”. И звали их, шпионов, бежат[ь] в горы служить шаху. И как они, шпионы, так и прочие в верности пребывающие с подзывателями не пошли, тогда между ними учинилася ссора и драка, и одного из шпионов изрубили во многих местах, а других побили до смерти.

По помянутому от шпионов доношению от маэора Вул[ь]фа ис каманды послан был прaporщик Тутолмин с камандою брат[ь] винных под караул, а буде станут противитца, приказано оных рубит[ь] и жилище их жечь. И каманда, прибывши в аул по показанию бунтовщиков начела брат[ь], оные разбежалис[ь], тол[ь]ко из оных бунтовщиков поимано три человека, сабель взято четыре, лошедей семь.

10 февраля ночью, коя была очен[ь] темна в 12-м часу бунтовщиков конницею от деревни Эзыграк человек с пят[ь]десят да з другой стороны пехотою человек з двадцат(ь) падошли к пекету, на коих отводные того пекета караул[ь]ные выпали из ружья залпом, и бунтовщики разбежались, за коими стоящей на пекете прaporщик Тутолмин с сороки пяти человек драгун ганял, но за темнотою догнат[ь] не мог.

⁴ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 6. Л. 381.

В Гиляни

В волости Мусулинской первой старшой Мирфазыл, которой подучением убил самозванца шаховича¹ и прочих, о котором в государственную иностранных дел колегию прежде в доношениях объявлялся, оной, прибыв с повинною, был в верном подданстве ея императорского величества, а когда шаху над овганцами и над турками счастье учинилось, тагда помянутый Мирфазыл со всею Мусулинскою волостью, надеяся на отдаление от лехкомыслия, вновь изменил, о чем в государственную иностранных дел колегию прежде в доношении объявлено.

26 февраля памянутой мусулинской старшой Мирфазыл, согласяся с разными бунтовщиками, отправил под камандою свойственника своего мусулинца знатного человека именуемого Рустум и при нем и других волостей главные бунтовщики Тагибек Мирабасов, Мелик Мухаметев, Насыр Ханыков с товарыщи, всего триста человек пошли грабить в Фуминском² уезде в деревне Мардаге базар, которой того дни бывает во многом съезде, и по разграблении памянутого базара намерены были войти в Тулумские махалы для разоренья.

Того же числа по известию из Кесмы³ от полковника князя Борятинского⁴ против памянутых бунтовщиков послан был капитан Бундов в сте, а напред послан староста Сефихан в шестидесяти пяти человечках скороходах, которые пребывают в верности и многажды против бунтовщиков бывают в акциях. Памянутые бунтовщики, не ведая российской каманды, встретяся [со] скороходами, в бой вступили, и скороходы вес[ь]ма доброконные, ведая за собою российскую каманду, в надежде по их обычаю во все голосы закрича «урус» и вынев сабли, на бунтовщиков смело поехали и к таму же дало скороходам место, где нарочно на уском месте стояли, и таким образом передних бунтовщиков збили, отчего задние поканфузились и утеснили и все побежали, а скороходы за ними боле десяти верст гнали.

Бунтовщиков побито, которые по дороге осталося, десять человек, в том числе убит главной бунтовской приводец, памянутой мусулинец Рустум, которой привезен в Кесму, понеже меж народом вес[ь]ма знатен был. Оной на мусулинской дороге павешен за ноги; раненых в бунтовщиках видно было много, в полон взято одиннадцат[ь] человек, ружья взято: пищалей тритцат[ь] три, сабель три, лошадей двадцат[ь]. По розбитии бунтовщиков по деревням от скороходского другова старосты Керима побито несколько, и один главой с ружьем и с лошадью поиман, из знатных же плутов у пятидесяти человек кумандиром был мусулинской же житель. С нашей стороны ранен 1.

Василий Левашов
марта 3 дня
1731 году
в Гиляни при Ряще.

АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 6. Л. 189 – 190 об. Подлинник

№ 2 Реляция

В апреле месяце 731-го году в Гиляни в Пуминском махале или волости в крепком месте в урочище Рукура бунтовщики зделали было немалую крепость, в которой з главным бунтовщиком Мелик Магаметем бунтовщиков накопилося было немало, от чего заступленные помянутыми бунтовщиками многие деревни возмущались было и от подданства отдалятца стали, и во всем помянутом махале, но и в целой Гиляни обыватели лехкомысленно обнадеялись, почели было развращатца по состоянию новоподданного и особливо иназаконова народа и нимало к их замышлениям попустить невозможно.

10 апреля на помянутое бунтовское собрание отправлена была партия под камандою за маэора капитана Бундова, регулярно в 293-х людях, нерегулярных в 27-ми людях, из мухаметанского народа кесминских скороходов конных и пеших 100 человек.

12 апреля помянутая партия бунтовскую вышепомянутую крепость с атпором бунтовщиков с немалою стрел[ь]бою взяли, и бунтовщики разбиты и разогнаны, и помянутой главной бунтовщик приводец убит, при нем еще бунтовщиков побито 10, живых взято 5 человек, а помянутую крепость всю сожгли и разорили.

Бунтовского ружья взято: яныченка⁵ 1, пищалей 5, пистолет 1, знамя 1, сабля 1, коней 3, щит 1. С нашей стороны ранен казачей урядник 1.

Того же апреля месяца в Мусулинском махале на горе называемой Бурилин близ деревни Сияврут, от бунтовщиков построена была крепость и 20 сараев, где заготовлен был довол[ь]ной магазейн, к чему возмутители бунтовщиков намножили. И апреля 28 дня из мухаметанского народа Кесминского присуду скороходские старосты и скороходы, которые с начала в верности пребывают, Сифхан да Кирим, собрався со всеми скороходами и мужиками в 200 людях конных и пеших с ведома кесминского каменданта полковника Борятинского помянутую гору и крепость от мусулинцев через великую стрел[ь]бу взяли, и помянутых мусулинцев нескол[ь]ко побили и разогнали; взято ружья бунтовского: янычанок 2, пищалей 10, зборного пшена и прочего, чего забрать не могли, бол[ь]ше ста выюков сожгли, и крепость и сараи все разорили.

Того же апреля месяца в Лагажанскую правинцию⁶ в деревню Харарут бунтовщиков собралось было немало, к чему возмутители бунтовщиков намножили. И апреля 24-го дня отправлена из Лагажани была каманда под камандою капитана Гомзакова в регулярных 84-х, в нерегулярных 93-х людях. И близ помянутой деревни напали на бунтовское собрание и оных разбили и разогнали и станы с шелашами сожгли и разорили.

Сего мая месяца в Дештевенской волости собралось было бунтовщиков шехсевенцов⁷ под камандою Мусы юзбashi 150 человек, и оные бунтовщики напали на российской конной табун в ночи незапно и разбив на три части, в разные погнали стороны. И мая 2-го дня на помянутых бунтовщиков от маэора Вул[ь]фа выслана была партия, и помянутый табун отбит и возвращен к дештевенской крепости, и помянутые бунтовщики, остановившаясь трижды дрались, но разбили их нашею камандою на три дороги, за которыми да гор и в горы близ 12 верст гнали.

Вышепомянутой маэор Вул[ь]ф мая 9-го дня, сообщася с джил[ь]скою камандою с капитаном Чеботаевым в партию, ходили на бунтовское собрание под камандою главных бунтовщиков Карабека, Сафи Кули бека, Али Арбека, Шаверди бека, откудова возвратился и джил[ь]скую каманду в Беделян отпустил. И пришед между деревень Сагдаш, разделя каманду на две части, разными дорогами пошли. И в разных местах бунтовщиков разогнали, где бунтовских со 100 дворов сожгли и бунтовщиков в горы прогнали, и когда команда возвращалася, тогда бунтовщики великим людством конными и пешими нападение чинили, которых прогоняли, но при оборотах бунтовщики как дороги, так и переправы через каналы от лесов вес[ь]ма тесные, лесом заваливали, от которых мест бунтовщиков отбивали и прогоняли, и тако помянутых мест народы усмирилися.

С неприятел[ь]ской стороны как возможно было побито много. Из знатных юзбашей убит 1, да из аркуванских юзбашей взят в полон 1. С нашей стороны ранено капитанов 2, поручников 2, капралов 2, драгун 7, салдат 20. Побито драгун 1, салдат 1.

Сего мая месяца в Гиляни в местечко Пумин собралось было бунтовщиков немало под камандою главных бунтовщиков Мама Небия и Мир Абаса и Насыр хана, х которым еще бунтовщиков из гор намножилося; в Пуминском уезде в деревню Тенияк бунтовщика Ашам бека сын Силим с товарищи.

12 мая от каменданта полковника князя Борятинского из мухаметанского народа скороходской староста с скороходы посланы были, которые с начала в верности пребывают, Сифхан да Кирим, на бунтовское собрание напали, и учинилась стрел[ь]ба немалая, и помя-

нутых бунтовщиков забили и разогнали. Побито: приводец бунтовщичей Али Мамет да 4 человека редовых, в полон взято 6, ружья бунтовского взято: пищалей 12, сабля 1.

Того ж 12 мая в вышеупомянутую деревню Нижней Тенияк на бунтовщиков скороходской староста помянутой Сифхан напал, где стрел[ь]ба была немалая, которых бунтовщиков разбили же и разогнали. Убито бунтовщиков 2, ружья взято пищалей 3.

Милостию Вышнего и высоким ея императорского величества счастием везде по прежнему усмирило.

Мая 15 дня
1731 году
в Гиляни при Ряще.

АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 6. Л. 336–339. Подлинник

Примечания

¹ Имеется в виду самозванец Измаил (по данным турок – дервиш), который в 1726 г. провозгласил себя сыном покойного шаха Султан-Хусейна (1694–1722). Он рассыпал воззвания и возил с собой самодельную «печать шахову» и «письмо» отца, который якобы послал его для продолжения борьбы за освобождение Ирана. Русские «партии» не раз громили «шаховича» – в последний раз это сделали в мае 1730 г. Но каждый раз Измаил ускользал, а затем вновь появлялся, собрав вокруг себя две-три тысячи приверженцев, пока в начале 1731 г. мятежник Мирфазыл не убил его.

² Фумин (Пумин) – современный Фуман, уездный центр (шахрестан) провинции Гилян.

³ Современный город Касма в провинции Гилян.

⁴ Полковник князь Михаил Михайлович Барятинский, будущий комендант Дербента в 1731–1733 гг.

⁵ Яныченка – длинное ружье-мушкет, употреблявшееся турецкими янычарами.

⁶ Современный Лахиджанский шахрестан в провинции Гилян.

⁷ Шахсевены – этническая группа кочевников-азербайджанцев на северо-западе Ирана.

Материал поступил в редакцию
Received
29.07.2019

Сведения об авторе

Курукин Игорь Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Российской государственного гуманитарного университета (Миусская пл., 6, Москва, 125993, Россия)
kurukin@mail.ru

Information about the Author

Igor V. Kurukin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Medieval and Modern Times History, Russian State University for the Humanities (6 Mius Sq., Moscow, 125993, Russian Federation)
kurukin@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-144-148

Рецензия на книгу:

Историческая память России и декабристы. 1825–2015. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.) / Сост., отв. ред. П. В. Ильин. СПб.; Иркутск: Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов, 2019. 472 с.

Восстание на Сенатской площади, произошедшее 14 декабря 1825 г., – одно из ключевых событий в истории России. Естественно, оно всегда было в центре внимания исследователей, которые по-разному, в зависимости от идеологических установок, оценивали его роль и значение. Юбилейные научные конференции предоставляют возможность участникам подвести определенные итоги в изучении декабристского движения, выявить недостаточность источниковой базы и возможности ее расширения, а также определить актуальные проблемы и новые подходы для их решения. Не была исключением и конференция, прошедшая в Санкт-Петербурге в 2015 г. Еще большую ценность представляет сборник научных статей, написанных по материалам конференции.

Сборник посвящен исследованию проблемы исторической памяти российского общества о событиях 1825 г. Это дало возможность составителям, как и организаторам конференции, не только акцентировать внимание на истории декабристского движения, но и обозначить актуальные проблемы его изучения, опираясь на новые подходы, которые появились благодаря последствиям методологических поворотов в исследованиях гуманитариев в конце XX – начале XXI в. В статьях подняты и решаются вопросы методологии изучения декабристского движения, историографии, биографики, источниковедения и археографии.

В предисловии, написанном ответственным редактором П. В. Ильиным, дано пояснение, что не все доклады, прозвучавшие на конференции, по разным причинам были включены в качестве статей сборника, но «тематические и проблемные границы, заданные прошедшим научным форумом», были сохранены (с. 9). Далее опубликована программа заседаний конференции. Знакомство с ней предоставляет возможность читателям получить общее представление о прошедшем мероприятии и сделать вывод, что в сборнике не соблюдается порядок произнесенных на конференции докладов. Изменение их последовательности позволило составителям еще более четко обозначить заявленную проблематику, акцентировав внимание на важнейших аспектах изучения декабристского движения, обусловленных необходимостью осмыслиения научных проблем на современном уровне развития исторической науки.

Совершенно справедливо сборник открывается разделом «Проблемы историографии, археографии, источниковедения», в котором помещены научные статьи, написанные на материале сообщений и докладов, произнесенных на разных секциях. Например, первой включена статья П. В. Ильина «О необходимости подготовки нового биографического справочника декабристов», хотя на конференции это сообщение прозвучало последним на заключительном заседании. Автор привел обстоятельные и убедительные аргументы об отсутствии «полноценного биографического справочника в области декабристоведения» и предложил методические принципы и общую структуру будущего биобиблиографического справочного издания современного типа, посвященного участникам декабристского движения (с. 34–36).

Логично смотрится решение составителей поместить следом статью Д. Н. Шилова «Новейшие биографические словари деятелей Российской империи (источниковедческие и методические проблемы жанра)», написанную на материале заключительного доклада пленарного заседания. Она посвящена анализу вышедших в период с 2001 по 2015 г. биографических словарей. Известный специалист в области биографики, автор современных биобиблиографических словарей, составленных на высоком научном уровне, охарактеризовал состояние дел в области биографического справочного жанра и перспективы его развития, сформулировал задачи, решение которых позволит вывести жанр «на более высокий научный уровень» (с. 47).

Поместив рядом эти статьи, составители предоставили возможность читателям познакомиться с взглядом специалистов по декабризму и биографии на составление отвечающих современному уровню развития науки справочников. Актуальность биобиблиографического справочника, посвященного участникам декабристского движения, не вызывает сомнения. Оно не только сделало бы доступными для исследователей результаты изучения жизненного пути и творческого наследия участников тайных обществ, но включало бы указания на документальные источники, в которых нашла отражение использованная при составлении каждой биографической справки информация. В статьях сборника показаны необходимость и сложность выполнения на высоком научном уровне подобного издания справочного характера, а также конкретные пути решения этой задачи.

В статье П. В. Ильина «Декабристы известные и неизвестные: проблема целостного восприятия истории тайных обществ декабристского ряда (персональный аспект)» продолжено обсуждение поднятой им ранее очень важной и насущной проблемы – о необходимости более полного выявления состава участников движения декабристов. Актуальность ее обусловлена и сформулированной научной задачей издания нового биобиблиографического словаря, посвященного декабристам. Обратив внимание на обсуждение исследователями вопроса о том, кого можно или следует относить к участникам движения, автор констатирует, что до сих пор он остается дискуссионным из-за существенных различий в понимании термина «декабрист» (с. 154–157). Актуальность темы и назревшую необходимость ее решения подтверждает В. А. Шкерин в статье «Декабрист Александр Суворов» (с. 193–195).

Далее в статье П. В. Ильина осуществлен анализ конкретных трактовок к определению понятия «декабрист» и предложен вариант, который позволяет представить историю тайных обществ в качестве исторического явления в наиболее полном виде. Совершенно справедливо П. В. Ильин предлагает значительно расширить круг участников движения за счет «неизвестных декабристов», т. е. тех, кто избежал судебного приговора и статуса «государственных преступников». Речь идет о задаче выработать корректную, научно обоснованную трактовку понятия «декабрист», а для этого, по замечанию автора статьи, следует определить строгие критерии, которые бы опирались на документальные свидетельства. Приведены веские аргументы в пользу нового подхода и сделан весьма убедительный вывод о том, что это приведет «к большей полноте, точности и объективности научных исследований в области декабристоведения» (с. 159–170).

Не вызывает возражения и утверждение П. В. Ильина о том, что обновление содержания понятия «декабрист» существенно углубит научные знания об этом общественно-политическом движении, представив его во всей сложности, поскольку открывает перспективы обратить внимание на изучение биографий, творческого наследия тех участников, которые избежали репрессий и продолжали находиться на государственной службе. Приведенные в качестве аргументов ссылки на уже опубликованные работы, а также помещенные в сборнике следом две статьи, в которых исследуются взгляды и анализируются сочинения декабристов, избежавших суда, свидетельствуют о важности и плодотворности нового подхода к изучению движения как исторического явления.

Статьи К. Г. Боленко и Б. Н. Щедринского «К анализу служебной биографии С. П. Шипова: формулярные и послужные списки» и С. В. Куликова «Сергей Павлович Шипов: забытые уроки забытого мыслителя» демонстрируют результивность обращения к изучению био-

графий и творческого наследия всех категорий участников движения. В сборнике материалов юбилейной конференции нашло отражение стремление современных декабристов рассмотреть общественно-политическое движение в качестве цельного исторического явления, включающего не только историю образования тайных организаций, оформление и эволюцию идеологии, события 14 декабря, следствие, суд, приговор, период сибирской каторги и ссылки, но и судьбу декабристов и эволюцию их взглядов в последующие исторические периоды.

Об этом свидетельствуют не только статьи, посвященные С. П. Шипову и А. Суворову, но ярким примером может служить и статья Е. Н. Туманик. Уже в ее названии обозначена важная исследовательская проблема: «К вопросу об эволюции идей декабризма после восстания: А. Н. Муравьев и его проекты общественных и политических объединений 1848–1856 гг.» (с. 327). Действительно, автор, опираясь на вновь вводимые в научный оборот документальные источники, вносит дополнение в изучение деятельности декабристов на государственной службе в эпоху правления Николая I и Александра II.

Анализ двух проектов, представленных на высочайшее имя А. Н. Муравьевым, дал возможность Е. Н. Туманик охарактеризовать их в качестве реализации политического идеала, в котором просматриваются отрицание революционного пути развития страны и, как высказала предположение автор, возможная связь с содержанием «второй части» устава Союза благоденствия (с. 335–336). Обращение к эволюции взглядов декабристов после событий декабря 1825 г. предоставляет возможность прояснить суть общественно-политического движения в период его становления. Это свидетельствует о важности подхода к его изучению в качестве цельного исторического явления.

В статьях сборника декабризм рассматривается в контексте политической ситуации, сложившейся в Российской империи и в Европе в целом. Подводятся итоги освещения истории движения в историографии. Интерес представляет статья украинских ученых Г. Д. Казьмиручука и Ю. В. Латыша «Современное украинское декабристоведение». В ней охарактеризовано состояние сложившейся еще в советское время украинской школы декабристоведения. Авторы сумели показать сложные процессы, происходившие в научных кругах по поводу восприятия декабризма после 1991 г. (с. 116–126).

Авторы статей формулируют задачи, обусловленные необходимостью новых интерпретаций событий, становления и эволюции идеологии тайных организаций. Например, в статье «Основные проблемы изучения истории движения декабристов» М. М. Сафонов обосновал необходимость «восстановления всего хода следственного процесса со всеми его нюансами». Решение этой задачи автор связывает с «изданием следственных материалов на новых принципах» (с. 52). Статьи сборника свидетельствуют о том, что, как справедливо отмечено в предисловии, важное место в изучении декабризма в последнее время приобрела источниковедческая традиция.

Действительно, в XXI в. исследователями осознается необходимость расширения источниковой базы, научного издания уже известных письменных источников, а также их новых интерпретаций с использованием современных методов анализа. Показательна в этом плане статья Н. П. Матхановой «Комментирование мемуарного наследия декабристов: исторический контекст», в которой обсуждается вопрос о важности научных комментариев при издании текстов источников (с. 69–82). Не случайно второй раздел сборника, в котором помещены статьи о новых подходах к изучению движения декабристов, озаглавлен так: «Феномен декабризма: новые подходы к изучению и новые материалы» (с. 127).

В названии раздела подчеркивается, что для более объективного, освобожденного от идеологических установок, осмыслиения общественно-политического движения недостаточно новых подходов к изучению феномена, но нужны и «новые материалы». Первой помещена статья Д. В. Тимофеева «История декабризма в контексте методологии истории понятий: перспективы и принципы применения». В ней автор ставит вопрос об актуальности проблемы «реконструкции различных значений и контекстов употребления основных социально-политических понятий», с помощью которых декабристы формулировали свои представле-

ния о перспективах развития страны (с. 133). В качестве наглядного примера автор рассматривает систему значений понятия «просвещение», которое было одним из ключевых для общественной мысли первой четверти XIX в. и активно использовалось декабристами.

В статье Т. В. Андреевой «Сотворение декабристов»: культурологический аспект феномена декабризма» подчеркивается, что советские ученые С. Н. Чернов, С. Б. Окунь, Ю. М. Лотман, Н. Я. Эйдельман внесли большой вклад в развитие культурологического аспекта изучения декабризма (с. 137). Автор справедливо считает актуальным продолжение исследований в этом направлении и предлагает рассматривать движение как часть общеевропейского либерально-освободительного процесса (с. 143). Уже в названии явная отсылка к творческому наследию Ю. М. Лотмана, поскольку обозначено, что речь идет о «создании декабристов». Автор охарактеризовала составляющие элементы формирования нового для России типа человека – социальный, культурно-исторический, сословно-дворянский, семейно-воспитательный и национально-вероисповедный. Это позволило сделать убедительный вывод о том, что «пути «создания декабристов» были разными и зависели от многих составляющих», но общим была ориентация на европейские либерально-просветительские традиции и «формирование интеллектуального сопротивления абсолютистско-крепостническим реалиям и традициям дворянской корпорации» (с. 150).

Многие статьи данного раздела посвящены введению в научный оборот «новых материалов» для изучения биографий, истоков взглядов. Об этом свидетельствуют уже их названия. Приведем в качестве примера некоторые из них: О. В. Эдельман «Немецкие учителя Павла Пестеля: по материалам семейной переписки»; Е. Ю. Лебедева «Сибирские годы А. П. Барятинского: материалы к биографии»; Г. А. Лумпанова «Декабрист М. И. Муравьев-Апостол после амнистии (новые материалы)». Разумеется, практически в каждой статье сборника используются новые источники или представлены новые интерпретации уже известных. Во всех разделах включены статьи, посвященные введению в научных оборот неизвестных ранее архивных материалов.

Авторы статей сборника при формулировке современных научных задач декабристоведения предлагают рассматривать их, решая вопрос о соотношении реальных событий истории и их реконструкции в исторической памяти. Этим объясняется внимание к историографии, источниковедению, археографии, биографии. Статья Е. Б. Васильевой «История движения декабристов на страницах журналов “Былое” и “Голос минувшего”: к вопросу об особенностях написания нарратива» показательна в этом плане. Автор попыталась охарактеризовать отношение к декабристам, которое нашло отражение на страницах периодики в период первой русской революции.

Статьи сборника рассматривают проблемы декабристоведения с точки зрения формирования и функционирования исторической памяти о событиях декабря 1825 г. Речь может идти об индивидуальной, например, в публицистике, источниках личного происхождения – письмах, мемуарах, или памяти коллектива, общества. Особый раздел сборника озаглавлен так: «Историческая память об эпохе декабристов: формы, пространства, памятные места». Е. А. Калинина в статье «Тема “Декабристы” в школьных учебниках XIX – начала XX в.» представила результаты анализа соответствующего раздела и сделала вывод об эволюции взглядов авторов учебников на события декабря 1825 г. «от монархически-охранительного к либерально-буржуазному направлению» (с. 348).

В статье директора Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов Е. А. Добрининой «И один в поле воин: роль Иркутского музея декабристов в сохранении исторической памяти о декабристах» показано значение коммеморации в превращении города в один из центров российского декабристоведения, а также роль музея в увековечивании памяти об участниках движения (с. 366–372). Далее помещен «справочно-информационный очерк» историка, краеведа Э. Б. Штец «Декабристы в Восточной Сибири: памятные места». Эти статьи свидетельствуют, что в сборнике представлен не только исторический, но и современный коммеморативный дискурс.

К сожалению, объем рецензии не позволяет более подробно остановиться на характеристике содержания статей, невозможно даже уделить внимание всем, включенными в сборник материалов международной научной конференции, хотя каждая вносит свой вклад в подведение итогов и обозначение новых подходов к изучению движения декабристов. Можно констатировать, что вышедшая из печати книга включает исследования, в которых обсуждаются актуальные проблемы декабристоведения, формулируются новые научные задачи, направленные на расширение источниковой базы и углубление наших представлений об одном из ключевых событий в истории России.

Гурьянова Наталья Сергеевна

доктор исторических наук, главный научный
сотрудник сектора археографии и источниковедения
Института истории СО РАН, профессор кафедры
отечественной истории Гуманитарного института НГУ
gurian@academ.org

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи
АРАН	— Архив Российской академии наук
ГААК	— Государственный архив Алтайского края
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГАНО	— Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГИАОО	— Государственный исторический архив Омской области
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РО ИРЛИ	— Рукописный отдел Института русской литературы
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В «Вестнике НГУ. Серия: История, филология» по направлению «История» публикуются материалы, соответствующие основным разделам журнала: «Всеобщая история», «Российская история», «Методология исторических исследований. Историография», «Документальные страницы», «Рецензии», «Научная информация».

Сроки выхода журнала: январь-февраль (вып. 1) и октябрь-ноябрь (вып. 8) каждого календарного года. Прием материалов для публикации в вып. 1 осуществляется с мая по октябрь, в вып. 8 с ноября по апрель каждого календарного года. Рукописи, поступившие в редакцию после определенного в требованиях срока формирования выпуска, не принимаются к рассмотрению (о чем уведомляется автор) или, по желанию автора, передаются на хранение в редакционный портфель до наступления сроков формирования следующего выпуска.

С требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <http://vestnik.nsu.ru/historyphilology/history-requirements>.

Материалы, предоставляемые для публикации, должны иметь следующий объем:

Статьи: до 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Документальные публикации: до 1 а. л., в том числе вводная статья – до 0,25 а. л. (10 тыс. знаков) и примечания. В примечаниях дается информация о встречающихся в тексте источниках именах, неизвестных или малоупотребительных названиях и терминах специального характера.

Рецензии и Научная информация: до 0,4 а. л. (16 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после согласования с ответственным редактором, а к публикации – по решению редакции.

Материалы для публикации подаются в электронном виде. Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<http://vestnik.nsu.ru/historyphilology>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала

К рукописи отдельным файлом необходимо приложить полное указание Ф. И. О., сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также номер контактного телефона и электронный адрес автора.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редакцию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Новосибирский государственный университет
кафедра отечественной истории, кафедра всеобщей истории
(ауд. 1264, 1265 нового учебного корпуса)
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 34
E-mail: history@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 18283 в каталоге ОАО «Роспечать»